

ISBN: 978-93-90753-93-2

LINGUOCULTUROLOGY

EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL MANUAL

Authored by
TSERTSVADZE M.G.

Published by
Novateur Publication
466, Sadashiv Peth, M.S.India-411030

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИМЕНИ А. ЦЕРТЕЛИ

ДЕПАРТАМЕНТ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

ЦЕРЦВАДЗЕ М.Г.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

(ДЛ Я МАГИСТРАНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА»)

Учебно-методическое пособие

УДК
811.161.1
Ц.48

Рецензент: Кротенко И. А., доктор филологии, профессор Кутаисского государственного университета им. А. Церетели

Редактор :

Кадирова Б.Н. , кандидат педагогических наук, доцент Каспийского государственного университета им. Ш.Есенова(Казахстан, Актау).

Составитель: М.Г. Церцвадзе. Лингвокультурология. Учебно-методическое пособие., 2020г.

Предлагаемое учебное пособие создано на основе курса лекций по лингвокультурологии, который читается студентам КГУ им. А. Церетели, и соответствует программе департамента славянской филологии гуманитарного факультета КГУ

Цель данного учебно-методического пособия – сформировать представление о разделах лингвокультурологии, её объекте и предмете, основных понятиях и методах, ознакомить с основными направлениями и школами лингвокультурологии

Представлены конспекты пятнадцати лекций в соответствии с учебным планом, контрольные вопросы, практические задания, тестовые задания, глоссарий, основная и дополнительная литература по каждой теме.

Учебное пособие адресовано иностранным студентам - магистрантам направления образования "Русский язык и литература", преподавателям и всем, кто интересуется ценностно-смысловым пространством слова.

ISBN 978-93-90753-93-2

АННОТАЦИЯ

Курс «Лингвокультурология» является важным звеном подготовки учителей иностранных языков. Это актуальное и динамически развивающееся направление современной науки совмещает в себе последние новации в области лингвистики и культурологии. Тематика и содержание заданий соответствуют учебной программе курса. При формировании материала курса учитываются как базовые, уже сложившиеся к настоящему времени, знания в области лингвокультурологии: базовые понятия и проблемы пограничного междисциплинарного характера (язык культуры, культурная коннотация, концепт, традиция, лингвокультурная парадигма, ментальность и менталитет, установки культуры, лингвокультурема, культурные универсалии), так и собственно лингвистические данные (стереотипы и эталоны), рассматриваются актуальные проблемы речевого этикета, гендерный аспект речевого поведения.

Цель дисциплины: Формирование и развитие компетенций, связанных с пониманием взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в его функционировании; ознакомление с теоретико-методологическими аспектами лингвокультурной коммуникации; обучение методам моделирования лингвокультурной коммуникационной деятельности; формирование мотивационной направленности студентов к лингвокультурной деятельности.

Задачи курса:

- формировать навыки вузовской работы с учебной и научной литературой, словарями, навыков сопоставительного анализа родного и изучаемых иностранных языков;
- ознакомить студентов с основными понятиями, проблемами и базовой терминологией лингвокультурологии;
- изучить историю становления лингвокультурологии, предпосылки ее возникновения в научных концепциях представителей разных наук (филологии, культурантропологии, культурно-исторической этнопсихологии и др.), объект, предмет, цели и основные постулаты данной науки;
- обсудить ее основополагающие понятия: культурное пространство как «ментальная» сфера культуры, культурная коннотация, культурно-языковая компетенция, коды культуры, языковая картина мира, образ мира, основные единицы лингвокультуры, их эталонные и символичные «функции» и др. и показать, как культура формирует и организует мышление языковой личности, языковые категории и концепты;
- сформировать у студентов навыки самостоятельного лингвокультурологического анализа;
- изучить основные принципы лингвокультурологического анализа;
- научить грамотному использованию языковых средств в процессе межкультурной коммуникации;

Решение указанных задач осуществляется на лекциях, практических занятиях, предусмотренных учебным планом

. Общая трудоемкость освоения дисциплины составляет 30 часов. Учебным планом предусмотрены лекционные занятия (15 часов), практические занятия (15 часов).

Дисциплина читается в 9 семестре, к этому времени студент должен получить также базовые знания по истории, философии, психологии. Дисциплина логически и содержательно связана с такими курсами, как «Введение в языкознание», «Лексикология современного русского языка», «История русского языка», «Введение в языкознание», «Практический курс русского языка», «Стилистика русского языка», «Интерпретация текста», «Филологический анализ текста», «Сравнительная типология», «Теория перевода».

По окончании курса студент должен

уметь:

- адаптировать знания в области лингвокультурологии для решения образовательных задач в профессиональной сфере преподавания иностранного языка;
- осуществлять поиск лингвокультурологического материала
- отбирать информацию, необходимую для решения конкретной задачи в профессиональной сфере преподавания иностранного языка;
- подбирать лингвокультурологический материал и составлять задания для реализации поставленной учебной цели;

представлять• информацию, касающуюся проблем линвокультурологии, в виде схем, диаграмм, графиков, таблиц;

уметь находить культурно значимые единицы в речевом потоке и• рефлексировать их коннотацию

владеть:

лингвокультурологическими терминами и понятиями;•

основами лингвокультурологического анализа. •

В учебно-методическое пособие включено содержание лекционных и практических занятий в соответствии с учебным планом, контрольные вопросы, практические задания, тестовые задания, глоссарий, основная и дополнительная литература по каждой теме.

Уровень освоения студентами материала курса, владения навыками лингвистического анализа проверяется на промежуточном и финальном экзаменах.

Тексты, представленные в учебном издании, заимствованы из художественных произведений русских авторов. Часть упражнений и творческие задания являются авторской разработкой. Ряд заданий был заимствован из разных пособий

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

СОДЕРЖАНИЕ ЛЕКЦИЙ

ЛЕКЦИЯ №1. ПОНЯТИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

1. Новая антропоцентрическая парадигма современного языкознания
2. Язык и культура.
3. Объект, предмет, цель и актуальные проблемы и методы лингвокультурологии.
4. Место лингвокультурологии в кругу других гуманитарных наук

Вопросы и задания

ЛЕКЦИЯ №2-3. ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ. ШКОЛЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

1. Проблема взаимоотношения языка, культуры и этноса в немецкой филологии начала XIX в. и трудах российских ученых 60 – 70-х гг. XIX в.
2. Идеи В. фон Гумбольдта о взаимосвязи языка и культуры.
3. Теория лингвистической относительности Сепира – Уорфа.
4. Школы и направления современной лингвокультурологии.

Вопросы и задания

ЛЕКЦИЯ №4-5. БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

1. Картина мира . Языковая и концептуальная картины мира .
2. Национальный характер, , менталитет, концептуальная и национальная картины мира.
3. Роль лексики и грамматики в формировании личности и национального характера.
4. Лингвокультураема. Субкультура. Лингвокультурная парадигма. Культурные семы. Культурные концепты. Культурные традиции. Культурное пространство.

Вопросы и задания

ЛЕКЦИЯ №6. СПЕЦИФИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ

1. Фоновые знания и их формы (вербальная и невербальная).
2. Структура фоновых знаний: вербальный, вербально-этикетный, ритуально-этикетный компоненты.
3. Содержание фоновых знаний: а) историко-культурный фон; б) социокультурный фон; в) этнокультурный фон; г) семиотический фон.

Вопросы и задания

ЛЕКЦИЯ №7-8. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ СУЩНОСТЕЙ

1. Символ в культуре. Культурная символика. Функции и виды символов. Способы символического выражения. Понятие об архетипе. Природа и сущность архетипа. Культурный архетип.
2. Лингвокультурный аспект фразеологии,
3. Лингвокультурный аспект метафоры.

4. Сравнение в лингвокультурологическом аспекте

Вопросы и задания

ЛЕКЦИЯ №9. СТЕРЕОТИП КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

1. Понятие «культурный стереотип» в лингвистике и МКК.
2. Виды стереотипов.
5. Функционирование стереотипов

Вопросы и задания

ЛЕКЦИЯ №10. ЛИЧНОСТЬ КАК ПРОДУКТ И НОСИТЕЛЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

1. Понятие языковой личности. Концепция трехуровневой структуры языковой личности. Содержание языковой личности.
2. Инкультурация и социализация. Национально-культурная специфика внешних и внутренних качеств языковой личности – представителя лингвокультурной общности. Культурное самоопределение личности.
3. Мужчины и женщины в обществе, культуре и языке

Вопросы и задания

**ЛЕКЦИЯ №11. ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В МИФЕ, В ФОЛЬКЛОРЕ,
ФРАЗЕОЛОГИИ**

1 Представления о человеке и его месте в окружающем мире по данным мифологических источников.

2 Внешний облик человека, запечатленный в мифе и языке; душа и сердце как «духовные центры» человека по мифологическим представлениям

Вопросы и задания

**ЛЕКЦИЯ № 12. КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ КАК ФЕНОМЕН
ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ**

1. Концепты как опорные элементы лингвокультуры. Различие между «концептом» и «понятием», «концептом» и «значением», «концептом» и «словом».

2 Безэквивалентная лексика и лакуны как обозначение специфических явлений культуры.

3. Концепт в методике преподавания русского языка как иностранного.

ЛЕКЦИЯ №13. АККУМУЛИРУЮЩЕЕ СВОЙСТВО СЛОВА

1. Проблема аккумулятивности слова.

2. Культурная коннотация.

ЛЕКЦИЯ №14-15. СЛОВО И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1 Язык и национальная принадлежность художественного произведения.

2 Проблемы билингвизма, автоперевода и перевода.

3 Шедевры мировой литературы.

Вопросы и задания

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

ГЛОССАРИЙ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ЛЕКЦИЯ №1 .
ПОНЯТИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

План лекции::

1. Новая антропоцентрическая парадигма современного языкознания
5. Язык и культура.
6. Объект, предмет, цель и актуальные проблемы и методы лингвокультурологии.
7. Место лингвокультурологии в кругу других гуманитарных наук

Рекомендуемая литература

Основная

Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений/ В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2004.
Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии/ А.Т. Хроленко. – М.: Флинта, 2006.

Дополнительная

Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры// Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000.
Тарасов Е.Ф. Язык и культура: методологические проблемы// Язык-культура-этнос. – М.: Наука, 1994.
Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.

1. Новая антропоцентрическая парадигма современного языкознания

Идею антропоцентричности языка в настоящее время можно считать общепризнанной: для многих языковых построений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета.

Данная научная парадигма, сложившаяся на рубеже тысячелетий, поставила новые задачи в исследовании языка, требует новых методик его описания, новых подходов при анализе его единиц, категорий, правил.

Вопрос о парадигме как модели постановки проблем и совокупности приемов их решения встал перед исследователями после выхода в свет в 1962 г. известной книги Т. Куна «Структура научных революций» (русский перевод был сделан в 1977 г.). Т. Кун предлагает рассматривать парадигму как научное сообщество, которое руководствуется в своей исследовательской деятельности определенными совокупностью знаний и подходом к объекту исследования (в нашем случае -- языку). Известно, что «в лингвистике (и вообще в гуманитарных науках) парадигмы не сменяют друг друга, но накладываются одна на другую и сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга».

Традиционно в истории лингвистики, с начала XIX века, выделяются **три парадигмы** – сравнительно-историческая, системно-структурная и антропоцентрическая.

Сравнительно-историческая парадигма была первой научной парадигмой в лингвистике, ибо сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка. Весь XIX в. прошел под эгидой этой парадигмы.

При системно-структурной парадигме внимание было ориентировано на предмет, вещь, имя, поэтому в центре внимания находилось слово. Даже в третьем тысячелетии можно исследовать язык все еще в рамках системно-структурной парадигмы, ибо эта парадигма продолжает существовать в лингвистике, а число ее последователей довольно велико. В русле этой парадигмы по-прежнему строятся учебники и академические грамматики, пишутся различного рода справочные издания. Фундаментальные исследования, выполненные в рамках этой парадигмы, являются ценнейшим источником сведений не только для современных исследователей, но и для будущих поколений лингвистов, работающих уже в иных парадигмах. **Антропоцентрическая парадигма** - это переключение интересов исследователя с объектов познания на субъекта, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке, поскольку, по

словам И. А. Бодуэна де Куртэне, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество». С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. Многочисленные языковые подтверждения тому, что мы видим мир сквозь призму человека, это метафоры типа: *метель разыгралась, метель укутала людей, снежинки пляшут, звук уснул, сережки берез, матушка-зима, идут года, ложится тень, объятый тоской*. Особенно впечатляют яркие поэтические образы: *мир, пробудившись, встрепенулся; лениво дыши*.

Антропоцентрическая парадигма выводит на первое место человека, а язык считается главной конструирующей характеристикой человека, его важнейшей составляющей. Человеческий интеллект, как и сам человек, немислим вне языка и языковой способности к порождению и восприятию речи. Текст, создаваемый человеком, отражает движение человеческой мысли, строит возможные миры, запечатлевает в себе динамику мысли и способы ее представления с помощью средств языка.

В рамках антропоцентрической парадигмы оформились **новые лингвистические дисциплины**: когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология и лингвострановедение.

Когнитивная лингвистика (или *когнитология, когитология*) – наиболее распространенное (особенно в Европе) название направления лингвистических исследований, сложившегося во второй половине 1970-х годов и имевшего в дальнейшем значительное число последователей. В США, где это направление зародилось, его чаще называют *когнитивная грамматика*, тогда как в России нередко используется термин *когнитивная семантика*, указывающий на один из источников данного исследовательского начинания.

«Когнитивная наука о языке, – пишет Леонид Михайлович Васильев, – это учение о различных типах человеческого знания и способах его репрезентации. Предметом когнитивной теории является речевая деятельность людей, т.е. реальные процессы порождения и понимания текстов. Механизмы тех и других процессов являются весьма сложными. Для их осуществления необходима солидная база языковых и неязыковых знаний; языковые знания наиболее концентрированно, емко представлены в семантических и грамматических категориях, а неязыковые – в когнитивных категориях. Таким образом, **когнитивные категории** (или **модельные конструкторы**) – это категории мыслительного содержания, конструкторы сознания, моделирующие наши знания о мире и соотносящие их с моделями знаний, зафиксированных в структуре языка.

Этнолингвистика – междисциплинарная наука, совмещающая в себе предметы и методы языкознания (преимущественно диалектологии и компаративистики), фольклористики и этнографии. Этнолингвистика как составляющая современной семиотики соприкасается с мифологией, историей культуры, этнической историей, теорией этногенеза, в фокусе которых находится человек (прежде всего «человек говорящий» – *homo loquens*) и этнос. По определению Никиты Ильича Толстого, этнолингвистика есть «раздел языкознания или – шире – направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов корреспонденции [Толстой Н.И., 1995.:85].

.Помимо этого, «этнолингвистика занимается эмпирическими исследованиями моделей и функций применения языка в различных ситуационных контекстах, свойственных разным культурам, равно как и созданием общей теории языка, шире – коммуникации вообще во всей совокупности человеческой культуры, опираясь при этом на предпосылки, исходящие от связи конкретных культур с конкретными языками»

Лингвострановедение изучает собственно национальные реалии, нашедшие отражение в языке. Это безэквивалентные языковые единицы (по определению Евгения Михайловича Верещагина и Виктора Григорьевича Костомарова) – обозначения специфических для данной культуры явлений. Рассматривая языковые единицы как органическую часть естественного бытия человека в его социальной и природной среде, лингвисты исходят из тезиса о том, что лингвокультурное освещение языка есть сопоставительное изучение этого языка в сравнении с иностранным либо родным. Поэтому в качестве единиц изучения здесь фигурируют реалии, т.е. те факты действительности, которые объективно присущи только данной этнокультурной общности.

Во всех этих дисциплинах ключевыми понятиями являются – **язык и культура народа**.

2. Язык и культура

Термин *культура* понимается очень широко: *материальная культура, духовная культура, музыкальная культура, культура речи, культура мышления, культура поведения, культура труда, культура земледелия, художественная культура, культурные традиции, культура хорового пения, исполнительская культура* и т.д.

Дадим научное определение :

Культура(от лат. cultus 'возделывание, обработка') – в широком смысле слова – все созданное руками и разумом человека;термин употребляется в нескольких смыслах:

а) личностная система качеств ума, характера, воображения, памяти, получаемых в процессе воспитания и образования и осознаваемых как ценности, ценимые в обществе и созданные самим индивидом (*нравственная, эстетическая, бытовая, профессиональная, научно-техническая культура*);

б) социальная система форм деятельности, организованных при помощи норм и ценностей, функционально полезных,закрепившихся в общественной практике и сознании общества. Культура в обществе представлена материальными предметами и социальными установлениями (государственными и общественными институтами, традициями, духовными ценностями);

в) целостный исторический феномен(*культурно-исторический тип*), локальная культурная цивилизация, возникшая на базе территориальной, этнической, языковой, политической, экономической и психологической общности (*культура национальная, этническая, западная культура, восточная культура*).

Не существует четких границ между духовной и материальной культурой. Взять хотя бы архитектуру. К какой области культуры ее отнести: материальной или духовной? То, что является результатом архитектурной мысли – здания и сооружения, относится к материальной культуре, а архитектурное образование, архитектурное мышление, архитектурные проекты – к духовной культуре. Вообще говоря, все виды материальной культуры являются так или иначе результатом духовной культуры, духовной деятельности людей. Именно в этом смысле всякая культура обусловлена мышлением.

Американский философ и лингвист Эдуард Сепир дал точное и образное определение культуры: «Культуру можно определить как то, *что* данное общество делает и думает. Язык же есть то, *как* думают. При этом духовная культура является очень важной составляющей общественного сознания, общественной психологии и идеологии.

С понятием *культура* очень тесно связано понятие *цивилизация* (от лат. *civilis* 'гражданский, государственный' < *civis* 'гражданин, горожанин').

Цивилизация – межэтническая, культурно-историческая общность людей.

Понятие *цивилизация* появилось еще в античную эпоху как определение качественного отличия античного общества от варварского окружения. В эпоху Просвещения и в XIX в. термин *цивилизация* также использовался как характеристика высшей стадии социокультурного развития. В XX в. сформировалось иное значение этого термина как локальной моно- или полиэтнической общности с выраженной социокультурной спецификой, т.е. концепция *исторической цивилизации*, древнеегипетская, вавилонская, греческая, римская, китайская, индийская, византийская, мусульманская, средневековая, западно-европейская и т.п.

В последние годы получает распространение определение цивилизации как локальной межэтнической общности, формирующейся на основе единства исторической судьбы народов, проживающих в одаом регионе, длительного и тесного культурного взаимодействия и культурного обмена между ними, в результате чего складывается высокий уровень сходства в их правовых и политических системах, в типах хозяйства, религиозных взглядах, в философии и науке, системах образования, стилистике литературно-художественного творчества.

Итак, складывается соотношение:

язык → культура → цивилизация.

3. Объект, предмет, цель, актуальные проблемы и методы исследования лингвокультурологии

Лингвокультурология (ЛК) - дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе. Она непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвистического комплекса. **Дискурс** – (от франц. *discourse* 'речь' – связный текст в совокупности с экстралингвистическими прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами. Текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие. Дискурс -это речь, погруженная в жизнь, поэтому термин *дискурс*, в отличие от термина *текст*, не применяется к древним текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно. Дискурс включает паралингвистическое сопровождение речи: ритм и темп речи, интонацию, связь со слушателем, эмоции, оценки, способы воздействия на слушателя.

Объектом лингвокультурологии является исследование взаимодействия языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком. Объект размещается на «стыке» нескольких фундаментальных наук — лингвистики и культурологии, этнографии и психолингвистики.

Предметом исследования этой науки являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания — архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и поговорках (поговорках) и т.д.

Актуальные проблемы ЛК:

- выявление универсальных национально-специфических черт дискурса;
- исследование национально-культурной составляющей дискурса;
- определение и классификация факторов, обуславливающих национальную специфику дискурса;
- выявление, изучение и описание феноменов, с одной стороны, отражающих, а с другой – предопределяющих специфику национальной картины мира;
- выявление и описание кодов культуры, эталонов культуры, определение культурно-детерминированной метрически-эталонной сферы;
- изучение и описание окультуренных человеком сфер (пространство, время, деятельность, личность, отношения и т.п.);
- выявление и описание базовых оппозиций культуры и древнейших архетипических представлений, находящихся свое отражение в языке и дискурсе.

Очевидно, что решить представленные задачи можно, только опираясь на достижения различных наук, с которыми ЛК связана либо по происхождению, либо по кругу изучаемых проблем.

4. Методы лингвокультурологии

Методы лингвокультурологии--это совокупность аналитических приемов, операций и процедур, используемых при анализе взаимосвязи языка и культуры. Поскольку лингвокультурология--интегративная область знания, вбирающая в себя результаты исследования в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии, здесь применяется комплекс познавательных методов и установок, группирующихся вокруг смыслового центра «язык и культура».

В процессе лингвокультурологического анализа методы культурологии и лингвистики используются выборочно. Всякий конкретный метод научного исследования имеет свои рамки применения, т.е. аксиомой современной науки является тезис об ограниченности любого метода. Взаимодействующие язык и культура настолько многоаспектны, что познать их природу, функции, генезис при помощи одного метода невозможно. Этим и объясняется наличие целого ряда методов, находящихся между собой в отношениях дополнительности.

В лингвокультурологии можно использовать лингвистические, а также культурологические и социологические методы:

методику контент-анализа,
фреймовый анализ,
нарративный анализ, восходящий к В. Проппу,

методы полевой этнографии (описание, классификация, метод пережитков и др.), открытые интервью, применяемые в психологии и социологии, метод лингвистической реконструкции культуры, используемый в школе Н.И. Толстого; методы этнографии, приемы экспериментально-когнитивной лингвистики, где важнейшим источником материала выступают носители языка (информанты).

Данные методы вступают в отношении взаимодополнительности, особой сопряженности с разными познавательными принципами, приемами анализа, что позволяет лингвокультурологии исследовать свой сложный объект -- взаимодействие языка и культуры.

5. Место лингвокультурологии в системе других наук

Можно выделить два понимания дисциплинарного статуса лингвокультурологии: (а) культурологический и (б) лингвистический. Согласно первому подходу, лингвокультурология – раздел культурологии и в этом плане должна рассматриваться в тесной связи с этнографией (этнологией), культурной антропологией, философией культуры, исторической культурологией.

1. Этнография и этнология представляют огромный интерес и для лингвокультурологии, потому что изучают историю возникновения этносов, их культуру и быт. Это, как правило, описательные науки, основанные на сборе и анализе эмпирических данных, необходимых в числе других наук и лингвокультурологии.

2. Такой же описательный характер носит и культурная антропология, изучающая, прежде всего, культуры примитивных, традиционных сообществ, что, несомненно, ценно для этимологии – важнейшего аспекта лингвокультурологических исследований.

3. Философия культуры, изучающая наиболее общие подходы к исследованию сущности, целей и ценностей культуры, условий существования и форм их проявления, представляет собой методологическое основание лингвокультурологии, особенно в той ее части, которая интересуется закономерностями развертывания и выражения смысла культуры.

4. Социология культуры, изучая структуру и функционирование культуры в связи с социальными институтами, помогает осмыслить общественно-исторические условия формирования лингвокультуры.

5. Историческая культурология изучает результаты культурной деятельности человечества, воплощенные в «текстах» (произведения искусства, трактаты). Ее интересуют главным образом отдельные факты культуры. Культурология же изучает культуру как целостность, в центре ее интересов оказывается не столько сам факт или событие, сколько культурный, человеческий, ценностно-смысловой статус этого факта. Названные объекты настолько близки лингвокультурологии, что без обращения к ним она теряет свои категориальные признаки. И все же лингвокультурология изучает не только и не столько факты культуры, сколько механизмы вербализации культурно маркированного человеческого смысла.

Лингвокультурология сосредоточивает внимание на отображении в языке духовного состояния человека и общества. И в этом смысле лингвокультурология по отношению к названным выше смежным наукам выступает как научная дисциплина, обобщающая их данные, определяющая общие закономерности развития лингвокультуры и тем самым создающая для них теоретическую и эмпирическую платформу. Никто не осмелится отрицать обратное влияние: данные лингвокультурологии оказываются весьма ценными и для этнографии (этнологии), и для культурной антропологии, и для философии культуры, и для исторической культурологии.

Согласно первому подходу, лингвокультурная компетентность, изучаемая лингвокультурологией, – феномен культуры, а не феномен языка, следовательно, лингвокультурология есть раздел культурологии, а не раздел лингвистики.

Сторонники лингвистического подхода к пониманию дисциплинарного статуса лингвокультурологии демонстрируют ее общие генетические корни с лингвистикой, связывая ее возникновение с лингвистическими доктринами В. фон Гумбольдта, В. Вундта, Г. Шухардта, А.А. Потебни и др.

В первом случае основными методами лингвокультурологических исследований оказываются методы культурологии; во втором – методы лингвистические. Надо полагать, становление лингвокультурологии как самостоятельной научной дисциплины связано с поиском собственных методологических установок и методов исследования.

Вопросы и задания:

1. Какие парадигмы в лингвистической науке предшествовали новой антропологической парадигме?
3. Дайте рабочее определение культуры.
4. Культура и цивилизация. В чем их отличие?
5. Что изучает лингвокультурология? Как различаются объект и предмет исследования?
6. Какие методы исследования используются в лингвокультурологии
7. Что объединяет лингвокультурологию и этнолингвистику, лингвокультурологию и социолингвистику, лингвокультурологию и лингвострановедение? Что их различает

**ЛЕКЦИЯ №2-3.
ИЗ ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ. ШКОЛЫ И
НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ**

План:

1. Проблема взаимоотношения языка, культуры и этноса в немецкой филологии начала XIX в. и трудах российских ученых 60 – 70-х гг. XIX в.
2. Идеи В. фон Гумбольдта о взаимосвязи языка и культуры.
3. Теория лингвистической относительности Сепира – Уорфа.
4. Школы и направления современной лингвокультурологии.

Рекомендуемая литература

Основная

Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений/ В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2004.
Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии/ А.Т. Хроленко. – М.: Флинта, 2006.

Дополнительная

Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985.
Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999.
Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи / Э. Сепир. – М. – Л.: Соц-экгиз, 1934.

1. Проблема взаимоотношения языка, культуры и этноса в немецкой классической филологии начала XIX в. и трудах российских ученых 60 - 70-х гг. XIX в.

Проблема взаимоотношения языка, культуры и этноса не нова. Еще в начале XIX в. ее пытались решить немецкие ученые – братья **Якоб** (1785 – 1863) и **Вильгельм** (1786 – 1859) **Гриммы**, которые, издавая народные песни, легенды и сказки, собрали материал для книги по грамматике немецкого языка. Работа над этим трудом продолжалась два десятилетия, и все 4 тома вышли в свет в 1837 г. Этой грамматикой были заложены основы сравнительно-исторического исследования германских языков, работали над составлением словаря немецкого языка, принадлежали к кружку гейдельбергских романтиков, возродивших интерес к народной культуре.

Эти идеи братьев Гримм нашли свое развитие в России в 60 – 70-х гг. XIX в. в трудах Федора Ивановича Буслаева, Александра Николаевича Афанасьева, Александра Афанасьевича Потебни и Владимира Ивановича Даля. **Ф.И. Буслаев** (1818 – 1897) – один из самых ярких русских филологов середины XIX в., искусствовед, палеограф, специалист в области славянского и русского языкознания, древнерусской литературы и фольклора, истории древнерусского языка, древнерусского изобразительного искусства, блестящий педагог и лектор. Кстати, детские годы провел в Пензе,

где его первым гимназическим учителем был В.Г. Белинский. Занимался исследованием русского эпоса, поэзией XVII в., древнерусской народной литературой и искусством, сопоставляя русское средневековое искусство с византийским и западноевропейским. Разрабатывал проблемы древнеславянской мифологии и ее отражения в народном искусстве. Ему принадлежит заслуга утверждения в начальном гимназическом образовании преподавания родного языка в широком культурном и национально-культурном контексте («О преподавании отечественного языка» в 2-х ч. 1844 г.). Он писал: «Разумную цель лингвист имеет тогда, когда, не ограничиваясь исследованием букв, приставок, окончаний, стремится в изучении языка изучать духовную жизнь самого народа». Главный тезис Ф.И. Бушлаева – «история языка неотделима от истории его носителей», и прежде всего их духовной жизни и непрерывно развивающегося мышления.

А.Н. Афанасьев (1826 – 1871) – историк и фольклорист, широко известен как издатель «Народных русских сказок», был глубоким исследователем славянских преданий, верований и обычаев. Итогом его многолетнего исследовательского опыта явились «Поэтические воззрения славян на природу» в 3-х т. (1865 – 1869) фундаментальный труд, посвященный историко-филологическому анализу языка и фольклора славян в связи с языком и фольклором других индоевропейских народов. Его труд до сих пор не превзойден в мировой литературе о фольклоре. Книга А.Н. Афанасьева выявляет живые связи языка и преданий, воскрешает основы русского мышления, что особенно важно сейчас, когда язык и мышление русского человека изуродованы газетными штампами, блатным жаргоном и сленгом всякого рода, замусорены иностранными словами. Вот лишь некоторые образы славянской поэзии и мифологии, рассмотренные в книге: *свет и тьма; Солнце и Месяц как супружеская чета; Солнцевы девы – зори; зоря и денница; брачный союз Неба и Земли; дождь как оплодотворяющее семя; растения – волосы Земли; светила – очи; дождь – слезы; молния – сверкающий взор; светила – небесные лампы.*

А.А. Потебня (1835 – 1891) – выдающийся украинский и русский филолог, отличался необычайной широтой научных интересов и энциклопедизмом знаний. Язык он рассматривал как компонент культуры, духовной жизни народа. Отсюда интерес к обрядам, мифам, песням славян: ведь здесь язык воплощается в разнообразных, порой причудливых формах. А.А. Потебня интересовалась связью языка и мышления. Этой проблеме посвящена одна из первых его книг – «Мысль и язык» (1862). Исследуя особенности мышления, которое, по мнению А.А. Потебни, может осуществляться только в слове, он разграничивал поэтический (образный, символический) и прозаический типы мышления. С развитием мышления связывал он и развитие языка. «Новые языки, – писал он, – вообще суть более совершенные органы мысли, чем древние, ибо первые включают в себе больший капитал мысли».

В.И. Даль (1801 – 1872), самым известным трудом которого является дело всей его жизни – «Толковый словарь живого великорусского языка» (1863 – 1866), включающий более 200 тыс. слов и 30 тыс. пословиц, поговорок, присловий, загадок. Полвека посвятил он собиранию слов, вынашиванию замысла создания словаря и его осуществлению. До В.И. Даля и после него столь большие по охвату материала словари в одиночку не составлялись. Он первый употребил термин *толковый словарь*. Словарь Даля знакомит читателя с богатством и выразительностью народного языка, «потому что язык этот силен, свеж, богат, краток и ясен».

Далев словарь – прекрасное собрание не только лексического, но и этнографического материала: в словарных статьях содержатся разнообразные сведения о жизни народа, о жилище, способах ведения хозяйства, орудиях труда, быте, одежде, утвари, пище, семейном укладе, религии, суевериях, приметах, мифологии, обрядах, обычаях, нравах, промыслах и ремеслах. Недаром словарь называют энциклопедией народной жизни России XIX в., которая не потеряла своего значения, скорее мы вновь возвращаемся к материалам словаря в рамках новой лингвистической парадигмы.

2. Идеи В. фон Гумбольдта о взаимосвязи языка и культуры

Вильгельм фон Гумбольдт (1767 – 1835) – выдающийся немецкий лингвист, основоположник общего языкознания и создатель теоретических основ исторического изучения языка. Гумбольдт был разносторонне и блестяще образованный человек. Помимо языкознания он занимался философией, литературоведением, классической филологией, государственным правом. Он принимал активное участие в политической жизни своего времени (был дипломатическим представителем своей страны в Риме и Вене), много путешествовал. Его огромные познания,

охватывающие языки от баскского до туземных языков Америки – в одном направлении и до китайского и малайско-полинезийских – в другом, обеспечивали ему необычайную широту лингвистического кругозора и служили основой для точных и проникновенных наблюдений и выводов. Однако славу ему принесли Гн исследования по конкретным языкам, а общетеоретические рассуждения – философия языка. Из самого большого его лингвистического труда «О языке кави на острове Ява» (1836) известность получило лишь теоретическое введение, озаглавленное «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода».

Одним из первых В. Гумбольдт всячески подчеркивал неразрывную связь и взаимопроникновение языка и мышления. Однако эту связь не следует толковать как явление индивидуальной психики, потому что человек только тогда способен к развитию своих духовных сил, «когда свое мышление ясно и четко ставит в связь с общественным мышлением».

В. Гумбольдт понимал язык как деятельность, между тем как в его время распространена была точка зрения на язык как на застывший продукт человеческой деятельности.

Другое важное положение связано с понятием *внутренней формы языка*, которая «представляет собой сугубо индивидуальный способ, посредством которого народ выражает в языке мысли и чувства». Сам Гумбольдт связывает внутреннюю форму языков с человеческими лицами: вглядываясь в них, «живо чувствуешь их различия и сходства, но никакие измерения и описания каждой черты в отдельности и в их связи не дают возможности сформулировать их своеобразие в едином понятии». Гумбольдт первым увидел, что язык не сводится ни к логическому мышлению, ни к копированию мира. Мир по-разному членится в различных языках.

Сравним для примера: русскому слову *рука* в англ. соответствуют два слова: *hand* ‘кисть руки’ и *arm* ‘рука от кисти до предплечья’. Можно считать, что слову *hand* соответствует *кисть*, но это слово явно более специальное, а *hand* часто можно перевести только как *рука*. Слову *arm* в русском языке вообще нет однословного соответствия.

Напротив, англ. глаголу *to wash* соответствуют и *мыть*, и *стирать*.

Еще больше различий в членении мира выявляется, например, если сравнить русский язык с японским или арабским. В русском одно слово *вода*, в японском ему соответствуют два слова: *мидзу* ‘вода комнатной температуры или близкая к замерзанию’ и *ю* ‘горячая вода’.

Таким образом, языки отображают мир очень по-разному, и лингвисты и философы до сих пор не могут точно ответить на вопрос, поставленный Гумбольдтом: можно ли говорить о единой для всех картине мира или каждый народ видит мир по-своему. На эти вопросы и призвана ответить лингвокультурология.

Гумбольдт утверждал, что язык помогает человеку познавать мир, но и само познание зависимо от языка: «Человек живет с предметами так, как их преподносит ему язык». Поскольку же языки несходны, разным будет и восприятие мира людьми разных культур. «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает круг другого языка». Однако чаще всего мы переносим на иностранный язык свое собственное миропонимание и, больше того, свое собственное представление о языке. Такой перенос будет менее заметен, если изучать язык со сходной картиной мира, например, когда англичанин учит французский. А вот в языке далекой культуры всегда гораздо легче освоить фонетику и грамматику, чем чужую картину мира, необходимую для подлинного владения языком.

По словам Гумбольдта, «отправляясь от любого языка, можно делать заключение о национальном характере. Языки нецивилизованных и мало развившихся народов несут в себе эти следы, что позволяет наблюдать такую интеллектуальную самобытность, какой на этой докультурной ступени, казалось бы, нельзя было ожидать. Языки американских аборигенов богаты примерами такого рода - смелыми метафорами, неожиданными сближениями понятий, случаями, когда неодушевленные предметы благодаря глубокомысленному пониманию их существа, переработанного воображением, переводятся в разряд одушевленных и т.д. Грамматика этих языков различает не род, а неодушевленность и одушевленность предметов, понимая ее в самом широком смысле. Например, они помещают небесные тела в один грамматический класс с людьми и животными, явно видя в небесных светилах самодвижущиеся существа, наделенные личностным началом и, возможно, управляющие со своей высоты человеческими судьбами. В каждой своей части подобные исследования приводят нас к внутреннему духовному складу, который на протяжении всех эпох человечества остается носителем глубочайших прозрений, высшего идейного богатства и благороднейших чувств».

Ср.: пример из фильма А. Невзорова «Лошадиная энциклопедия»: сожжение умной цирковой лошади в средневековой Европе; русский князь в XII в., не желая попасть в рай, где не будет его любимого коня, погибшего в сражении, отказывается от церковного причастия; по китайской легенде ослепленный монах и его конь после долгих скитаний по стране встречают богиню утренней зари, которая предлагает вернуть зрение одному из них, монах выбирает своего коня, так как считает, что он достойнее: он глубже видит мир, чем человек.

Проблема, связанная с языковыми картинами мира, с влиянием языка на мышление и поведение человека, в течение полутора веков оказывалась за пределами внимания большинства ученых (в лингвистике преобладала системно-структурная парадигма), хотя бывали и исключения (о них ниже)..

3. Теория лингвистической относительности Сепира-Уорфа

Названное выше исключение составили замечательные американские этнолингвисты и специалисты по индейским языкам первой половины XX в. Эдвард Сепир (1884 – 1939) и Бенджамин Уорф, вошедшие в историю лингвистики как создатели *теории лингвистической относительности*.

Основой этой теории послужили взгляды В. Гумбольдта. Согласно этой теории, люди, говорящие на разных языках, видят мир по-разному, следовательно, каждому языку соответствует своя логика мышления. Таким образом, слово – это знак, но также и особая сущность, находящаяся между внешними явлениями и внутренним миром человека. Изучение иностранных языков – это приобретение новой точки зрения, нового взгляда на мир.

Если попробовать заменить слова языков знаками наподобие математических, то это будет просто сокращенный перевод, охватывающий только незначительную часть всего мыслимого.

Эдвард Сепир в книге «Язык. Введение в изучение речи» (1934) заявлял, что миры, в которых живут различные общества, – отдельные миры, а не один мир, использующий разные ярлыки. Язык по-своему членит действительность, и человек находится во власти конкретного языка. Реальный мир строится на языковых нормах данного общества.

Бенджамин Уорф (1897 – 1941) считал, что поведение людей объясняется лингвистическими факторами. Он начинал свою деятельность как инспектор по технике безопасности и поэтому приводил в подтверждение своей теории факты из этой области. Например, рабочие спокойно курили у пустых цистерн для бензина, так как на них было написано «Пустые цистерны для бензина», хотя на дне всегда скапливались остатки горючего и образовывался опасный газ. Люди в своем поведении ориентировались не на опасную ситуацию, а на табличку с успокаивающей надписью. То же касалось прилагательного inflammable (горючий), которое американцами толковалось как «негорючий» (in – префикс отрицания, flame – пламя). В настоящее время его заменили более прозрачным flammable.

В своих экспедициях по изучению индейских языков Б. Уорф обратил внимание на языковые особенности индейцев племени хопи. В частности, если в европейских языках различаются форма и содержание (*ведро воды, кусок мяса*), то у хопи такого различия нет: в подобных случаях они используют только одно слово, где заключены оба понятия (*вода и ведро*). Аналогичным образом они не абстрагируют числа от фактов и предметов.

Из подобных наблюдений ученый заключил, что понятия *времени и материи* не даны из опыта всем людям в одной и той же форме. Они зависят от природы языка. Грамматика и логика не отражают действительности, а видоизменяются от языка к языку. Б. Уорф выразил эту крайнюю мысль в следующем высказывании: законы Ньютона и его взгляд на строение Вселенной были бы иными, если бы он пользовался не английским языком, а языком хопи.

В работе «Отношение норм поведения и мышления к языку» Б. Уорф отмечал, что язык и культура развивались вместе, постепенно влияя друг на друга. Но в этом союзе сама природа языка является тем фактором, который сдерживает его развитие: «Это происходит потому, что язык является системой, а не просто комплексом норм. Структура большой системы поддается существенному изменению очень медленно, в то время как во многих других областях культуры изменения совершаются сравнительно быстро». Язык, таким образом, отражает массовое мышление; он реагирует на все изменения и нововведения, но реагирует слабо и медленно, тогда как в сознании производящих эти изменения это происходит моментально».

Немецкий лингвист Лео Вайсгербер, еще один последователь Гумбольдта, полагал, что сущность языка – в превращении мира «вещей в себе» в содержание сознания человека. Язык – ключ к миру.

Это сетка, наброшенная на внешний мир, и человек познает лишь то, что создает язык. Слово выражает понятие о предмете, а не обозначает конкретные предметы. Например, Unkraut (сорняк), Obst (фрукты), Gemüse (овощи) - не ботанические понятия (как *крапива, яблоки и морковь*), а чистая идея, порождение человеческого мозга. Если нет специального обозначения, то нет и соответствующего содержания в языке.

Эти идеи В. Гумбольдта, российских ученых середины XIX в. и американских лингвистов начала XX в. нашли отражение в современном повороте лингвистики от системно-структурного описания языка к антропоцентрическому.

4. Школы и направления современной лингвокультурологии

В конце XX в. сложились *4 лингвокультурологические школы*.

1. Школа лингвокультурологии Юрия Сергеевича Степанова, целью которой является описание констант культуры в диахроническом аспекте. Первым результатом подобной работы явилось издание в 1997 (второе исправленное и дополненное издание 2001 г.) замечательного труда Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры», в котором, в частности, описаны следующие константы: *мир, свои и чужие; Русь, Россия, русские, россияне; родная земля, странники и изгнанники, сущность, время, огонь и вода, хлеб, слово, вера, любовь, радость, правда – истина.*

1. Школа Нины Давыдовны Арутюновой исследует универсальные термины культуры, извлекаемые из текстов разных времен и народов с позиции внешнего наблюдателя. С 1987 г. лингвистами этой школы ежегодно выпускаются сборники «Логический анализ языка», в которых рассматриваются следующие явления языка и культуры: знание и мнение, культурные концепты, модели действия, язык и время, образ человека в культуре и языке, языки пространств.

2. Школа Вероники Николаевны Телия, известная в России и за рубежом как Московская школа лингвокультурологического анализа фразеологии. Наиболее значительная работа В.Н. Телия – «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты».

3. Школа лингвокультурологии, созданная в Российском университете дружбы народов Владимиром Викторовичем Воробьевым («Лингвокультурология. Теория и методы»), продолжающая концепцию лингвострановедения Е.М. Верещагина – В.Т. Костомарова, исследующую так называемую безэквивалентные языковые единицы. Безэквивалентные языковые единицы – обозначают специфичные для данной культуры явления, которые являются продуктом кумулятивной функции языка и могут рассматриваться как вместилища фоновых знаний, то есть знаний, имеющихся в сознании говорящего. Различия между языками обусловлены различиями культуры. Легче всего они демонстрируются на материале лексической единицы и фразеологизмов, поскольку номинативные средства языка наиболее прямо связаны с внеязыковой деятельностью.

Основные направления в лингвокультурологии:

В лингвокультурологии к сегодняшнему дню оформилось несколько направлений:

1. Лингвокультурология отдельной социальной группы, этноса в какой-то яркий в культурном отношении период, т.е. исследование конкретной лингвокультурной ситуации.
2. Диахроническая лингвокультурология, т.е. изучение изменений лингвокультурного состояния этноса за определённый период времени.
3. Сравнительная лингвокультурология, исследующая лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов.
2. Сопоставительная лингвокультурология.
3. Лингвокультурная лексикография, занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей

Вопросы и задания:

1. Как разрабатывалась проблема взаимоотношений языка, культуры и этноса в немецкой филологии начала XIX в.?

2. Как рассматривался вопрос о связи языка и культуры в трудах российских ученых 60 – 70-х гг. XIX в.?
- 3.. Как связаны язык и культура по мнению В.Гумбольдта?
- 4.. Каковы основные положения гипотезы Семира--Уорфа?
5. Какие школы и направления существуют в современной лингвокультурологии?
- 6 Подготовить презентации лингвистических концепций лингвистов.

ЛЕКЦИЯ №4-5. БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

План лекции:

1. Языковая картина (модель) мира. Типы картин мира .
2. Национальный характер, менталитет, концептуальная и национальная картины мира. Роль лексики и грамматики в формировании личности и национального характера.
3. Лингвокультурема. Субкультура. Лингвокультурная парадигма. Культурные семы. Культурные концепты. Культурные традиции. Культурное пространство.

Рекомендуемая литература

Основная

Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – 208 с.

Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии/ А.Т. Хроленко. – М.: Флинта, 2006.

Дополнительная

Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др. – М.: Изд-во Моск. гос ун-та, 1988. – 245 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999.

Серебрянников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. – Москва : Наука, 1988. – 244с

Яковлева Е. С. К описанию языковой картины мира. Русский язык зарубежом.— 1996,. №1–3.- С.47–56.

1. Языковая картина (модель) мира. Типы картин мира .

Одним из основных понятий антропологического направления является понятие **картина мира**. Данное понятие впервые было употреблено известным австрийским философом Людвигом Витгенштейном (1889-1951) в его знаменитом «Логико-философском трактате» (труд был написан в 1916-1918 гг. и опубликован в Германии в 1921 г.). По мнению Л. Витгенштейна, мир вокруг нас – это совокупность фактов, а не вещей, и определяется он исключительно фактами. Человеческое сознание создает для себя образы фактов, которые являются собой определенную модель действительности. Эта модель, или картина фактов, воспроизводит структуру действительности в целом или структуру её отдельных компонентов (сайт <http://www.portal-slovo.ru/>).

Понятие картины мира строится на изучении представлений человека о мире. Если мир – это человек и средства в их взаимодействии, то картина мира – результат переработки информации о среде и человеке. Таким образом, представители когнитивной лингвистики справедливо утверждают, что наша концептуальная система, отображенная в виде языковой картины мира, зависит от физического и культурного опыта и непосредственно связана с ним.

Картина мира (модель мира, образ мира) относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношений его с миром, важнейшие условия

его существования.. Л. И. Гришаева и М. К. Попова определяют КМ как целостный образ мира, складывающийся в сознании человека в процессе познавательной деятельности.

Проблемой изучения картины мира занимаются не только лингвисты, но также другие ученые, деятельность которых связана с изучением человека: философы, культурологи, психологи.

В философии картину мира определяют как «совокупность предметного содержания, которым обладает человек» (К. Ясперс) [цит. по: Яковлева 1996: 47] и выделяют чувственно-пространственную и духовно-культурную картины мира.

В психолингвистике под картиной мира понимается «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев 1995: 268]. То есть мир репрезентирован отдельному человеку через систему предметных значений, как бы наложенных на восприятие этого мира. При этом А. А. Леонтьев отмечает неразрывность предметного значения с вербальным и ставит задачу синтезировать психолингвистическую теорию слова (знака) и психологическую теорию осмысленного образа. В этом случае предметные значения будут являться теми «кирпичиками», из которых строится картина мира [Леонтьев 1995: 268]. Явления и предметы внешнего мира представлены в человеческом сознании в форме внутреннего образа. По мнению А.Н.Леонтьева, существует особое «пятое квазиизмерение», в котором представлена человеку окружающая его действительность: это – «смысловое поле», система значений. Тогда картина мира – это система образов.

Картина мира создаётся в результате двух различных процедур:

- экспликации, опредмечивания, объективирования и осмысления образов мира, лежащих в основе жизнедеятельности человека,
- созидания, творения разработки новых образов, осуществляемых в ходе специальной рефлексии, носящей систематический характер.

Функции картины мира вытекают из природы и предназначения в человеческой жизнедеятельности мировидения, составной частью которого она и является. Мировидение имеет две базисные функции – интерпретативную (осуществлять видение мира) и вытекающую из неё регулятивную (служить ориентиром в мире, быть универсальным ориентиром человеческой деятельности). Эти же функции выполняет и картина мира, которые помогают сформировать отношения человека к миру – природе, другим людям, самому себе как члену этого мира, задают нормы поведения [Серебрянников и др., 1988: 25].

Картина мира являет собой синтез двух противоположностей: конечного и бесконечного. Человеческий жизненный опыт конечен, а мир, образ которого формируется у человека в процессе этого опыта, бесконечен. Общение конечного человека с бесконечным миром имеет своим результатом выработку образа мира, соединяющего в себе обе эти черты. По мере исторического движения человечества образ мира становится во многих чертах все определеннее]

В то же время, мы можем выделить универсальную картину мира, свойственную всему человечеству, правда, она будет слишком абстрактна. Так, для всех людей, по-видимому, характерна бинарная оппозиция белого и черного, но у одних групп белое будет соответствовать положительному началу — жизни, а черное — отрицательному началу — смерти, а у других, например, китайцев, наоборот. У любого народа будет свое представление о добре и зле, о нормах и ценностях, но у каждого народа эти представления будут различными.

+Поэтому мы можем сказать, что картина мира — это не зеркальное отражение мира, а некоторая интерпретация, толкование мира, осуществляемое отдельными субъектами, которые отличаются друг от друга. Можно сказать, что картина мира — динамичное явление: она постоянно уточняется и развивается, появляются новые представления и понятия, связанные с развитием мира, языка, культуры и человечества в целом.

На формирование картины мира влияют язык, традиции, природа и ландшафт, воспитание, обучение и другие социальные факторы. В силу специфики всех этих факторов в сознании человека возникает языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир.

Предлагают различать две картины мира – **концептуальную (ККМ)** и **языковую (ЯКМ)**.

Остановимся на понятии — языковая картина мира (ЯКМ).

Вот несколько ее определений: ЯКМ — это

- 1) «специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке» (В.А. Маслова);

- 2) «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности» (Е.С. Яковлева);
- 3) «отображение в формах языка устройства экстралингвистической действительности» (В.Г. Гак);
- 4) «образ мира, запечатленный в языке» (В.И. Поставалова) и др.

Итак, в определении ЯКМ все выделяют две главных составляющих: внеязыковая действительность, т.е. окружающий мир, вернее — его образ, и — язык (его формы, единицы), отражающий ее, т.к. «в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира» (Ю.Д. Апресян), который и был назван языковой картиной мира. Это относительно новое понятие уже осознавалось в работах семасиологов, в частности в известной статье В.В. Виноградова «Основные типы лексических значений», где он писал о ЯКМ несколькими словами — как о понимании «кусочка действительности» и его «отношений к другим элементам той же действительности, как они осознаются обществом, народом в известную эпоху». Очень точно выразил эту мысль замечательный русский поэт Борис Пастернак: «образ мира, в слове явленный» — вот краткое и образное, поэтическое определение ЯКМ.

В.А. Маслова считает, что ЯКМ выражает реальность через концептуальную картину мира (ККМ) и предлагает следующую классификацию картин мира:

картина мира (КМ) = реальная КМ — знания о мире, логическое отражение мира в сознании людей;

концептуальная картина мира — это отражение реальной КМ через призму понятий (концептов), сформированных в определенной социокультурной общности. (Она специфична у разных народов, т.е. каждый народ видит мир немного по-своему. Таким образом, отдельные фрагменты КМ могут быть универсальными или национальными)

языковая картина мира — это отражение реальной КМ через призму культурной (концептуальной) КМ и выражение ее в формах национального языка, его единиц (слов, словосочетаний, фразеологизмов и их значений). Она тоже специфична, национальна, как национален каждый язык.

Таким образом, ЯКМ в целом совпадает с реальной картиной мира, но преломляется (в отдельных ее частях) через призму национальной культуры и национального языка: его лексики, грамматики, фразеологии. Например, ФЕ у него (*меня*) *душа (сердце) в пятки ушла (о сильном испуге)* // *душа (сердце) в пятках* в английском языке соответствует ФЕ *his heart in his boots* (сердце в ботинках, сапогах). Как видим, образ «падения» души (сердца) как «органа чувств» является универсальным, а место падения — национально окрашенным: очевидно, для русского перемещение души осознается возможным лишь в пределах тела, для англичанина же эта возможность расширена — местом «падения» может быть и обувь.

ЯКМ, кроме того, наивна (наивная КМ), т.е. это стихийный (донаучный), традиционный взгляд на мир (в отличие от научной КМ, основанной на научных знаниях).. При этом следует иметь в виду, что оно «наивно» лишь в том смысле, что существенно отличается от научного понятия. Наивные понятия не примитивны и во многих отношениях не менее сложны, чем научные. Они проявляются в таких словах и выражениях, как ГОРИЗОНТ («воображаемая и, как нам кажется, видимая линия соединения земли и неба и часть пространства над ней»; ср. выражения: *из-за горизонта, на горизонте, за горизонтом* — в научной картине мира такого понятия нет), НЕБО (в древности — воображаемый купол над землей, к которому как бы прикреплены светила: отсюда и выражение «звезды на небе зажглись»), позднее — воздушное пространство над землей, которое можно увидеть, посмотрев на улице вверх (*в небе летают ласточки и самолеты*); сочетания *солнце встало, взошло, закатилось за горизонт* (в научной КМ не солнце, а земля вращается вокруг солнца, но видим-то мы иначе, вспомним, как говорил об этом доктору Ватсону Шерлок Холмс: «мои глаза говорят мне другое») и т.п.

ЯКМ может быть общей (общенациональной, общерусской — т.е. одинаковой для каждого говорящего на русском языке и воспитанного на русской культуре) и индивидуальной (для определенной языковой личности, в определенном диалекте, т.е. индивидуально-авторской). Например, в слове ДАЛЬ отражен один из пространственных концептов русского языка (простирающийся далеко), который неразрывно связан с таким национально окрашенным концептом, как *простор (родной земли)*, наиболее ярко отраженный в словах известной песни советских времен «широка страна моя родная» или «от Москвы до самых до окраин» (ср. также и слова Н.В. Гоголя: «Какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!»). А вот в поэме А.Т. Твардовского «За далью — даль» это слово наполняется еще и индивидуально-авторскими

приращениями смысла, — с одной стороны, конкретными понятиями: «определенный край, часть страны — Волга, Урал, Сибирь, Дальний Восток, — все, что «далеко от Москвы», основные вехи пути автора от Москвы до Тихого океана, что нашло выражение в конкретных сочетаниях типа «*а там своя, иная даль*», «*другая даль*», «*за далью — даль*»; с другой — это и *даль* как категория временная (*даль* памяти), что выражается в лирических отступлениях-воспоминаниях о тех или иных событиях из жизни страны или биографии автора.

ЯКМ динамична, т.е. изменяется во времени (вспомним изменение представления о небе). Поэтому при изучении языка с точки зрения КМ, в лингвокультурологическом аспекте исследователи занимаются реконструкцией культурных мотиваций, т.е. обращаются к истории культурных представлений носителей языка. А язык, слова — это зеркало, в котором эти представления отражены.

В настоящее время можно говорить о целых направлениях в современной лингвистике в рамках проблемы языковой картины мира. В отечественной лингвистике общетеоретические положения изложены в работах Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Ю.Н. Караулова, Б.А. Серебренникова, Ю.С. Степанова, А.Д. Шмелёва и других.

Ю.Н. Караулов так определяет ЯКМ: «ЯКМ – отражённая в специфически национальных языковых формах и семантике языковых выражений совокупность представлений о человеке и окружающем его мире, сотканная из противоречащих друг другу тезисов, факторов и утверждений <...>, которые соединены прихотливо мозаичным (несистемным) образом и создают у носителя языка иллюзорную уверенность, что в рамках своей национальной культуры он найдет ответы на все основные вопросы бытия» [Караулов, 1999: 156].

Под ЯКМ Е.С. Яковлева предлагает понимать «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности», «мировидение через призму языка» [Яковлева, 1996: 47].

З.Д. Попова И.А. Стернин считают, что ЯКМ создается: 1) номинативными средствами языка – лексемами, устойчивыми номинациями, фразеологизмами, фиксирующими то или иное членение и классификацию объектов национальной действительности, а также значимым отсутствием номинативных единиц; 2) национальными поговорками; 3) функциональными средствами языка – отбором лексики и фразеологии для общения, составом наиболее частотных, то есть коммуникативно релевантных языковых средств народа на фоне всего корпуса языковых единиц; 4) образными средствами языка – национально специфической образностью, метафорикой, направлениями развития переносных значений, внутренней формой языковых единиц [Попова, Стернин, 1999: 45].

Языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка [Маслова, 2001]

Различие концептуальной и языковой картин мира

Концептуальная картина мира богаче языковой, потому что «в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные. В этом случае языковая картина мира выполняет две основные функции: 1) означивание основных элементов концептуальной картины мира и 2) экспликация средствами языка концептуальной картины мира» [Серебренников 1988: 6]. Концептуальная картина мира у всех народов одна и та же, поскольку человеческое мышление основано на одних и тех же законах. ЯКМ обусловлена особенностями лексико-семантической системы языка, традициями, культурой, условиями жизни языкового коллектива. Отражение мира в сознании, представления человека о мире, информация о среде и человеке - это концептуальная картина мира. Информация о среде и человеке, переработанная и зафиксированная в языке, - это языковая картина мира. Как видно из вышеизложенного, основанием дифференциации концептуальной картины мира и языковой картины мира является фиксированность и представленность информации в языке. ККМ может быть глобальной, общечеловеческой, поскольку включает в себе логику человеческого мышления. В этом смысле ККМ у всех людей имеют общие черты, так как человеческое мышление осуществляется по единым законам. Однако у представителей разных эпох, разных социальных, возрастных групп, разных областей научного знания и профессий ККМ могут быть различными. Люди, говорящие на разных языках, могут иметь при определенных условиях близкие ККМ, а люди, говорящие на одном языке, - разные. В

концептуальной картине мира взаимодействует общечеловеческое, национальное, социальное и личностное. Языковая картина мира обусловлена этническим языком и в нем репрезентирована, следовательно, она не может носить глобальный характер, хотя общечеловеческие элементы, безусловно, в ней представлены.

ККМ свойственна системность, упорядоченность, в ней главную роль выполняют научные представления и идеология. В ККМ входят концепты, которые основаны на опыте человека. Включен сюда и опыт «общения с языком». К тому же, так как практически все аспекты человеческой деятельности так или иначе связаны с языком, «многие концепты в ККМ выступают как бы «пропущенные» через языковые выражения и соотнесенные с вербальными формами». В ККМ происходит «сплетение концептов, имеющих языковое основание, с концептами иной природы», и в то же время существеннейшая часть этих концептов «известны человеку в языковой форме» [Кубрякова 1988: 144-172].

Соотнося ККМ и ЯКМ, А. А. Уфимцева выделяет: а) концептуальные поля, которые представляют сферу понятийного содержания, определяемого логикой предметного мира и логикой человеческого мышления, б) семантические поля, которые представляют лексико-семантические группировки (парадигмы), структуры конкретного языка с учетом его культурного и национального своеобразия, в) ассоциативные поля, то есть разнообразные по характеру связи слов по смыслу, варьирующиеся от индивида к индивиду, от одной языковой личности к другой. При функционировании и восприятии языка эти три изоморфных вида полей взаимодействуют. ККМ организуется по законам физического мира, а ЯКМ – по законам языка, и тем не менее они сопрягаются.

По мнению В. А. Масловой, «языковая картина мира предшествует концептуальной картине мира и формирует ее, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку». Именно в языке закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, «перерисовывается», тогда как языковая картина мира еще долгое время хранит следы этих ошибок: *солнце садится*; *атом* как мельчайшая частица; фразеологизм *воспарить душой*, который связан с архаическими представлениями о наличии у человека души, которая мыслилась в виде пара и могла покидать тело, поднимаясь к небу [Маслова 2001: 67].

Особенность ЯКМ также и в том, что составляющие ее сведения чаще всего не даны непосредственно, а приводятся к выражению в результате анализа лингвиста, то есть они не доступны непосредственному знанию среднего носителя языка, который оперирует ими бессознательно.

Описание ЯКМ включает в себя: 1) описание «членения действительности», отраженного языком в языковых парадигмах (лексико-семантических, лексико-фразеологических и структурно-синтаксических группах и полях); 2) описание национальной специфики значений языковых единиц; 3) выявление отсутствующих единиц (лакун) в системе языка; 4) выявление эндемичных (свойственных только данному языку) единиц [Попова, Стернин 1999: 46].

Языковая картина мира не стоит в ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно – исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой человек видит мир.

С языковой картиной мира связана **теория языковых гештальтов**, выдвинутая Дж. Лакоффом, а затем признанная другими учеными. Гештальты – это особые глубинные содержательные единицы языка. Помимо реализации в языке гештальты составляют основу восприятия человеком действительности, направляют познавательные процессы, определяют специфику и характер моторных актов и т.д. Например, Дж. Лакофф показал, что спор и война описываются в одних и тех же терминах, и значит, одинаково мыслятся, т.е. связываются с одним и тем же гештальтом.

Таким образом, гештальты – это универсальные представления, принадлежащие глубинам человеческой психики; они лежат за гранью высказываемого и органично с ним связаны.

Итак, каждый язык представляет собой самобытную систему, которая накладывает свой отпечаток на сознание его носителей и формирует их картину мира.

2. Национальный характер, менталитет, и национальная картина мира

Говоря о предпосылках возникновения лингвокультурологии, мы рассмотрели учение о языке В. фон Гумбольдта и теорию лингвистической относительности Сепира-Уорфа, из которых следует, что в языке отражается национальный характер и социально-исторические условия жизни того или иного народа.

Национальный характер – совокупность специфических психологических черт нации, ставших свойственными для людей данной национальности. Национальный характер проявляется в способе поведения, в складе ума, образе мыслей, в обычаях, традициях, вкусах и т.п. Важной чертой национального характера выступает темперамент.

Основой представлений о национальном характере является **ментальность или менталитет**.

Ментальность – это система взглядов, ценностных ориентаций, умозаключений, особенностей поведения, которая закрепились в народном сознании, в культурных стереотипах; **менталитет** – это то, что отличает одни общности от других. Любой народ вырабатывает особые принципы отношения человека к Миру, к Богу, к Человеку и делает это на своем родном языке и во многом с помощью языка.

Менталитет определяется особенностями культуры, проявляет себя в языке, который является основой формирования представлений о мире, системы ценностей и норм поведения. Язык – это среда бытования менталитета. Современный русский язык – это национальный язык русского народа, форма русской национальной культуры.

Менталитет (от лат. mentalis «ум, мышление, образ мыслей, душевный склад») – общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает **национальную картину мира** и скрепляет единство культурной традиции какого-либо сообщества. Восприятие мира формируется в глубинах подсознания. Следовательно, менталитет – то общее, что рождается из природных данных и социально обусловленных компонентов и раскрывает представление человека о мире.

Известная монография немецкого языковеда Лео Вайсгербера «Родной язык и формирование духа» (1929) положила начало разработке концепции национальной языковой картины мира.

Современная лингвистика доказала, что принципиально язык соотносится с одним и тем же объективным миром, а расхождения в его семантической системе, связанные с системой лексем и грамматических категорий, проистекают из различного опыта людей по освоению одного и того же мира.

Из этого следует, что каждый народ имеет свои особенности в социальном и трудовом опыте, что находит свое выражение в различиях лексической и грамматической номинации явлений и процессов, в сочетаемости тех или иных значений, в их этимологии (выбор первоначального признака при номинации и образование значения слова) и т.д. «В целом не язык навязывает нам то или иное восприятие действительности, а, напротив, действительность неодинаково отражается в различных языках в силу нетождественных условий материальной и общественной жизни людей»

Т.о., **национальная картина мира** представляет собой разновидность, видоизменение концептуальной картины мира в соответствии с особенностями социально-исторического, ментального, психологического и культурного развития народа, обладающего и создающего данную НКМ.

Ментальность отражается в языке на уровне лексики (ключевых слов) и на уровне грамматики

Роль лексики в формировании личности и национального характера

Очевидно, что основную культурную нагрузку несет лексика: слова и словосочетания. Из них складывается языковая картина мира, определяющая восприятие мира носителями данного языка. Особенно наглядно и ярко этот аспект представлен устойчивыми выражениями, фразеологизмами, идиомами, пословицами, поговорками — то есть тем слоем языка, в котором непосредственно сосредоточена народная мудрость или, вернее, результаты культурного опыта народа. Единицы этого слоя Н. Д. Бурвикова и В. Г. Костомаров в ряде статей предлагают назвать логоэпистемами. Логоэпистема — это знание, несомое языковой единицей как таковой.

В специальном исследовании (И. Ильин. Сущность и своеобразие русской культуры // Москва, 1996, № 1, с. 171.) были изучены английские и русские **идиоматические выражения**, отражающие и формирующие те свойства, достоинства и недостатки человека, которые ценятся или осуждаются в соответствующем обществе и соответствующей культуре.

Количество и качество идиом, отражающих положительную или отрицательную оценку тех или иных человеческих качеств, можно считать показателем этических норм, правил социальной жизни и поведения в обществе, отношения нации через ее культуру и язык к миру, другим народам и культурам.

Например, такое качество, как безответственность. Ни английский, ни русский язык не имеет идиоматических выражений, которые оценивали бы это качество положительно. Что же касается отрицательной оценки, то на одну английскую поговорку — *Too many cooks spoil the broth* [Слишком много кухарок портят бульон] — приходится 12 (!) русских выражений:

У семи нянек дитя без глазу; Сам кашу заварил, сам и расхлебывай;
Моя хата с краю, я ничего не знаю; Наше дело маленькое;
Наше (мое) дело сторона; После нас хоть потоп; Без меня меня женили; Обещанного три года ждут; За что купил, за то и продаю; обещать молочные реки и кисельные берега; сделать что-либо после дождичка в четверг; бросать слова на ветер.

Наоборот, такие качества, как предусмотрительность, осторожность, представлены в английской идиоматике несколько богаче, чем в русской.

Положительная оценка

Английский язык: *Prevention is better than cure* [Предупредить лучше, чем излечить]; *One cannot be too careful* [Нельзя быть слишком осторожным]; *Safety first* [Осторожность — первым делом].

Русский язык: *Готовь сани летом, а телегу зимой; Береженого (и) Бог бережет.*
 По вопросу общительности и разговорчивости оба языка единодушны в отрицательной оценке, но русский язык видит, в отличие от английского, и некоторые положительные моменты.

Положительная оценка Английский язык: нет примеров.

Русский язык: *За спрос денег не берут; Язык до Киева доведет.*

Отрицательная оценка

Английский язык: *Walls have ears* [У стен есть уши]; *The floor is yours!* [Слово предоставляется Вам! (букв. Спена Ваша!)];
Easier said than done [Легче сказать, чем сделать]; *to ride a hobby-horse* [кататься на излюбленном коньке].

Русский язык: *(И) у стен есть (бывают) уши; Если бы да кабы, да во рту росли грибы; Слово не воробей, вылетит — не поймаешь; Воду в ступе толочь — вода и будет; Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.*

Приведем для сравнения выражения, передающие сдержанность в речи, скрытность.

Положительная оценка

Английский язык: *Silence is golden* [Молчание — золото]; *Brevity is the soul of wit* [Краткость — душа ума]; *First think; then speak* [Сначала подумай, потом говори]; *A word to the wise* [Слово мудрым]; *Still waters run deep* [Спокойные воды — в глубине].
Русский язык: *Слово — серебро, молчание — золото; Краткость — сестра таланта; держать язык за зубами.*

Отрицательная оценка

Английский язык: *A penny for your thoughts?* [Пенни (монетку) за твою мысль?]. **Русский язык:** *В тихом омуте черти водятся; проглотить язык.*
 разнообразие и свобода взглядов, вкусов и поведения выше ценится в английской культуре, что и получило более богатое языковое выражение.

Положительная оценка

Английский язык: *It takes all sorts to make a world* [Чтобы создать мир, необходимо разнообразие]; *Variety is the spice of life* [Разнообразие — прелесть жизни]; *Tastes differ* [Вкусы различны]; *Every man to his taste* [Каждому свое]; *There is no accounting for tastes* [За вкусы не отвечают]; *One man's meat is another man's poison* [Для одного — мясо, для другого — яд]; *Beauty is in the eye of the beholder* [У каждого зрячего свое представление о красоте].
Русский язык: *Каждый по-своему с ума сходит; Каждому свое; На вкус и цвет товарищей нет.* гостеприимство. наоборот, более выражено в русском языке, чем в английском.

Положительная оценка

Английский язык: нет примеров.

Русский язык:

Не красна изба углами, а красна пирогами;

В ногах правды нет;

Чем богаты, тем и рады.

Отрицательная оценка

Английский язык: нет примеров.

Русский язык:

Незваный гость хуже татарина.

Интересно, что в английской идиоматике гостеприимство как общественно значимая черта вообще не представлена ни положительно, ни отрицательно. Русская же отрицательная оценка — *Незваный гость хуже татарина* — связана с печальным опытом татарского нашествия на Русь. С той поры прошли многие сотни лет, все это время русские и татары мирно сосуществуют в одном государстве, но язык хранит память о былых расправах.

Итак, мы видим, что во многих разделах наблюдается совпадение или незначительные различия в количестве и экспрессивных свойствах фразеологических единиц, отражающих следующие ценностные понятия: вежливость, адаптируемость, решительность, образованность, отношение к воспитанию, правовой системе и власти.

В английском языке с более высокой, чем в русском, активностью в фразообразовании преобладают следующие целостные смыслы: честность, осторожность, трудолюбие, профессионализм, ответственность, сдержанность в речи, бережливость, оптимизм, эгоизм, свобода личности, консерватизм, материальное благополучие, закрытость семейной жизни. В содержательной области русской идиоматики заметно большее, чем в английской, пространство занимают следующие ценностные понятия: опытность, общительность, корпоративность, патриотизм, справедливость. Специфически присущей русской фразеологии ценностью оказывается «гостеприимство»²³.

Нет сомнения, что слова, словосочетания, фразеологические единицы всех видов, то есть все то, из чего складывается лексический состав языка, играют основную роль в реализации функции языка как орудия культуры и средства формирования личности. наваемые человеком.

Но не только лексика определяет национальную специфику языка, очень важным показателем является и грамматика.

Приведем некоторые примеры.

1) В русском языке, как и в большинстве европейских языков, в качестве обращения используются **два личных местоимения ТЫ и ВЫ**, в английском языке — только одно *you*. Однако возможность выбора местоимений в русском языке очень существенно влияет на отношения между людьми: на «вы» мы обращаемся к незнакомым людям и людям, старше нас, подчеркивая свое уважительное отношение к ним; если ВЫ употребляется с большой буквы при обращении к одному лицу — это подчеркивает особое уважение. Русское ТЫ может оскорбить: «Вы мне не пькайте». Однако ТЫ может и осчастливить: «Пустое «Вы» сердечным «ты» она, обмолвясь, заменила» (А.С. Пушкин). И позже в стихотворении А.А. Ахматовой «Читая Гамлета»:

И как будто по ошибке

Я сказала: «Ты ...»

Озарила тень улыбки

Милые черты.

От подобных оговорок

Всякий вспыхнет взор ...

Я люблю тебя, как сорок

Ласковых сестер.

В Швеции, обращение полицейского к гражданину на «Вы» означает, что гражданин виноват. В Дании в 60-х гг. XX в. отмечался всеобщий переход на «ты» под влиянием молодежного движения против авторитарности и давления старших, за право студентов участвовать в управлении учебными заведениями, за свободу личности.

Так, англоговорящие оказываются более вежливыми, но менее эмоциональными, чем народы, имеющие в языке две формы местоимений 2-го лица. Английский язык не дает возможности выбора и языковой игры в выражении чувств и эмоций.

2) В русском языке имеется очень большое количество **уменьшительных и ласкательных суффиксов**: -очк-/-ечк-, -оньк-/-еньк-, -ушк-/-юшк-, -ик- и мн. др. Носитель английского языка, практически не имеющего таких суффиксов, не может даже отдаленно вообразить себе все то

огромное суффиксальное богатство русского языка, которое предоставляет его носителям возможность выразить столь же огромное богатство тончайших нюансов любящей души (даже в сухих грамматических описаниях эти суффиксы называются уменьшительно-ласкательными). Особенно это заметно в разнообразии суффиксальных производных от имен собственных, представленных в словообразовательных гнездах: см. материалы «Словаря русских личных имен» А.Н. Тихонова (М., 1995), где даны два списка русских личных имен – мужские и женские имена – и все от них производные. Причем, в словаре нет негнездовых имен, а самые распространенные имена имеют довольно вместительные СГ: до 200 слов, например:

Николай → Николайка

→ Николаюшка

→ Никола → Николаха → Николашка → Николашечка

→ Николашенька

→ Николаша → Николашенька

→ Николка → Николочка

→ Николька → Николечка

→ Никольчик

→ Николенька

→ Николушка//Николюшка

→ Коля → Колина → Колинка

→ Колька → Колечка

→ Кольчик

→ Колюн → Колюнька → Колюнечка//Колюнчик//Колюнюшка ...

Как известно, стереотипный образ России и русского человека на Западе – это медведь, могучий, но грубый и опасный зверь. Так вот родной язык (зеркало культуры) этого зверя отражает его потребность в передаче оттенков хорошего отношения к миру, любви и ласки и формирует из него тонкую и любящую личность, предоставляя в его распоряжение большое разнообразие языковых средств для выражения этого самого доброго отношения к миру. Причем именно к миру, а не только к людям, потому что уменьшительно-ласкательные суффиксы с одинаковым энтузиазмом присоединяются русскими людьми и к одушевленным, и к неодушевленным предметам: зима → зимушка, метель → метелица, солнце → солнышко, ветер → ветерок → ветерочек, дождь → дождик → дождичек, снег → снежок, кот → котик → коток → котиче → котяра, дом → домик → домок → домишко. Всему этому богатству английский язык может противопоставить только слово *little* «маленький» или словосочетание *dear little* «милый маленький».

Разумеется, это создает большие трудности при переводе и все-таки не передает той нежности, которая присутствует в коннотативных русских суффиксах. Так, русское слово *старушка* в есенинском «Ты жива еще, моя старушка?» требует в переводе четырех (!) английских слов: *Are you still alive, my dear little old woman?* – буквально «милая маленькая старая женщина».

Мало того, ласкательный суффикс может встретиться в заимствованном имени или слове: порк. Ринат – Ринатик, Айгуль – Айгулька – Айгулечка – Айгулюшка, др.-герм. Альфред – Альфредка – Аля – Аличка – Альфа – Фред – Фредик – Фредичка, в названии магазина «Парфюмчик», курсор – курсорчик – курсорик, дискета – дискетка.

Некоторые культурологи считают, что это пристрастие русских людей к уменьшительно-ласкательным суффиксам, а также к большому количеству бранных слов связано с тяжелыми жизненными условиями: чем хуже благосостояние народа во всех отношениях, тем заметнее тяга к прекрасному, к активному использованию языковых средств выражения подчеркнутой вежливости.

3) Эмоциональность русских обусловила большое количество глаголов, называющих эмоции, — радоваться, тосковать, ску чать, грустить, волноваться, беспокоиться, огорчаться, ханд рить, унывать, гордиться, ужасаться, стыдиться, любоваться, восхищаться, ликовать, злиться, гневаться, тревожиться, воз мущаться, негодовать, томиться, нервничать, —Русские глаголы выражают эмоции более энергично, чем английские прилагательные. Частый в русских глаголах эмоций постфикс -ся создает впечатление, что эмоции возникают не под действием внешних причин, а сами по себе. Человек как бы попадает во власть эмоций: — Часто предается унынию;

4) Та же тенденция к повышенной эмоциональности у носителей русского языка проявляется и в пунктуации, в первую очередь, в **употреблении восклицательного знака**.

В русском языке восклицательный знак употребляется гораздо чаще, чем в английском, что свидетельствует, возможно, о большей эмоциональности и более открытом проявлении эмоций. Восклицательный знак в русском языке ставится после обращения в письменной форме в любом жанре: в деловой переписке, официальной и частной переписке. В англ. я. в этих случаях ставится запятая.

Даже в обращениях на самые бытовые темы в русских текстах обязательно ставится «!»: «Граждане пассажиры! Не отвлекайте водителя во время движения!», «Граждане покупатели! Закрывайте двери!», «Граждане пассажиры! Не кладите вещи на верхнюю полку автобуса!».

5) Большую роль в характеристике культуры и национального менталитета играет **порядок слов в предложении**: фиксированный или свободный.

В русском языке есть отсутствующая в английском, французском и некоторых др. языках **категория рода**, наделяющая все существительные, а значит и все предметы окружающего мира, свойствами мужскими, женскими и средними – «нейтральными», что свидетельствует о более эмоциональном отношении к природе, к миру в целом, об олицетворении этого мира, приближении его к человеку. Невозможно передать на других языках эмоциональную драму популярной русской песни о рябине, которой невозможно перебраться к дубу.

Или стихотворение М.Ю. Лермонтова «Утес»:

Ночевала тучка золотая

На груди утеса-великана;

Утром в путь она умчалась рано,

По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине

Старого утеса. Одиноко

Он стоит, задумался глубоко

И тихонько плачет он в пустыне.

Что осталось бы от этого шедевра, если бы тучка не была женского рода, а утес – мужского. Уберите категорию рода, и из русской литературы, особенно из поэзии, уйдет часть души, она померкнет, поблекнет – всего лишь из-за утраты грамматической категории.

Итак, даже на уровне грамматики язык свидетельствует о повышенной эмоциональности, сентиментальности, сердечности русской души, русского национального характера, и не только свидетельствуют, но и способствуют формированию этих качеств. В формировании личности носителя языка участвуют все средства языка – и лексические, и грамматические.

Составляющие национальной картины мира

Составляющими НКМ, или национальными составляющими дискурса, являются **ментальные факты** – элементы содержания сознания.

Виктория Владимировна Красных (профессор МГУ) предлагает следующую классификацию ментальных фактов (МФ):

• ментальные факты

-
- знания концепты представления
-
- прецедентные феномены артефакты дүхи стереотипы
- ПС ПТ ПИ ПВ стереотипы-образы стереотипы-ситуации

• **Примечание:** ПС – прецедентные ситуации, ПТ – прецедентные тексты, ПИ – прецедентные имена, ПВ – прецедентные высказывания.

• На первом уровне МФ состоят из трех компонентов: знания, концепты и представления.

- **Знания** – это некие «информационные», содержательные единицы, совокупность которых представляет собой определенным образом структурированную и иерархическую систему концептуальной картины мира: математические и физические правила и законы, химические формулы, местоположение географических объектов, место и даты событий и т.п.
- Знания могут быть национально нейтральны и окружены национально-культурным ореолом. Последние представляют собой *концепты* (или ключевые слова культуры).
- По определению Ю.С. Степанова, **концепт** (от лат. *conceptus* «понятие» от глагола *concipere* «значить») – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий. У концепта сложная структура. С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия, содержание которого обычно передается в толковых словарях; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – содержательная история, современные ассоциации, оценки.
- Среди наиболее важных ключевых концептов русской культуры следует назвать такие, как *судьба, воля, грех, душа, совесть, закон, правда, истина*. Система ключевых понятий – концептов – той или иной национальной культуры составляют ее *концептосферу*.
- **Представления** включают в себя собственно представления и образы, а также связанные с ними оценки и коннотации. Они поддаются дальнейшему членению на основе критериев: единичность/множественность, прототипичность или отсутствие таковой (наличие/отсутствие изначального визуального образа предмета).
- Например: *Пушкин* всегда один и уникален, равно как *«Анна Каренина»*, *Колобок*, *Иван Сусанин* или *«счастливые часов не наблюдают»*. Такие феномены всегда единичны и уникальны, мы будем называть их *прецедентными феноменами*. Среди *стереотипов* мы не найдем ни одного, прототипом которого послужил бы единичный, уникальный феномен, например: стереотипный образ *змеи* или стереотипная ситуация *экзамен*, которые постоянно повторяются.
- На втором уровне МФ присутствуют 4 элемента: прецедентные феномены, духи (или *бестиарии* от лат. *bestia* «животное»), артефакты и стереотипы.

Ю. Н. Караулов дает следующее определение. Прецедентные феномены – это «феномены, 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении; 2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 1987 : 216].

Среди прецедентных феноменов выделяют:

- **Прецедентная ситуация (ПС)** – некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную (система знаний) базу этноса, например: *Ходынка, Смутное время, Перестройка, изгнание Адама и Евы из Рая*. Любая прецедентная ситуация имеет свои атрибуты: *яблоко, древо познания, змий, соблазнение, изгнание*.
- **Прецедентный текст (ПТ)** – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; полипредикативная единица; сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-лингво-культурного сообщества; обращение к ПТ может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена. К числу ПТ принадлежат произведения художественной литературы (*«Евгений Онегин»*, *«Война и мир»*, *«Гамлет»*, *«Ромео и Джульетта»*, *«Фауст»*), музыкальные произведения (*«Лебединое озеро»*, *«Кармен»*, *«Щелкунчик»*), живописные произведения (*«Три богатыря»*, *«Явление Христа народу»*, *«Грачи прилетели»*), тексты песен, слоганы рекламы, анекдоты, политические публицистические лозунги и тексты.
- **Прецедентное имя (ПИ)** – индивидуальное имя, связанное или с широко известным прецедентным текстом или прецедентной ситуацией (*Онегин, Ленский, Татьяна, Печорин, Теркин, Иван Сусанин, Куликово поле, Бородино, Курская Дуга*).
- **Прецедентные высказывания (ПВ)** – постоянно воспроизводимая в речи речемыслительная единица; сложный знак, значение которого шире его первоначального смысла; к ним принадлежат цитаты из текстов различного характера (*«Не спится, няня; Кто виноват? Что делать? Ждем-с; И скучно, и грустно»*) пословицы и поговорки (*Тише едешь — дальше будешь*).

- *Духи* не единичны и не прототипичны, косвенным доказательством чего может служить множественность образов, в которых они предстают человеку: *леший* – старое дерево, небольшой старичок; *леший* – невидим, может принимать образ отсутствующего члена семьи, животного; *русалка* – прозрачное существо, обитающее в воде, может выходить в виде молодой девушки или женщина с рыбьим хвостом; *водяной* – старик, который может оборачиваться камнем, корягой, плывущим по воде яблоком.
- *Артефакты* и *стереотипы* – не единичны, но прототипичны. Разница между ними заключается в следующем: изначальный образ *артефакта* основывается на реалии с последующим наращением качеств и свойств предмета: *скатерть-самобранка* = предмет + дополнительные свойства; *ковер-самолет* = предмет + дополнительное свойство; *избушка на курьих ножках* = предмет + дополнительный признак + дополнительное свойство.
- В *стереотипе* (собирательном образе) происходит, в противоположность артефактам, редуцирование качеств и свойств предмета до значимого минимума.
- Среди стереотипов выделяются *стереотипы-ситуации* (очередь, транспорт) и *стереотипы-образы* (мир флоры и фауны: *дуб, ворон, крыса, паук*; этнические стереотипы: *англичанин, немец, француз*; профессиональные стереотипы *учительница, банкир, геолог*; общественные стереотипы: *новый русский, бомж*) и др.

3. Лингвокультурема. Субкультура. Лингвокультурная парадигма. Культурные семы. Культурные концепты. Культурные традиции. Культурное пространство.

Категориальный аппарат лингвокультурологии – это набор основополагающих понятий, которые характеризуют в совокупности модель лингвокультурной реальности. Данный аппарат анализирует проблему взаимосвязи языка и культуры в их динамике.

Лингвокультурема – термин, введенный В.В. Воробьевым. При изучении взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры как комплексной проблемы оказывается целесообразным выделение особой единицы, синтезирующей в себе оба коррелирующих феномена. Лингвокультурема включает в себя сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), репрезентируемые соответствующим знаком.

Лингвокультурема как комплексная межуровневая единица представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного и предметного) содержания. Это единица более «глубокая» по своей сути, чем слово. Лингвокультурема вбирает в себя языковое представление и неразрывно связанную с ним «внеязыковую, культурную среду» (ситуацию, реалию), – устойчивую сеть ассоциаций, границы которой зыбки и подвижны.

Глубина представления, связанного со словом, то есть содержание лингвокультуремы находится в прямой связи с лингвокультурологической компетенцией носителей языка – знание идеальным говорящим–слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке. Незнание «культурного ореола» слова оставляет реципиента на языковом уровне, не позволяет проникнуть в глубокую сеть культурных ассоциаций, то есть в смысл высказывания, текста как отражения культурного феномена.

Степень понимания содержания реалий и концептов культуры (например, в общении носителя данного языка и представителя других языков и культур) в значительной степени зависит от степени совпадения их лингвокультурологических компетенций. Для иностранца, плохо знающего русскую культуру, представление о хороводе может ограничиться собственно языковым содержанием («хоровод как народная игра, движение людей по кругу с пением и пляской»). Сравним у В.И. Даля: «круг, улица, собрание сельских девок и молодежи обоего пола, на вольном воздухе, для пляски с песнями. Весенние хороводы водят от первых теплых дней, от Пасхи и Троицы; летом страда, не до хороводов, а осенние от Спожинок, Успенья, до Рождества, до Покрова ...». Таким образом, погружение слова-знака в культурную среду приводит к постепенному формированию лингвокультуремы с различного рода ассоциациями, выходящими за пределы обычной языковой дефиниции.

Субкультура – второстепенная, подчиненная культурная система (молодежная субкультура и т.п.).

Лингвокультурная парадигма – это совокупность языковых форм, отражающих этнически, социально, исторически, научно и т.д. детерминированные категории мировоззрения. Лингвокультурная парадигма объединяет концепты, категориальные слова, прецедентные имена

культуры и т.д. Языковые формы – это основа парадигмы, которая как бы «прошита» значимыми представлениями.

Культурные семы – более мелкие и более универсальные, чем слово, семантические единицы, семантические признаки. Например, у слов «самовар», «лапти», «щи» можно выделить такие культурные семы: лапти – крестьянская обувь, плетенная из лыка; самовар – сосуд с топкой внутри, для чаепития русских; щи – кушанье из рубленой капусты, пища русских.

Культурные концепты – имена абстрактных понятий, поэтому культурная информация здесь прикрепляется к сигнификату, т.е. понятийному ядру. Понятие «концепт», введенное в лингвистику Д.С. Лихачевым, обозначает «сгусток культуры в сознании человека», «пучок» представлений, знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово. Концепты, понимаемые как опорные ячейки культуры в ментальном мире человека, могут быть использованы как опорные элементы для сопоставления менталитетов, а также культурных и ценностных доминант. Ключевыми концептами русской культуры являются концепты «душа», «судьба», «тоска». Ключевыми концептами американской культуры являются “challenge”, “privacy”, “efficiency” и др.

Культурные традиции – совокупность наиболее ценных элементов социального и культурного наследия.

Культурное пространство – форма существования культуры в сознании ее представителей. Культурное пространство соотносимо с когнитивным пространством (индивидуальным и коллективным), т.к. оно формируется совокупностью всех индивидуальных и коллективных пространств всех представителей данной культурно-национальной общности. Например, русское культурное пространство, английское культурное пространство и т.д.

Вопросы и задания:

1. Дайте понимание языковой картины мира. В чем различие концептуальной и языковой картин мира?
2. Что понимается под гештальтом в лингвокультурологии
- 3..Перечислите базовые понятия лингвокультурологии. Назовите важнейшие из них.
4. Каково определение национального характера, менталитета?
5. В чем разница между концептуальной и национальной картиной мира?
6. Каковы составляющие национальной картины мира?
- 7.. Назовите основные лингвокультурологические единицы.
- 8...Как вы объясните понятие «культурное пространство», «культурный концепт»?
- 9..Дайте определение «лингвокультуремы» Кому оно принадлежит?
10. Что такое прецедентный феномен?
- 11.. Проанализируйте текст с точки зрения представленности в нем лингвокультурологических единиц, характеризующих русскую национальную языковую картину мира и отметьте элементы индивидуально-ав-торской картины мира.(Приложение 1)
12. Объясните значение прецедентных имен. Являются ли они универсально-прецедентными или национально-прецедентными?

«Улыбка Моны Лизы», как ураган «Катрина», Гулливер, Шрек, Мэри Поппинс, Фрэнк Бок

12.Подготовьте доклад с презентацией на тему: 1. Проявление диссонанса в национальных языковых картинах мира. 2. Вербализация мира элементами разных уровней, которыми располагает соответствующая языковая система.. Прецедентные тексты русской культуры и культуры страны изучаемого языка. 4. Языковая картины мира России и страны изучаемого языка: общие черты и различия (или по выбору студента).

ЛЕКЦИЯ № 6 . ФОНОВЫЕ ЗНАНИЯ. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ

План лекции:

- 1 Фоновые знания и их формы (вербальная и невербальная).
- 2 Структура фоновых знаний: вербальный, вербально-этикетный, ритуально-этикетный компоненты.
- 3 Содержание фоновых знаний: а) историко-культурный фон; б) социокультурный фон; в) этнокультурный фон; г) семиотический фон.

Рекомендуемая литература

Основная литература

Токарев, Г. В. Лингвокультурология: Учеб. пособие / Г. В. Токарев. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009. – 135 с.

Дополнительная литература

Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. – М., 1939. 118

1. Фоновые знания и их формы (вербальная и невербальная)

Фоновые знания – это обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения [Ахманова, 1966].

К выводу о необходимости владения коммуникантом помимо языка совокупностью фоновых знаний и отражения этих знаний в теоретических моделях языка в разное время и в разной степени пришли многие ученые, занимающиеся исследованием языка человека (Э. Сепир, А. Мейе, Э. Хауген, Е.А. Найда и др.) Например, Е.А. Найда (1962 г.) писал, что «слово «до свидания» относительно бесполезно, если мы не знаем, при каких обстоятельствах это произносится: в какое время дня или ночи, на какой срок предполагается расставание, с какого рода людьми, в сочетании с какими жестами, интонацией, голосовыми данными и т.д.»

«Формы и условия поведения, существенные для речи» стали предметом исследования в работах Д. Хаймса (1972 г.). В России фоновые знания изучаются в русле лингвострановедения, предмет которого Е.М. Верещагин (1969 г.) сформулировал следующим образом: «Участники акта общения должны иметь до известной степени общую социальную историю – это те характеристики человека, которые у него возникают в результате воспитания, поведение человека, система мировоззренческих взглядов, этических оценок, эстетических вкусов и большая часть его знаний».

Таким образом, наличие у коммуниканта в момент порождения речевого высказывания совокупности фоновых знаний – научно установленный факт.

Фоновые знания, формирующие смысловой уровень сознания, существуют в языковой форме (значение слова) и неязыковой форме в виде многочисленных импликаций и пресуппозиций (предшествующее суждение или предположение), а также в виде умений и норм поведения. Они являются результатом присвоения индивидом как материальных, так и духовных ценностей. В процессе МК могут являться причиной коммуникативных сбоев. Например, американцы не знают, что русские при простуде пьют молоко с медом, т.к. в таких случаях в Америке предлагают куриный бульон. Горчичники и банки не знакомы американцам и вызывают у них страх. Американцев удивляет то, что русские в гостях снимают обувь и одевают тапочки. Т. обр. овладение фоновыми знаниями о стране изучаемого языка способствует эффективному межкультурному общению.

2. Структура фоновых знаний: вербальный, вербально-этикетный, ритуально-этикетный компоненты

Исходя из того, что фоновые знания присутствуют эксплицитно и имплицитно в семантической структуре слова, в особенностях разных стилей и жанров, а также выступают в форме нормативно-поведенческих правил речевого и неречевого поведения, можно предположить, что структура фоновых знаний включает следующие компоненты: 1) вербальный – носителем культуроведческой информации является слово; 2) вербально-этикетный – носитель культуроведческой информации дискурс, высказывание как определенная речевая модель; 3) ритуально-этикетный – носитель культуроведческой информации стереотипы поведения.

Вербальный компонент.

Единицами, несущими фоновые знания, обладают средства национально-культурной номинации, к которым относятся реалии, раскрывающие специфику жизни народа. По определению Ахмановой, *реалии* – это факторы, такие как государственное устройство, история и культура народа, языковые контакты носителей языка с точки зрения их отражения в данном языке. Решающим фактором при отнесении какого-либо явления к реалиям выступает национальная окраска, которая является национальной особенностью именно этого народа или страны. Основными показателями реалий является безэквивалентность и национально-культурная маркированность слов.

В.П. Фурманова выделяет три типа реалий. Культурно-исторические реалии обозначают исторические и культурные явления и процессы (например, «Великая октябрьская социалистическая революция», «вече», в белорусской культуре – Купалье). След в языке оставила рыцарская культура, некоторые фразеологизмы, происхождение которых связано с эпохой средних веков, бытуют в языке до сих пор – «выбить из седла», «убежать, оставив облако пыли», «ломать копыя» и т.д.

Специфику национальной культуры отражают антропонимы. Большинство фамилий людей возникло как обозначение ремесел, индивидуальных качеств, пристрастия к каким-либо блюдам; распространенных животных и т.д.

К общественно-политическим реалиям относятся национально-культурные номинации, обозначающие: а) единицы административного деления; б) политические и социальные институты; в) политические партии и т.д.

Этнографические реалии связаны с культурными особенностями этноса. К ним относятся следующие обозначения: а) жилища и строений; б) специфики труда и его организации; в) национальной одежды; г) праздников, обычаев и ритуалов; д) реалий, связанных с фольклором; е) танцев.

Многие фразеологизмы и афоризмы – изречения, лаконично выражающие обобщенную глубокую мысль, могут иметь общечеловеческое содержание, но вместе с тем, многие из них обнаруживают типично национальное.

Вербально-этикетный компонент.

Фоновые знания не только фиксируют обобщенное отражение действительности на уровне национально-культурной семантики, но и воссоздают норму поведения. В данном случае имеются в виду знания, которые являются фактором аутентичности речевого поведения в естественных условиях.

Ситуация общения характеризуется набором экстралингвистических факторов, обеспечивающий нужный уровень коммуникативной компетенции. Для полноценного общения необходимо помнить, что любой дискурс помимо семантического содержания имеет также и социальные индикаторы отражающие принадлежность говорящего к той или иной социальной или этнической группе. Таким образом, вербально-этикетный компонент включает семантические корреляты высказываний и социальные индикаторы, детерминирующие стереотипы речевого поведения. К последним относится социальный статус коммуникантов, их возраст, пол, степень знакомства, характер отношений. Все они определяют вариативность высказываний. Например, от статусной роли (полит. деятель, менеджер, профессор, студент) зависят характер общения и выбор языковых средств.

Умственно-вербальная нагрузка, которую человек получает в своем окружении, в родительском доме, обуславливает его языковую компетенцию, что проявляется в различных этикетных ситуациях общения, например приветствия, прощания, знакомства и т.д.

Таким образом, вербально-этикетный компонент соотносится с речевым этикетом – микросистемой национально-специфических вербальных единиц, принятых и предписываемых обществом для установления контакта собеседников, поддержания общения и желательной

тональности соответственно правилам речевого поведения [Формановская, 1982.]. Фактором аутентичности речевого поведения в естественных условиях общения является «речевой узус» и «коммуникативный стандарт», который представляет собой показатель не только правильности речи, но и ее уместности в конкретной ситуации. Так, в ситуации приветствия, знакомства, благодарности, извинения, прощания применяются соответствующие речевые формулы.

Вербально-этикетный компонент фоновых знаний включает также паралингвистические средства. Анализируя культуру общения, ученые выделяют семь разновидностей «социальной техники» поведения: 1) прикосновения; 2) физическую дистанцию и позу; 3) жесты; 4) выражение лица; 5) движение глаз; 6) нелингвистические аспекты речи (темп, ритм, интонация), собственно речь. Культура общения рассматривается как часть культуры поведения, которая представляет собой совокупность норм и форм повседневного поведения человека в различных сферах, включающую внешнюю и внутреннюю культуру человека, этикет, правила обхождения с людьми.

Ритуально-этикетный компонент.

Одним из компонентов фонового знания выступает осведомленность о ритуале общения как форме поведения и этикете, позволяющих каждому знающему их приблизить к себе человека или держать его на желаемой дистанции. В процессе контакта представителям разных культур нужно стремиться к тому, чтобы исключить возможность неправильной интерпретации поведения носителей языка. Взаимопонимание достижимо лишь при условии владения правилами общения, конвенционально установленными в иноязычной культуре.

В зарубежной психологии дано обоснование одного из самых значимых принципов общения – принципа полного принятия другого человека (К. Роджерс). Дж. Лич (1983 г.) предложил шесть правил «максим»: 1) такта – «Своди до минимума усилия других», «Старайся увеличить выгоду для других»; 2) великодушия – «Своди до минимума выгоду для себя», «Бери на себя все»; 3) одобрения – «Не хули других»; 4) согласия – «Избегай разногласий», «Стремись к согласию»; скромности – «Своди до минимума похвалу в свой адрес»; 6) симпатии – «Будь благороден». Эти правила имеют общечеловеческую ценность.

Формы контактов, конвенционально установленные в том или ином обществе, являются неотъемлемой частью культуры. Этикетные модели различаются, как правило, символическим содержанием, например, рукопожатие означает доверие к человеку и отсутствие недоброжелательного отношения. Знание правил этикета облегчает общения, поскольку партнерам по коммуникации известно, кто первым подает руку, кого кому представляют и т.д. Ритуал позволяет поддерживать отношения на должном уровне и избегать ситуаций, вызывающих психическое напряжение.

Используя описание этикета речи, сформулируем некоторые общие правила:

Для говорящего

- 1 ориентация на возраст, пол, социальную роль и соотнесение их с собственными показателями;
- 2 выбор темы разговора, уместной в данной ситуации;
- 3 логичное построение высказывания;
- 4 отбор языковых средств в соответствии с избранной стилистической тональностью;
- 5 установка на контакт

Для слушающего

- терпеливое, доброжелательное отношение и уважение говорящего;
- умение не перебивать, не сбивать с мысли, не вставлять замечания;
- заинтересованность в разговоре (мимика, жесты);
- оценка речи собеседника (согласие или несогласие);
- реакция на речь, саморефлексия.

Ритуально-этикетный компонент национально-специфичен для разных культур.

3. Содержание фоновых знаний: а) историко-культурный фон; б) социокультурный фон; в) этнокультурный фон; г) семиотический фон.

Рассмотрим наполнение выделенных компонентов структуры фоновых знаний. Их содержание складывается из следующих составляющих: историко-культурного, социокультурного, этнокультурного и семиотического фон.

Историко-культурный фон.

Историко-культурный фон – это сведения о культуре общества, процессе его исторического развития, отражающиеся через средства национально-культурной номинации, присутствующие в сознании носителей языка. Созданию этого фона способствует информация представленная в семантической структуре слова, главным образом в национально-маркированной лексике и словесных комплексах, но и содержащаяся в текстах разных жанров: художественных, публицистических, справочно-энциклопедических и др.

К культурно-историческим реалиям относятся: а) исторические события, явления и процессы; б) направления и течения в национальной культуре; в) имена выдающихся исторических личностей; г) исторические памятники и достопримечательности.

Основным способом получения культурно-исторической информации является экспликация понятий путем энциклопедического толкования.

Социокультурный фон. Фоновые знания сигнализируют о принадлежности индивида к определенному социоэтническому коллективу. Ушинский блестяще это выразил следующим образом: «Легкая, щебечущая, острая, смеющаяся, вежливая до дерзости, порхающая как мотылек речь француза; тяжелая, туманная, вдумывающаяся сама в себя речь немца; ясная, избегающая в некой неопределенности, прямо идущая к делу практическая речь американца; певучая, играющая красками, сверкающая образная речь итальянца; бесконечно льющаяся, волнуемая внутренним, вздымающим чувством и изредка разрываемая громкими всплесками речь славянина...».

Язык служит индикатором отнесенности к конкретной культурной или социальной группе. Лингвистические показатели – типичные качества голоса, фонетический облик речи, относительная гладкость предложений, способ их построения, специфика и объем лексики – характеризуют личность. Следовательно, анализ речи дает представление о ее социокультурной детерминации.

Результаты социально-коммуникативного анализа речи литературных персонажей показали возможность установления причинной связи между социальными параметрами и появлением тех или иных элементов в структуре текста. Речевая картина персонажа включает: 1) общеразговорные элементы, типичные для разговорной речи в целом; 2) социально-групповые элементы, определяющие общественное лицо персонажа; 3) элементы, способствующие созданию индивидуальности.

Таким образом, **социокультурный фон** – это совокупность сведений о социальных параметрах коммуникантов, детерминирующих стереотипы речевого поведения.

Этнокультурный фон. Для глубокого усвоения иноязычной культуры недостаточно знания культуры на уровне системы национально-культурных понятий культуры поведения. Необходимо усвоение специфических особенностей условий жизни народа, его быта, культурных традиций, национального характера и психического склада носителей языка, т.е. факторов, определяющих нацию как исторически сложившуюся общность, которая находит свое выражение как в самосознании, так и в самоназвании. Если социокультурный фон репрезентирует правила поведения носителей языка как представителей различных социальных страт, а этнокультурный фон – несет знания об особенностях культуры как некоторой системной целостности.

Народные праздники, обычаи и обряды, национальная кухня, национальная одежда также дают представление об этнокультурном фоне.

Семиотический фон. К семиотическому фону относятся знаки и символика, культурное пространство в широком смысле, особенности иноязычного окружения, доставляющие иногда значительные трудности тем, кто попадает в страну изучаемого языка.

Вопросы и задания:

1. Что такое фоновые знания? Роль фоновых знаний в процессе межкультурной коммуникации
2. Какие компоненты включает структура фоновых знаний, Охарактеризуйте их.
3. Что представляет историко-культурный фон,
4. Что способствует созданию историко-культурного фона?
5. В чем отличие социального фона от этнокультурного фона?
6. Что относится к семиотическому фону?

ЛЕКЦИЯ №7-8. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКОВЫХ СУЩНОСТЕЙ

План лекции:

1. Символ в культуре. Культурная символика. Функции и виды символов. Способы символического выражения. Понятие об архетипе. Природа и сущность архетипа. Культурный архетип.
3. Лингвокультурный аспект фразеологии,
4. Метафора как способ представления культуры
- 5.. Сравнение в лингвокультурологическом аспекте

Рекомендуемая литература

Основная литература

Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова.– М.: Академия, 2004/.– 208 с
Токарев, Г. В. Лингвокультурология: Учеб. пособие / Г. В. Токарев.– Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009.– 135 с.

Дополнительная литература

Брагина А.А. Лексика языка и культура страны. 2-е изд. – М., 1986.
Потебня, А. А. Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня.– М.: Лабиринт, 2000.– 480 с
Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: Педагогика-Пресс, 1996. – 216 с.

1.Символ как стереотипизированное явление культуры

Символ – универсальная категория, отражающая специфику образного освоения жизни искусством содержательный элемент художественного произведения, рассматриваемый в своем знаковом выражении.

В процессе познания мира человек-микрокосм создает образ, картину, символ мира-макрокосма. Первоначально этим греческим словом обозначали черепок, служивший знаком дружеских отношений: расставаясь с гостем, хозяин вручал ему половинку от разломанного черепка, а вторую его часть оставлял у себя. Через какое бы время этот гость снова ни появился в доме, его узнавали по черепку. «Удостоверение личности» – таков изначальный смысл слова *символ* в античности.

Интерес к символу велик не только в лингвистике, но и в философии, семиотике, психологии, литературоведении, мифопоэтике, фольклористике, культурологии. Однако, как писал А.А. Потебня, только с точки зрения языка можно привести символы в порядок, согласный с воззрениями народа, а не с произволом пишущего.

С точки зрения лингвокультурологии, для понимания символа принципиальным является соотнесение его с содержанием передаваемой им культурной информации. А.Ф. Лосев писал, что символ заключает в себе обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем смыслового содержания, т.е. символ может рассматриваться как специфический фактор социокультурного кодирования информации и одновременно – как механизм передачи этой информации. Это же свойство символа подчеркивал Ю.М.Лотман; он отмечал, что культура всегда, с одной стороны, – определенное количество унаследованных текстов, а с другой – унаследованных символов, например: символ *дороги* у Н.В. Гоголя, *сада* – у А.П. Чехова, *пустыни* – у М.Ю. Лермонтова, *метели* – у А.С. Пушкина и символистов, *дыма* – у Ф.И. Тютчева, символ *крыла* и *дома* у М.И. Цветаевой и т.д.

Как правило, об этих символах можно сказать словами Ю.М. Лотмана, что они – «ген сюжета». Однако наряду с ними есть *языковые символы*, которые порождаются в процессе эволюции и функционирования языка. Такие символы имеют мифологическую, а точнее, архетипическую природу. Например, *радуга* для русских – символ надежды, благополучия, мечты, т.е. она имеет отчетливое позитивное значение; отсюда выражения *радужные мечты*, *радужное настроение*, *радужные надежды* и т.д. Этот символ берет свое начало из библейской легенды: после всемирного потопа Бог в знак договора с людьми, что потопа больше не будет, оставил на земле

радугу. Таким образом, метафора здесь, осложняясь культурными коннотациями, превращается в символ. *Солнце* есть символ золота, но и *золото* есть символ солнца. *Нос* – символ уязвимого места в человеке, отсюда ФЕ *утереть нос, водить за нос, прищемить нос, хоть кровь из носу*. Еще один символ носа как прибора реагирования выделяется из следующих ФЕ: *не по носу* (не нравиться), *крутить носом* (выражать несогласие), *воротить нос* (выражать презрение). **Слово-символ** – это своего рода «банк данных», который можно представить себе в виде спирали, т.е. кругов, как бы упрятанных друг в друга и переходящих один в другой. Это семантическая спираль символа, которая включает в себя широкий спектр значений, начиная от имплицитных (скрытых, потенциальных), т.е. никак не выраженных в слове, но являющихся неотъемлемой его частью, и кончая шкалой семантических субститутов (заместителей), т.е. запрограммированной заменой одного значения другим. Например: *путь* сближается со смертью, символы *злости* – змея, оса, крапива, они жгут; *огонь* – символ гнева, злости у славян; *солнце* – символ красоты, любви, веселья. В русской культуре число *семь* – символ чего-то чрезмерного: *за семью замками* (печатями) – очень сильно скрыто, в глубокой тайне; *семи пядей во лбу* – очень умный; *за семь верст киселя хлебать* – очень далеко; *семь потов сошло* – очень устал; *семь вест до небес и все лесом* – очень много и бессмысленно; *семь пятниц на неделе* – часто менять свое решение; *быть на седьмом небе* – быть очень счастливым. Этот символ присутствует и в германских языках, а вот число *сорок* в значении «много» встречается только в русской культуре, поэтому фразеологизм *сорок сороков* является культурно специфическим.

Ю.М. Лотман писал: в основе художественного замысла лежит не рационально формулируемая тема, а символ – «зерно развертывания будущего текста». Говоря о функционировании символа в системе культуры, он утверждает, что символ – это память культуры.

Можно выделить целый **ряд признаков символа**: образность (иконичность), мотивированность (которая устанавливается между конкретным и абстрактным элементами символического содержания), комплексность содержания, многозначность, расплывчатость границ значений в символе, архети-пичность символа, его универсальность в отдельно взятой культуре, пересечение символов в разных культурах, национально-культурная специфичность целого ряда символов, встроенность символа в миф и архетип.

Важнейшее свойство символа – его образность, поэтому многие ученые подходят к понятию символа через **образ**.

В области художественного творчества и науках о нем сложилось восходящее к эстетике Платона понятие **художественного образа**, под которым понимаются специфические средства и форма освоения жизни искусством, ступок художественного видения и переживания, которому искусство придает выразительность и эстетическую ценность, например: образы Андрея Болконского, Наташи Ростовской, Кутузова, Дениса Давыдова, дуба в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»; образы Чичикова, чиновников, помещиков и тройки в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»; образ гнезда (дворянское гнездо) у И.С. Тургенева.

Каждый человек благодаря своим человеческим свойствам способен говорить на языке символов и понимать его; язык символов не надо учить, его распространение не ограничивается какими-то группами людей, потому что символ имеет архетипическую природу и передается нам на бессознательном уровне.

Архетип понимается нами, вслед за Карлом Густавом Юнгом, как генетически фиксированные древние образы и социально-культурные идеи, которые являются достоянием «коллективного бессознательного» и лежат в основе художественного творчества. Эти первичные образы и идеи воплощаются в виде символов в мифах и верованиях, в произведениях литературы и искусства. Вся поэзия пронизана архетипами, которые есть первичные образы прежде всего природы: **лес, поле, море, рождение, брак, смерть** и др. Чистейшие архетипы встречаются в мифологии и фольклоре. Поэтому когда мы ведем речь о мифологемах во фразеологизмах или других языковых феноменах, то чаще всего термин «мифологема» оказывается синонимом к «архетипу». Основные выделенные Юнгом архетипы: **тень, герой, дурак, мудрый старик (старуха), Прометей, мать** и др.

Архетипы воплощаются в большом количестве символов, поэтому можно говорить об архетипических символах, таких, как **Мировое дерево, Мировое яйцо, Мировая гора** и т.д.

Итак, проанализировав разные концепции символа, мы пришли к выводу, что символ – это вещь, награжденная смыслом. Например, *крест, хлеб, меч, кровь, круг* и др. Так, хлеб вечно и зрим, он имеет форму, цвет, вес, вкус и т.д. Но когда мы произносим *Хлеб наш насущный даждь нам днесь* или читаем слова Христа: *Я есмь хлеб жизни...* (Иоанн, 6:35), хлеб становится символом

жизни, точнее, пищи, необходимой для духовной жизни. С точки зрения Ю.М. Лотмана, символы образуют ядро культуры. Они, как правило, приходят из глубины веков, но есть и такие, которые возникли сравнительно недавно: *голубь* – символ мира («отцом» этого символа является П. Пикассо), *пожатие цветных рук* – символ дружбы между народами и т.д.

Символами могут стать *цветообозначения*. Как говорил Луи Витгенштейн: «Цвет побуждает нас философствовать». Во все времена ученые бились над разгадкой проблемы цвета. Последние исследования в этой области показывают, что за цвет отвечает у человека 10 пигментных генов, составляющих определенный набор – у каждого свой, поэтому два человека могут смотреть на один и тот же предмет, но воспринимать его цвет по-разному. А наблюдения над людьми со стойкими поражениями головного мозга обнаружили, что понятия о цветах, слова, выражающие эти понятия, и связь между понятиями и словами зависят от разных систем головного мозга. Это и объясняет, почему существуют различия в реакциях на цвет в разных культурах, например: «зеленое» в США – безопасность (ср. русск. *тоска зеленая, позеленеешь от тоски, зелен еще*), а во Франции – преступление; *белый* цвет у китайцев – символ траура, печали, а у европейцев эти функции выполняет *черный* цвет). Следовательно, цветовой язык человека ментален по своей природе. За цветом люди видят смыслы. *Черный цвет*, происходя от огня, символизирует безобразие, ненависть, печаль, смерть, т.е. противоположную свету символику. *Ночь* тоже символ горя, потому что она черна, темна. *Зеленый* цвет тоже состоит в родстве со светом, но символизирует молодость (*молодо-зелено*). Зеленый цвет символизирует также и красоту, веселье (весна называется светлой, блестящей и веселой; кстати, слова *веселый* и *весна* созвучны, а возможно даже, состоят в родстве). Таким образом, мы видим, что прилагательное, обозначающее цвет, из изобразительного эпитета переходит в оценочный. Исследователями замечено также и то, что оценочное значение очень устойчиво. Следовательно, можно говорить о том, что цветовая символика архетипична по своей структуре.

2. Лингвокультурный аспект фразеологии

Фразеологическая единица – словосочетание, в котором семантическая монолитность (цельность номинации) довлеет над структурной разделенностью составляющих его элементов, вследствие чего оно функционирует в составе предложения как эквивалент отдельного слова. Фразеологические единицы (ФЕ), отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Фразеологизмы, по Ф.И. Буслаеву, своеобразные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам». Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации.

При рассмотрении русской фразеологии в лингвокультурологии выдвинуты следующие **гипотезы**.

В большинстве фразеологизмов есть «следы» национальной культуры, которые должны быть выявлены (*авось да небось, от аза до ижицы, как аршин проглотил, бить баклуши, бабушка надвое сказала, пристал как банный лист, бесструнная балалайка, отставной козы барабаници*).

Культурная информация хранится во внутренней форме ФЕ, которая, являясь образным представлением о мире, придает фразеологизму культурно-национальный колорит.

Главное при выявлении культурно-национальной специфики вскрыть культурно-национальную коннотацию.

Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Фразеологические единицы всегда обращены на субъекта, т.е. возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение. Именно это отличает фразеологизмы и метафоры от других номинативных единиц.

Казалось бы, поскольку у человека сильны общие видовые признаки, то и превалировать во фразеологизмах должно общечеловеческое, универсальное, а не культурно-национальное. На самом же деле все наоборот. Некоторые ученые даже склонны утверждать, что, например, идиомы изначально наделены некоторой культурно-национальной спецификой. Так ли это? Думается, что это касается не всех фразеологизмов, ибо если бы значения всех ФЕ были бы культурно-специфичны, было бы невозможно исследовать их культурные различия.

В. Н.Телия пишет, что фразеологический состав языка — это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание», именно

фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации. Например, сведения о быте русского народа (красный угол, печки-лавочки), об этикетном поведении (садиться не в свои сани, как пить дать, несолоно хлебавши, ломать шапку), о традициях и обычаях (из полы в полу, вывести на чистую воду) и т.д.

Во внутренней форме большинства фразеологизмов содержатся такие смыслы, которые придают им культурно-национальный колорит. Например, фразеологизм сбоку припеку (о чем-то ненужном, необязательном) возник из прототипной (реальной) ситуации печения хлеба, когда сбоку основного каравая возникают наплывы из теста, которые в пищу не употребляются. Семантику таких фразеологизмов можно интерпретировать с позиций ценностных установок и стереотипов, свойственных ментальности нации, т. е. в терминах национальной культуры: то, что тесто отделяется от основного каравая, это плохо; кроме того, оно не может быть использовано в пищу, ибо пригорает, покрывается коркой; следовательно, наросты сбоку каравая не нужны.

Не следует забывать при этом, что разные типы фразеологизмов, на что неоднократно указывала В.Н.Телия, по-разному отражают культуру.

Проще всего понять и объяснить культурный аспект тех фразеологизмов, в значении которых большую роль играет денотативный аспект. Для примера проанализируем фразеологизмы, одним или несколькими компонентами которых являются названия предметов национальной культуры: щи лаптем хлебать (об очень простом человеке), как с писаной торбой носиться (уделять много внимания). Эти фразеологизмы в самом своем лексическом составе содержат указание на сферу материальной культуры — щи, лапоть, торба. Их значение и неодобрительная оценка формировались с учетом значений этих лексем. Так, щи — слишком простая народная пища, вместо ложки употребляется простейшая обувь — лапти, кушать которыми недостойно, отсюда неодобрительная оценка; торба — вид сумки, которую раньше носили нищие и прочий простой люд, она не является ценной вещью, ибо хоть и писаная, но все же торба, а отсюда те, кто носится с ней, вызывают неодобрение. Сюда же можно отнести фразеологизмы, в которых отражена история народа, национальные имена собственные — мамаево побоище, коломенская верста, казанская сирота, как швед под Полтавой, показать кузькину мать и др., в которых содержатся страноведческие знания, а их понимание связано со знанием конкретных исторических фактов.

Довольно просто объяснить ФЕ типа анютины глазки, их образное основание не участвует в игре, так как оно отвлекает от собственно идентификации, возникает вопрос, а кто это Анюта? По этой причине образное основание здесь — только способ выделить «некоторый признак». Культурная информация таких ФЕ тесно связана с параметром денотации, именно денотат (Анюта) в них является носителем культурной информации.

Однако в большей части фразеологического массива культурная информация имеет иную прикрепленность. Прежде всего здесь имеются в виду образно-эмотивные по своей сути фразеологизмы, т. е. такие, в значении которых чрезвычайно важно образное основание. Для того чтобы понять, что в таких фразеологизмах является носителем культурной информации, рассмотрим, как вообще возникают эти ФЕ.

Сначала в мире возникает некая прототипная ситуация, т. е. ситуация, соответствующая буквальному значению фразеологизма, например, человек, поскользнувшись, сел на калошу. За ней закрепляется содержание, которое затем переосмысливается, т. е. формируется образ фразеологической единицы на основе первичных значений слов в прототипной ситуации. Именно эти первичные слова оставляют в образе свой след. Так возникает внутренняя форма (ВФ), в которой и содержится основная информация, связанная с культурой. Культурную информацию можно получить из ВФ фразеологизма, ибо в ней наличествуют «следы» культуры — мифы, архетипы, обычаи и традиции, отраженные исторические события и элементы материальной культуры.

Таким образом, в самом формировании фразеологизмов, т.е. в отборе образов прослеживается их связь с культурно-национальными стереотипами и эталонами. Эта информация затем как бы воскрешается в коннотациях, которые отображают связь ассоциативно-образного основания с культурой (эталонами, символами, стереотипами). Естественно, что наиболее интересными для нас в плане выявления культурно-национальной специфики являются именно эти фразеологизмы, ибо они имеют культурно-обусловленные причины либо культурно-значимые следствия.

Фразеологизмы, отображающие типовые ситуации и представления, начинают выполнять роль символов, эталонов, стереотипов культуры (например, выносить сор из избы — в значении «разглашать сведения о каких-либо неприятностях, касающихся узкого круга людей»).

Однако не все ФЕ могут стать носителями культурно-национальной информации. Много в славянских языках фразеологизмов, которые связаны с общечеловеческим знанием о свойствах реалий, вошедших в образное основание, — смотреть в корень; между двух огней; не вешать нос и др. Отличие их от подобных в других языках объясняется не столько их культурным своеобразием, сколько несовпадением техники вторичной номинации в разных языках. Например, китайские выражения проточная вода не гниет (в значении — бесполезность, бесцельность действий) и в дверной петле червь не заводится (в значении — надежда на благополучный исход, уверенность в нем) по-русски звучат: как мертвому припарки и как дважды два, комар носу не подточит, т. е. имеют иное образное основание в русском языковом сознании. Но если учесть, что и эти фразеологизмы основаны на образно-метафорических смыслах, то и они участвуют в формировании языковой картины мира и различаются в культурно-национальном отношении. Отсюда вывод, что, хотя и с некоторой натяжкой, их можно считать носителями культурной информации.

Общечеловеческие знания о мире также присутствуют во ФЕ типа развязать язык, связать по рукам и ногам, в которых живет семантика узла, связывания как магического действия, т. е. национальная культура в них явлена через связь с мифологией, которая также является достаточно общей, по крайней мере для славянских народов.

Для нас наибольший интерес будут представлять такие ФЕ, национальная культура в которых отражена через связь с культурно-национальными коннотациями, эталонами, символами, стереотипами типа пить кровь, до последней капли крови, где кровь — символ жизненных сил, или ФЕ родная кровь — где кровь — символ родства и т. д.

Как показывает собранный нами материал, многие ФЕ связаны с мифологемами и архетипами. Например: как в воду глядел, как в зеркале; у славян зеркало — граница между земным и потусторонним миром, а потому по функции подобна другим границам — меже, порогу, окну, колодцу и т. д.

Зеркало как реальная вещь появилась в позднее время, но его семантика и символика глубоко архаичны. Зеркало — вещь опасная, запретная, созданная дьяволом, это средство контакта с ним; в зеркало нельзя смотреться невестам, одетым под венец, беременным, новорожденным, ибо они находятся в стадии перехода из одного мира в другой; его занавешивают в обрядах, связанных со смертью, якобы для того, чтобы покойник не мог пройти сквозь зеркало с того света. Зазеркалье — это перевернутый мир живых. Гадания на зеркале связаны с тем, что оно якобы способно отражать не только видимый мир, но и мир невидимый и даже потусторонний. Зеркало — как бы «окно в тот свет», поэтому, по славянским поверьям, ночью нельзя смотреться в зеркало, ибо ночь — это время нечистой силы, человек же в это время особенно уязвим. Подолгу смотреться в зеркало вредно, ибо оно способно по частям похищать нашу душу, отправляя ее в мир зазеркалья, где душа гибнет. Зеркало как бы двойник того человека, который отражается в нем. Именно поэтому считается, что разбить зеркало — к беде, поскольку вместе с ним разбивается слепок нашей души.

Современные экстрасенсы рекомендуют почаще мыть и протирать зеркала, ибо они собирают всю информацию из окружающего мира, в том числе и негативную, а потому могут стать аккумуляторами негатива, способными спровоцировать человека на любой неадекватный поступок, одарить мрачным настроением.

Таким образом, зеркало: 1) средство вхождения в контакт с чертом; 2) канал связи с «тем светом»; 3) средство, закрывающее границы мира; 4) средство отражения невидимого и потустороннего мира; 5) оно способно похищать душу человека, делая его пустым, бездушным; 6) аккумулятор информации о мире; 7) это наш двойник. Символика зеркала обнаруживается также в связи с числом «два», понятиями четности, парности. В белорусской поговорке абое рабое — в значении «оба одинаково плохие» — негативный смысл формируется и словом «два (обе)» и словом «рябое» — «переменчивое, непостоянное, лживое». Множество запретов мотивировано опасностью сдваивания, повторения действий. Идея двойничества наиболее ярко выражена в близнецных мифах. При этом считалось, что число 1 — это нечто целостное, единое и совершенное, покой Абсолюта, не-жизнь, а такими могут быть лишь Бог и Космос. Число 2 — начало творческого акта, раз-движения и отталкивания друг от друга, уход от не-жизни, не позволяющий забывать о покинутом

совершенстве. В «Пире» у Платона Аристофан говорит о перволюдях, которые были округлы, четвероноги и четвероруки, пока Зевс не разрезал их, как режут яйцо волосом. Половинки с тех пор устремлены друг к другу, так возникла любовь, брак, цель которых — возвращение к былому единству, т. е. к исцелению человеческой природы. Любовь не связана с размножением, она имеет духовно-религиозный смысл: любовь — это своеобразный вид работы над самим собой, это путь в бессмертие. В учении В. Соловьева, подхваченном А. Блоком: жизнь — это поиск своей половинки, души обречены на вечные поиски друг друга:

Душа молчит..
И, умащенная, в тиши,
Неустающим слухом ловит
Далекий зов другой души.
В. Соловьев

Рождение близнецов всегда вызывало у древних страх, смешанный с почтением: в двойне усматривали символ плодородия. Близнецов считали соперниками-союзниками; одного связывали со всем хорошим, благим, добрым, а другого — со всем плохим, несовершенным, лукавым, это было равновесие добра и зла, света и тьмы. Подразумевалось, что близнецы и их мать соприкоснулись со сверхъестественной силой и стали ее носителями. Иногда их либо отделяли от племени, либо убивали, потому что людей пугало удвоение сущности, идея которого неясна.

Фразеологизм вызвать на ковер означает: начальник вызывает подчиненного к себе в кабинет, чтобы сделать ему порицание. Яркая образность создается компонентом ковер, являющимся локализатором ситуации, описываемой фразеологизмом, и одновременно маркером национальной культуры: ковер в кабинете большого начальника — признак российской (полувожосточной) культуры.

Таким образом, в языке в большинстве своем закрепляются и фразеологизируются те аспекты, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами. Они как раз и формируют значение ФЕ типа как в зеркале в значении «очень хорошо видно» (в основе ее значения лежит мифологема «отражает невидимый и даже потусторонний мир»). При этом ФЕ сами становятся культурными стереотипами. Уяснение национально-культурной специфики фразеологизмов тесно смыкается с проблемами осознания человеком мира («живого» и в исторической памяти) и отражением этого осознания в языке.

Мифологема здесь — то, что забыто человеком, но сохранено в сокровенных глубинах слова и сознания. Мифологема если не полностью контролирует семантику ФЕ, то, несомненно, направляет и корректирует ее современное функционирование.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос, является ли язык хранителем культуры? Несмотря на кумулятивную функцию, т.е. функцию быть средством накопления и хранения информации, язык не становится хранилищем культуры. Единица языка — слово — является лишь сигналом, функция которого — пробудить человеческое сознание, затронуть в нем определенные концепты, готовые откликнуться на этот сигнал (А.А.Потебня, Л.В.Щерба, А.Р.Лурия, А.А.Леонтьев).

Язык же является лишь механизмом, способствующим кодированию и трансляции культуры. Истинными хранителями культуры являются тексты. Не язык, а текст отображает духовный мир человека. Именно текст напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством культурных кодов, именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, т. е. обо всем, что составляет содержание культуры. Текст — набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных. В свою очередь, правила построения текста зависят от контекста культуры, в котором он возникает. Текст создается из языковых единиц низших уровней, которые при соответствующем подборе могут усилить культурный сигнал. Именно такими единицами в первую очередь и являются фразеологизмы.

Всякий фразеологизм, с нашей точки зрения, — это текст, т.е. хранитель культурной информации. Но если мы слышим фразу типа «язык помнит и хранит тайны...», то должны понимать, что это не более чем метафора. Фразеологический компонент языка не только воспроизводит элементы и черты культурно-национального миропонимания, но и формирует

их. И каждый фразеологизм, если он содержит культурную коннотацию, вносит свой вклад в общую мозаичную картину национальной культуры. И так, фразеологизмы прямо (в денотате) или опосредованно (через соотнесенность ассоциативно-образного основания с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры) несут в себе культурную информацию о мире, социуме. Поэтому ФЕ — своего рода «кладезь премудрости» народа, сохраняющий и воспроизводящий его менталитет, его культуру от поколения к поколению

3. *Метафора как способ представления культуры*

Метафора – троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т.п.

Гиперболическая метафора – метафора, основанная на гиперболическом преувеличении качества или признака, например: *глаза глубокие, как море*.

Ломаная метафора (противоречивая, смешанная) – метафора, приводящая к объединению логически несовместимых понятий, например: *сыр – труп молока* (Ю. Олеша).

Метафора последовательная (расширенная) – ряд внутренне связанных и взаимно друг друга дополняющих метафор; метафорический контекст, например: *Подобно рысаку, закусившему удила, несется он по ипподрому поэзии и занимает первое место среди своих собратьев, обогнав лучшего из них не менее чем на два корпуса*.

Метафора поэтическая – метафора, входящая в число экспрессивных средств поэтического произведения и выступающая как сложная разноплановая семантическая структура[

Метафора в конце XX в. предстает более сложным и важным явлением, чем это казалось ранее. Она пронизывает язык, культуру, науку, жизнь, весь мир. Было установлено, что метафоры являются универсалиями сознания, метафорическое видение мира современные психологи склонны связывать с генезисом человека и, соответственно, человеческой культуры. Вероятнее всего, протоязык был метафорическим, а сама протокоммуникация осуществлялась именно на метафорическом уровне.

Метафора – универсальное явление в языке, она присуща всем языкам. Ее универсальность проявляется в пространстве и времени, в структуре языка и в его функционировании. Многие лингвисты даже утверждают, что весь наш язык – это собрание метафор.

Метафора – одно из самых загадочных явлений языка. При всем разнообразии определений метафоры почти все они восходят к аристотелевскому: «Метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии». Хотя проблема метафоры волнует умы на протяжении двух тысяч лет, но рассматривается она чаще всего либо как стилистическое средство, либо как художественный прием. Лишь в последние десятилетия внимание лингвистов и философов переключилось на исследование онтологии метафоры (Нина Давыдовна Арупонова, Вероника Николаевна Телия, Макс Блэк, Джордж Лакофф, Макс Джонсон и др.).

Основная проблематика современных работ связана с осознанием роли метафоры в процессах смыслообразования:

Пустыня внемлет Богу, и звезда с звездой говорит (М. Лермонтов); *живая колесница мирозданья открыто катится в святилище небес* (Ф. Тютчев); *«Онегина» воздушная громада как облако стояла предо мной* (А. Ахматова); *век-волкодав, глубокий обморок сирени, и красок звучные ступени; и неживого небосвода всегда смеющийся хрусталь* (О. Мандельштам); *Она обладала воображением – этой мышцей души* (В. Набоков); *глухая пора листопада* (Б. Пастернак); *соловьи росу клюют* (В. Фирсов).

Рождение метафоры связано с концептуальной системой носителей языка, с их стандартными представлениями о мире, с системой оценок, которые существуют в мире сами по себе и лишь вербализуются в языке. Механизм создания метафоры таков: из разных логических классов берутся два разных предмета, которые отождествляются на основе общих признаков и свойств, например: *тьма печали* (чувство – печаль и состояние мира – тьма, общее для них – радостные чувства светлы, а печаль, грусть, тоска – темные, мрачные). По замечанию Нины Давыдовны Арупоновой, метафора не вычленяет абстрактных признаков и качеств, а выявляет смысловой образ самой сущности предмета. Когда О. Мандельштам называет рояль «*умным и добрым комнатным зверем*», то он не просто берет предметы из разных логических классов. Речь здесь идет

не о реальных предметах, а об образах предметов, явленных в сознании. Так создается сущность целого.

Шарль Балли писал: «Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других. Таково происхождение метафоры; метафора – это не что иное, как сравнение, в котором разум под влиянием тенденции сближать абстрактное понятие и конкретный предмет сочетает их в одном слове».

И действительно, почему человек думает о чувствах как об огне? Свидетельство тому – выражения типа *пламень любви, жар сердец, огонь желаний, сгорать от любви, горячая любовь, жгучая ненависть, пламя страсти, тепло дружбы, надежда теплится, испытывать теплые чувства*. Почему спина мыслится как защита? (*жить за спиной у кого-либо* – быть хорошо защищенным, *широкая спина* – надежная защита, *захребетник* – человек, который живет за чужой счет, за чьим-то хребтом). Подобные метафоры можно назвать корневыми, т.е. развивающимися в языке в зависимости от некоторого исходного образа, который несет энциклопедическую, культурно-национальную или сугубо личностную информацию.

Создавая свою теорию метафоры, Джордж Лакофф и Макс Джонсон отмечали: «Метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, и не только язык, но и мысль, и действие. Наша обычная концептуальная система, в терминах которой мы думаем и действуем, является метафорической по своей природе». Согласно их теории, люди ищут метафоры для того, чтобы более точно реализовать в своем сознании «абстрактный» концепт, как уже существующий, так и отсутствующий. Ученые называют метафору фундаментальным чувством, помогающим понимать мир, они говорят о метафоре как о средстве оформления реальности. Метафора – мощное средство познания, когда новый концепт постигается путем сопоставления со старым, уже известным.

По мнению А.Н. Афанасьева и А.А. Потемни, метафора возникла вследствие сближения между предметами, сходными по производимому впечатлению. Она создавалась совершенно свободно, черпая из богатого источника, а не по нужде, не ради бедности языка.

Метафора интересна еще и тем, что, создавая новое знание, она соизмеряет разные сущности, **пропуская их через человека**, соизмеряя мир с человеческим масштабом знаний и представлений, с системой культурно-национальных ценностей, т.е. человек здесь – мера всех вещей: *ручей шепчет, совесть заговорила, надежда проснулась* и т.д. Таким образом, метафора по своей природе антропометрична, а сама способность мыслить метафорически есть черта собственно homo sapiens, значит, постижение метафоры есть в какой-то мере постижение человеком самого себя. Именно метафора делает абстрактное легче воспринимаемым и понимаемым, ибо основной путь метафорического переноса от конкретного к абстрактному, от материального к духовному.

Итак, метафоре присущи **следующие важнейшие характеристики**: она есть орудие мышления и познания мира, она отражает фундаментальные культурные ценности, ибо основана на культурно-национальном мировидении.

Образная метафора, которую мы называем также **поэтической**, функционирует в художественных текстах, где она реализует свои созидательно-образные потенции.

Метафора – основной способ создания новых концептов в языковой картине мира современного русского человека. Если исследователи эзопова языка коммунистического подцензурного времени говорят о сплошной его метафоризации, о возникновении особого, «подмигивающего» языка, то и теперь метафоры создаются в изобилии: *неказарменный демократический социализм, динозавры сталинизма, кровавая вакханалия, великодержавное чванство*. Причем метафоры возникают не только на общественно-политической ниве, но и в будничной жизни: *ломом опоясанный* (о странном человеке), *огрызок счастья* (обращение к младшему, неудачливому, неумелому человеку), *лепить горбатого, нести голландию* (лгать). Метафоры лежат в основе только что возникших в языке выражений (словарь В.Н. Белянина) и поговорок: *летучий спотыкач* (опоходке пьяного), *не в этом пень* (не в этом дело), *не пахни рыбой* (замолчи), *мир тесен, а прослойка тонка* (о неожиданно обнаруженных связях), *плюнь мне в ухо* (о странной прическе), *шевели батонами* (о работе с компьютерной клавиатурой) и т.д.

Нас интересует метафора не сама по себе, а ее роль в культуре, точнее, в создании художественного образа (в поэзии и прозе). Рассмотрим ее в этой функции. Поэтическому тексту присуще удвоение обозначений одной и той же реалии: в нем сосуществуют прямое и метафорическое значение: *Две незабудки: два сапфира – Её очей приветный взгляд* (А. Фет); *Сосну ужалил яркий змей* (А. Фет). Двойственность номинации определяет и двойственный характер смысловых связей, которые исходят то от прямого значения, то от метафоры; а это

удваивает в конечном счете смысловую глубину поэтического текста: например, в последнем примере *яркий змей* – это яркая молния, *ужалил яркий змей* – возник многоплановый образ. Метафора может накладываться на тропы других типов, осложняя их и усиливая эффект, ими производимый. Чаще других она накладывается на сравнение: *Вон месяц, как паяц, ... гримасу корчит мне* (А. Блок) – *месяц корчит гримасу* = *месяц – паяц*, метафора может накладываться на перифразу, оксюморон и другие тропы: *Месяц, всадник унылый, уронил повод* (С. Есенин); *нежный лед руки чужой* (О. Мандельштам); *небо мелкий дождик сеет* (А. Ахматова) и т.д. Существуют **устойчивые поэтические метафоры, символы, образы**, но, как правило, мы наблюдаем в текстах их многочисленные авторские вариации, которые то приближаются к устойчиво-традиционным, то удаляются от них настолько, что становятся почти неузнаваемы. К устойчивым метафорам относятся, например, такие, как *мир – театр*, *мир – книга*, *мир – храм*, *любовь – огонь*, *время – вода*, *человек – растение* и др. Их модификации: *речной волны писал глаголы я* (В. Хлебников) здесь исходная метафора *мир – книга*; *нежны ветви ног* (М. Волошин) – исходная метафора – *человек – растение*; *В отверстый храм земли, небес, морей Вновь прихожу с мольбою и тоскою* (И. Бунин) – исходная метафора – *мир – храм*.

Яркая индивидуально-авторская метафора хороша еще тем, что при ее восприятии возникает целый сонм ассоциаций, которые разнопорядковы и расплывчаты. За семантикой слов, которые создают метафорический смысл в сознании читателя, возникают и чисто субъективные, добавочные ассоциации, связанные со спецификой воспринимающей личности, с ее психическим складом, с характером интеллектуальной жизни.

4. Сравнение в лингвокультурологическом аспекте

Сравнение – фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым (Ахманова).

Сравнение – самый древний вид интеллектуальной деятельности, предшествующий счету (Эдуард Сепир). Культура неотделима от сравнения, а сравнение от культуры. По определению французского философа Мишеля Фуко, сравнение (сходство) – «самый универсальный, самый очевидный, но вместе с тем и самый скрытый, подлежащий выявлению элемент, определяющий форму познания... и гарантирующий богатство его содержания». И действительно, иногда сравнения непонятны, например, *пьян как земля*, *пьян в дым*, много, *как собак нерезаных*, – такие сравнения требуют дешифровки, дополнительных знаний, например, нужно помнить, что земля, будучи символом плодородия, предполагает напоенность (ср. эпитет *сыра земля*). Часто в сравнении актуализируются самые неожиданные признаки: *скатерть белая, как снег*, – здесь актуализируется не цвет (белизна), а нетронутость скатерти; *белый, как полотно*, – способность менять интенсивность.

Человек в русской языковой картине мира постоянно сравнивается с другим человеком, если сравниваемые похожи по характеру, поведению, образ жизни (*жить, как барин*; *жить, как бирюк*; *жить, как белый человек*; *жить, как дикарь*),

- труд/безделье (*трудиться, как вол*; *работать, как лошадь*; *работать, как муравей*; *сидеть, как в гостях*),
- бедность/богатство (*беден, как церковная мышь*; *нищий, как Иов*; *богатый, как Крез*),
- мысли, чувства, представления (*пронзить, как мечом*; *застрять, в голове, как гвоздь*; *помнить, как в тумане*; *блеснуть, как молния* – о мысли).

Именно сравнения как момент подобия вещей рождают метафоры, символы, обнаруживают мифологичность сознания. Многие загадки, анекдоты, паремии (пословицы и поговорки) основаны на сравнении. Еще в 1918 г. Е.Д. Поливанов, изучая японские загадки, выделил такой тип, как «загадки-сравнения», которые выглядят так: вопрос: «С чем можно сравнить бездельника?» – ответ: «С бумажным фонарем, ибо оба без толку болтаются».

Одним из ярких образных средств, способных дать ключ к разгадке национального сознания, является устойчивое сравнение. Формы эти в русском языке очень разнообразны это:

- творительный падеж сравнения (*губы сердечком*, *губки бантиком*, *ноги ухватом*, *нос картошкой*),
- сравнительная степень прилагательных при существительных в творительном падеже (*лицо мрачнее тучи*),
- сравнения с лексическими элементами «похож», «подобный» (*прическа похожая на кактус*),

- сложные прилагательные, содержащие элементы «подобный», «образный» (*дугообразные брови, женоподобный мужчина*),
- наречия, образованные от притяжательных прилагательных с формантом «по-» (*по-лисы хитер, труслив по-заячьи*) и т.д.

Психологическая основа сравнения была отмечена Иваном Михайловичем Сеченовым: «Все, что человек воспринимает органами чувств, и все, что является результатом его мыслительной деятельности (от целостных картин мира до отдельных признаков и свойств, отвлеченных от реалий, до расчлененных конкретных впечатлений), может соединяться в нашем сознании ассоциативно». У него сравнение предстает как один из способов восприятия мира в его признаках. Аналогичную роль сравнениям отводил и А.А. Потемня, утверждая, что самый процесс познания есть процесс сравнения. Итак, сравнение может выступать как способ познания мира, способ закрепления результатов этого познания в культуре.

В культуре (литературе) разных эпох сравнению отводилось различное место. Известнейший русский литературовед Владимир Яковлевич Пропп писал, что в русском эпосе сравнение занимает второстепенное положение, ибо вся структура поэтической выразительности эпоса направлена не на сближение по сходству, а на дифференциации по отличию. В средневековой культуре, по свидетельству Д.С. Лихачева, наблюдается пристрастие к отдельным видам сравнений: сравнений, основанных на зрительном сходстве, немного, зато часто встречаются сравнения, подчеркивающие осязательное, обонятельное, вкусовое сходство. В древнерусской литературе сравнения касаются внутренней сущности сравниваемых объектов, эксплицируя эту сущность и пытаясь ее раскрыть с разных сторон. Так, Сергей Радонежский в «Похвальном слове» писал о Боге: *«светило пресветлое, цвет прекрасный, звезда незаходямая, кадило благоуханное»*. В сравнениях древности отмечается стремление передать движение, ритм (время сравнивается с текущей водой, жизнь с дорогой и т.д.). Как указывает филолог-классик Ольга Михайловна Фрейденберг, «даже в камне подмечается полет, в башне – падение».

В.В. Виноградов заметил, что сравнения нового времени (XI – XX вв.) ориентированы на реалии. Для них типично передать внешнее сходство сравниваемых объектов, сделать объект наглядным, создать иллюзию реальности: *«Как барс пустынный, зол и дик»* (М. Лермонтов), *«Поезд шел медленно, как гусеница»* (М. Булгаков). В сравнении М. Лермонтова мальчик наделяется свойством, которое, с точки зрения человека, находится у барса на первом месте, – злоба и дикость, т.е. через сравнение с реальией создается новая внутренняя форма (ВФ), усиленная эпитетом *«пустынный»*, что делает данное сравнение экспрессивным. Такие сравнения привлекают внимание к характерным деталям, делают их более наглядными. Эти сравнения не просто реконструируют первоначальную образность либо создают новую, они придают панорамность образу: *«Егорушка, сидящий на облучке и подпрыгивающий, как чайник на конфорке»* (Чехов). Здесь в реальный план врывается образный, насыщает его смыслами, символическими наслоениями, создает *«двоемирие»*, по терминологии Виктора Максимовича Жирмунского.

Бесспорно, что сравнение близко к метафоре. Исключение из сравнения компаративной связки (*как, подобно, словно, будто* и др.) и предикатива (*подобен, напоминает* и др.) – основной прием создания метафоры. Особый тип сравнений нового времени – это **сравнения-метафоры**. В них устанавливаются нетривиальные отношения между двумя понятиями: *«Сердце, как яблоня, плачет»* (А. Блок). Здесь создается особая художественная реальность, вероятнее, даже символ реальности. Это сравнение держит читателя во власти автора, но в то же время оставляет свободу для сотворчества.

.. С помощью сравнений-метафор создается особый мир, «словом явленный». Они способны вызывать смысловые и экспрессивные приращения. Примером может служить стихотворение О. Мандельштама «Век», где век сравнивается со зверем, которому перебили хребет. И хотя жизнь еще будет продолжаться, исход ее предрешен: И с бессмысленной улыбкой Вспять глядишь, жесток и слаб, Словно зверь, когда-то гибкий, На следы своих же лап.

Предлагаемая группировка сравнений является относительной и не претендует на полноту, присущую классификациям, хотя и позволяет зафиксировать функционально-семантические особенности большинства сравнений и объединить их в группы. Самая подробная и последовательная классификация типов сравнения в языке поэзии принадлежит Е. А. Некрасовой.

Вопросы и задания:

- 1...Как выражается лингвокультурный аспект фразеологических единиц?
- 2.Какова роль метафоры в лингвокультурологии?
- 3.Роль символов в лингвокультуре.
4. Какова роль сравнения в языке и мышлении?
- 5..Назовите несколько фразеологизмов с компонентом «голова» и столько же с компонентом «ноги». Чем объясняется резко противоположная оценка(позитивная и негативная) этих ФЕ?
- 6.Найдите во фразеологическом словаре, какая культурная информация заключена в следующих фразеологизмах: Коломенская верста, быть с кем-то на «вы», играть в бирюльки, на короткой ноге.
- 7.Приведите 5 русских фразеологизмов и 5 фразеологизмов изучаемого вами иностранного языка, в которых была бы отражена национальная специфика.
8. Найдите и объясните метафоры в отрывках из художественной литературы:

Не жаль мне лет, растрченных напрасно,

Не жаль души сиреневую цветъ.

В саду горит костер рябины красной,

Но никого не может он согреть.

(С. Есенин «Не жалею, не зову, не плачу»)

Веселое было время! И дед кричал, и мороз кричал, а глядя на них и Ванька кричал. ... Молодые елки, окутанные инеем, стоят неподвижно и ждут, кто...ой из них помирать? Откуда ни возьмись, по сугробам летит стрелой заяц (А. П. Чехов «Ванька»)

- 9...Приведите примеры символов-чисел и цвето символов. Какие из них являются национальными символами, а какие -универсальными?
10. Объясните цветосимволизм в стихотворении Вадима Шефнера «Верим в победу»:

Против нас полки сосредоточив,

Враг напал на мирную страну.

Белой ночью, самой белой ночью

Начал эту чёрную войну!

Только хочет он или не хочет,

А своё получит от войны:

Скоро даже дни, не только ночи,

Станут, станут для него черны!

1941, 23 июня, Ленинград

ЛЕКЦИЯ №9.

СТЕРЕОТИП КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

План лекции:

1. Понятие «культурный стереотип» в лингвистике и МКК.
2. Виды стереотипов.
5. Функционирование стереотипов

Рекомендуемая литература

Основная литература

- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Наука, 1973
.Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987

- .Козлова Л.А. Этнические аттиподы, их содержание и формы проявления // Язык, смысл, текст – Донецк, 1994
- .Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001
- Дополнительная литература*
- . Бацевич Ф.М., Космеда Т. Очерки по функциональной лексикологии. – Львов, 1997.
- . Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. – Воронеж, 1990
- Лейчик В.М. Отношения между культурой и языком: общие функции. // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. - №2. - С. 17-30
- . Сухарев В.А. Сухарев В.М. Психология народов и наций. – Донецк: Сталкер, 1997
- Тер-Минасова С.Г. Личность и коллектив в языках и культурах // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. - №2. - С. 7-17
- Томахин Г.Д. Прагматический аспект лексического фона слова // Филологические науки. – 1988. - №5. – С. 82-86

1. Понятие «культурный стереотип» в лингвистике и МКК.

Феномен «стереотип» рассматривается не только в работах лингвистов, но и социологов, этнографов, когнитологов, психологов, этнопсихолингвистов (У. Липшман, И. С. Кон, Ж. Коллен, Ю. Д. Апресян, Ю. А. Сорокин, В. А. Ръжков, Ю. Е. Прохоров, В. В. Красных, П. Н. Шихирев, А. В. Михеев, С. М. Толстая, Е. Бартминский, А. К. Байбурин, Г. С. Батыгин, С. В. Силинский и др.). Представители каждой из названных наук выделяют в стереотипе те его свойства, которые они замечают с позиций своей области исследования, а потому выделяются социальные стереотипы, стереотипы общения, ментальные стереотипы, культурные стереотипы, этнокультурные стереотипы и т.д. Например, социальные стереотипы проявляют себя как стереотипы мышления и поведения личности. Этнокультурные стереотипы – это обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ. Немецкая аккуратность, русский «авось», китайские церемонии, африканский темперамент, вспыльчивость итальянцев, упрямство финнов, медлительность эстонцев, польская галантность – стереотипные представления о целом народе, которые распространяются на каждого его представителя. На учете стереотипных представлений основано большинство анекдотов о национальном характере. Приведем пример: «Послали представителям разных национальностей фильм следующего содержания: раскаленная пустыня и палящее солнце. С трудом идут мужчина и женщина. И вдруг мужчина достает сочный апельсин и отдает женщине. Зрителям задают вопрос: какой он национальности?» Француз-зритель отвечает: «Только француз мог так галантно отнестись к даме!» Русский: «Нет. Это русский: надо же быть таким дураком! Сам бы съел». Еврей: «Нет, это еврей: кто бы мог еще достать в пустыне апельсин?» Здесь стереотипы – галантность французов, бесшабашность русских, изворотливость евреев. Существуют автостереотипы, отражающие то, что думают люди сами о себе, и гетеростереотипы, относящиеся к другому народу, и как раз они более критичны. Например, то, что у своего народа считается проявлением расчетливости, у другого народа – проявлением жадности. Люди воспринимают этнокультурные стереотипы как образцы, которым надо соответствовать, чтобы «люди не смеялись». Поэтому стереотипы оказывают довольно сильное влияние на людей, стимулируя у них формирование таких черт характера, которые отражены в стереотипе. Специалисты по этнической психологии, изучающие этнокультурные стереотипы, отмечают, что нации, находящиеся на высоком уровне экономического развития, подчеркивают у себя такие качества, как ум, деловитость, предприимчивость, а нации с более отсталой экономикой – доброту, сердечность, гостеприимство. Подтверждением сказанному может служить исследование С. Г. Тер-Минасовой, согласно ее результатам, в английском обществе более ценятся профессионализм, трудолюбие, ответственность и т.д., а в русском – гостеприимство, общительность, справедливость (Тер-Минасова, 2000, с. 255). Н. В. Уфимцева дифференцирует этнические стереотипы и культурные стереотипы: этнические стереотипы недоступны саморефлексии «наивного» члена этноса и являются фактами поведения и коллективного бессознательного, им невозможно специально обучать, а культурные стереотипы доступны саморефлексии и являются фактами поведения, индивидуального бессознательного и сознания, им уже можно

обучать. Впервые понятие стереотипа использовал У. Липпман еще в 1922 г., который считал, что это упорядоченные, схематичные детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов мира. При таком понимании стереотипа выделяются две его важные черты – детерминированность культурой и быть средством экономии трудовых усилий, и соответственно, языковых средств. Если алгоритмы решения математических задач экономят мышление человека, то стереотипы «экономят» саму личность. В когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин стереотип относится к содержательной стороне языка и культуры, т.е. понимается как ментальный (мыслительный) стереотип, который коррелирует с «наивной картиной мира». Такое понимание стереотипа встречаем в работах Е. Бартминского и его школы; языковая картина мира и языковой стереотип соотносятся у него как часть и целое, при этом языковой стереотип понимается как суждение или несколько суждений, относящихся к определенному объекту (внеязыковой) мира, субъективно детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально выработанных познавательных моделей. Мы же считаем языковым стереотипом не только суждение или несколько суждений, но и любое устойчивое выражение, состоящее из нескольких слов, например, устойчивое сравнение, клише и т.д.: лицо кавказской национальности, седой как лунь, новый русский. Использование таких стереотипов облегчают и упрощают общение, экономя силы коммуникантов. Ю. А. Сорокин определяет стереотип как некоторый процесс и результат общения (поведения) согласно определенным семиотическим моделям, список которых является закрытым в силу тех или иных семиотико-технологических принципов, принятых в некотором социуме. При этом семиотическая модель реализуется на социальном, социально-психологическом уровнях (стандарт) или на языковом, психологическом уровнях (норма). Стандарт и норма существуют в двух видах: как штамп (избыточно эксплицированный сложный знак) или как клише (недостаточно эксплицированный сложный знак).

2. Виды стереотипа (по В.В. Красных)

В.В. Красных делит стереотипы на два вида - **стереотипы-представления и стереотипы-поведения**. Примеры стереотипов-представлений: *пчела - труженица, баран - упрямый*, а стереотипов поведения: *билет - компютер, аист - капуста*.

Стереотипы представления хранятся в нашей памяти в виде клише сознания и функционируют как **эталоны** - образцы, с которыми *сравниваются* реальные явления, предметы и т.п. Примерами эталона являются выражения: *здоров как бык, глаза красивые, как у коровы* (эталон красоты у киргизов); *толстый, как бочка*. Эти эталоны отражают не только национальное мировидение, но и национальное миропонимание, поскольку они являются результатом собственно национально-типического соизмерения явлений мира. Эталоны - это то, в чем образно измеряется мир. Чаще всего эталоны существуют в языке в виде устойчивых сравнений (*глуп как валенок, весел как птичка, злой как волк, собака*), но в принципе эталоном может быть любое представление о соизмерении мира относительно человека - *сыт по горло, влюблен по уши* и др.

Анализируя семантику фразеологизма *дрожать над каждой копейкой*, В.Н.Телия справедливо отмечает, что здесь фокусируется не вещный образ копейки, а знание о том, что копейка - эталон минимальной денежной единицы. Благодаря такого рода восприятию образного основания фразеологизмов, в которые входят слова-эталоны, фразеологизмы приобщаются к языку культуры. Здесь, говоря словами А. А. Потебни, символ становится образцом (эталонном) и подчиняет себе волю понимающих.

Стереотипы поведения представлены в сознании социума в виде штампов. Они выполняют прескриптивную функцию, т.е. диктуют, предписывают личности определенное поведение. Так, например, этнически одобряемая манера поведения диктует представителям стран Юго-Восточной Азии внешнюю сдержанность, скупость мимико-жестикulyторных средств в выражении эмоций, подчеркнутую уважительность и благожелательность по отношению к участникам коммуникации, особенно к старшим по возрасту. В то же время у других народов национальная система воспитания диктует поведенческую активность, ярко выраженное стремление к успеху, лидерству, потребность в подтверждении окружающими достоинств личности (многие арабские страны, Нигерия и пр.). Истоки и причины такого поведения нужно искать в истории этноса, религии, верованиях, во всем объеме накопленного этносом исторического опыта.

В.В. Красных подразделяет эти стереотипы на два вида: стереотипы-образы и стереотипы-ситуации.

Приведем пример стереотипа-образа из книги В.В. Красных «Свой среди «чужих»: миф или реальность?»

ЗМЕЯ — относится к числу древнейших мифологических образов (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека, предмета, ситуации и т. д. (3).

1. Змея — один из ключевых персонажей в системе представлений о животном мире, отражает основные характерные особенности гадов. Змея - неоднозначный персонаж: она сочетает в себе мужскую и женскую, водную и огненную символику, отрицательное и положительное начала (Жена да муж — змея да уж, см. В. И. Даль) она ядовита и целебна. З. — и нечистая тварь, и источник зла, но в то же время она может помочь человеку. В Библии З. выступает как олицетворение сатаны (Быт. III: 1 и след.; II Кор. XI: 3; Откр. XII: 9, 14, 15), отличается хитростью (Мф. X: 16), злобой (Мф. XXIII: 33), свирепостью (Пс. БУП: 5; Притч. XXIII: 32) и коварством (Быт. ХЫХ: 17). Однако отправиться в пустыню Моисею помогает жезл, превратившийся в змею и обратно.

2. Змея холодна, лишена эмоций и добрых чувств, обладает магическим взглядом немигающих глаз, который завораживает жертву и вызывает ее оцепенение.

Бытует представление о необыкновенной живучести змеи: убитая змея якобы может оживать. Это представление восходит к физиологической особенности змеи (периодически сбрасывает кожу). Бытующее о змее представление помещает яд в змеиный язык — жало (< жалить), который и считается смертельно опасным. Готовясь к нападению, змея издает звуки, похожие на шипение.

Под влиянием христианства змее приписывается нечистая, дьявольская природа. Змея коварна, мстительна, неблагодарна и опасна, может нанести неожиданный удар (пригрел змею на своей груди, змея подколодная).

Иногда змее приписывается мудрость (И жало мудрыя змеи в уста замершие мои вложил десницею кровавой, А. С. Пушкин).

> Современные русские могут обращаться к образу змеи при характеристике коварного человека, способного на предательство, холодного, расчетливого: *Мне самому понравилось, что я так спокойно, осторожно ответил, и с этой минуты все мое волнение как рукой сняло. Я стал холоден, любезен и хитер, как змея.* В. Каверин, Два капитана.

*человека по его недоброму, злобному отношению к окружающему миру; при этом может подразумеваться, что этот человек потенциально опасен, готов к нападению: — *Да говори ты, черт с тобой, только не брызгай своим ядом во все стороны. — Я попробую, милый, хотя ничего обещать не смогу: это у меня процесс неконтролируемый — могу ужалить, сама того не заметив. Причем смертельно.* М. Юденич, Стремление убирать.

*человека по его поведению в определенных ситуациях, соотносимому с поведением змей (змея гибка и изворотлива; обладает «способностью» «гипнотизировать» свою жертву): *Настя кричала, извивалась, как змея, но мучительницы ни на секунду не ослабляли хватки.* (Караван историй, 2001).

*внешности человека, предмета, чувства или ситуации, предвещающих опасность: *Неправильный череп, неправильный приплюснутый нос, неправильные хищно вывороченные ноздри; неправильные, слишком темные губы, извивающиеся как змеи...* В. Платова, Купель дьявола.

*ситуации, которая вызывает ассоциации с одним из проявлений змеи: *Он [Прохор] начал записывать на галере, которая везла их на Патмос, мечущегося в бреду Иоанна, с которого кожа слезла, как со змеи.* Стругацкие, Отягощенные злом, или Сорок лет спустя.

В современном русском языке существует целый ряд выражений, связанных со змеями.

Змея подколодная — характеристика человека коварного, неблагодарного, опасного; при этом может подразумеваться, что этот человек способен совершать злонамеренные и таящие в себе неожиданную опасность поступки: *Лариосика постиг ужасный удар... Милочка Рубцова, на которой, как вы знаете, он женился год тому назад, оказалась подколодной змеей.* М. Булгаков, Белая гвардия.

Зеленый змий — персонификация алкоголя, алкогольной зависимости.

Для российского бизнеса характерна еще одна черта — «деловое» пьянство. Люди, которые ни с кем не пьют, в бизнесе малоуспешны. Но никакую нормальную жену не устроит дружба ее благоверного с «зеленым змием». АйФ, 2001.

Змей [змий]-искуситель — 1) характеристика человека, уговаривающего собеседника совершить какой-либо поступок, обещая вознаграждение и/или различные блага; 2) характеристика мужчины-соблазнителя; восходит к Библейскому дискурсу (сцена в раю): «*Но я проявил предусмотрительность, захватил с собой лосьон из экстракта турецкой ромашки. Видите — загар ровный, а веснушек совсем нет*». И подставил, змей-искуситель, добропорядочной женщине свое смазливое личико. Б. Акунин, Левиафан.

Мудрый [премудрый] змей, мудрый как змий — характеристика человека, отличающегося умом, владеющего особыми знаниями и т. д.; восходит к Библейскому дискурсу {Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби, Лук. X: 16}.

Пригреть змею на груди — оказывать помощь, покровительство человеку коварному, считать его своим другом и испытать вследствие его предательства глубочайшее разочарование:— *Катастрофа, ваше превосходительство, — констатировал ряженный. — Миллион пропал. [...] Ерунда, — махнул Караченцев. — В миллионе ли дело? [...] Надо же, как интересно все сложилось-то. Ну-с, теперь и нашему Юрию Долгорукому конец*. Пригрел на груди гадюку, да как сердечно! Б. Акунин, Смерть Ахиллеса.

Стереотип-ситуация включают в себя определенное (предсказуемое, ожидаемое) поведение участников коммуникации. Например, стереотип-ситуация: *транспорт® билет*; стереотип поведения в нашем социуме: обращение к ближайшему пассажиру «*Пробейте! Прокомпостируйте! Передайте, пожалуйста*» и т. д.

Наиболее популярным источником стереотипных представлений о национальных характерах являются так называемые международные анекдоты, построенные на шаблонном сюжете: представители разных национальностей, попав в одну и ту же ситуацию, реагируют на нее по-разному, в соответствии с теми чертами национального характера, которые приписывают им на родине анекдота. Так, в русских анекдотах англичане обычно подчеркнута пунктуальные, немногословные, прагматичные, сдержанные, любят сигары, виски, конный спорт и т. д. Немцы практичные, дисциплинированные, организованные, помешаны на порядке и потому ограничены. Французы — легкомысленные гуляки, эпикурейцы, думающие только о женщинах, вине и гастрономических удовольствиях. Украинцы скуповатые («*Як не з'їм, то хоч понадкушую*»), хозяйственные, упрямые, любят сало. Американцы богатые, самоуверенные, прагматичные. Русские — бесшабашные рубахи-парни, неприхотливые, алкоголики, драчуны, открытые, неотесанные, любят водку и драки.

Многие элементы стереотипного характера известны носителю данной культуры, но неизвестны иностранцам и потому не воспринимаются ими. Эти элементы Ю.А. Сорокин и И.Ю. Марковина называли лакунами. Все, что в инокультурном тексте реципиент заметил, но не понимает, кажется ему странным и требует интерпретации, служит сигналом присутствия в тексте национально-специфических элементов культуры, в которой создан текст, а именно лакун. *Приведем такой пример. В одном японском романе описывается следующая сцена. В харчевню заходит скромно одетый человек, заказывает себе чашку риса, скромно садится в углу и ест. Компания четверых подвыпивших гуляк начинает подсмеиваться над нищенским видом путника, который, однако, продолжает есть, не обращая внимания на шутки в его адрес. Когда же состязание в островах достигает апогея, человек, на секунду оторвавшись от своего занятия, ловит рисовыми палочками муху и снова продолжает есть. Мигом протрезвевшие обидчики хватают свои пожитки и с воплями исчезают из харчевни*. Описание данной сцены может вызвать недоумение у европейского читателя, а японец всё поймет однозначно. Этот человек — самурай. Японская система воспитания самураев (дворян из высшего военного сословия) предполагала всестороннее развитие личности, в том числе физическое. Поэтому молниеносная реакция была равнозначна демонстрации уровня мастерства владения мечом или каратэ.

3. Функционирование стереотипов (по В.В. Красных)

На некоторых стереотипах поведения, актуальных для конкретного акта коммуникации и потенциально «опасных» для межкультурного общения в силу определенных различий, я остановлюсь чуть позже, а сейчас обращусь к некоторым другим аспектам коммуникации, имеющим не меньшее значение успешного протекания.

Особый разговор — темы бесед: о чем можно и о чем нельзя говорить представителями других культур. Так, с французами лучше не говорить о мировой войне и особенно об оккупации, а с испанцами не обсуждать гражданскую войну (Н. Япп, М. Сиретт, Д. Лонеи). В то же время в Австралии пишет К. Хант, «в общем, нет запретных тем для разговора». О религии и политике поспорить можно всегда. Но только дурак спросит у знакомого оззи (австралийца), сколько тот зарабатывает, или заведет разговор о расовых отношениях». В целом вопрос о зарплате не относится к числу особо приветствуемых и в разговоре с американцами или европейцами. И, конечно, в наши дни надо постоянно помнить о «политической корректности»: ни в коем не высказывать критических замечаний в адрес других народов, особенно отличающихся цветом кожи, не выражать недоумение, непонимание несогласие с «борьбой за равные права» (не важно кого: женщин, детей, сексменьшинств, домашних и диких животных или растений).

Значительно различает культуры и отношение ко времени. Пунктуальностью по-прежнему могут похвастаться в основном представители центра и северной Европы и Японии. Там даже автобусы ходят минута в минуту по расписанию, в соответствии с которым интервал между автобусами может не превышать 2—3 минуты. Честно говоря, русского человека это сначала пугает, потом начинает раздражать (чему я неоднократно бывала свидетельницей в той же Швеции). Для японцев также «пунктуальность и постоянство» имеют большое значение. Если написано, что магазин открывается в 7.00 утра, откроется ровно в семь, даже если случится забастовка железнодорожников или тайфун» (Сахоко Кадзи, Торио Хама, Дж. Райс).

В целом русские значительно отстают от «пунктуальных» народов в точности, но превосходят южных европейцев, латиноамериканцев и индийцев. По степени допустимого, «разрешенного» опоздания мы сближаемся с итальянцами, у которых 15-минутное опоздание не считается большим грехом, а вот появление на полчаса позже намеченного времени — это уже серьезный повод для недовольства (М. Солли). Испанцы могут опаздывать на значительно больший срок или вообще не являться на встречу, причем это вовсе не считается у них дурным тоном и, как правило, никак не связано с желанием оскорбить партнера (правда, сейчас, по свидетельству испанистов, многое начинает меняться).

Что касается поведения представителей разных культур в общественных местах, то это тоже тема для отдельного разговора. Приведу только несколько примеров. По свидетельству Дрю Лонея, «если испанец и захочет кому-то “покажаться”, то просто начнет шуметь, предпочтительнее вечером или ночью, дабы все знали, что он жив». Однажды в Испании я наблюдала сцену, полностью подтверждающую этот тезис. На втором этаже отеля проживала многочисленная испанская семья. К ним «в гости» пришел их приятель. Но он предпочел не подниматься к ним в номер, а вести дружескую беседу на улице, удобно расположившись, на специально (!) принесенном для этого стуле. Его собеседники в это время находились на своем балконе. Пребывая в такой диспозиции, они непринужденно и весело болтали. Естественно, что за этим разговором могла следить вся гостиница. И все было бы ничего, только вот визит пришелся как раз на два часа ночи. А если учесть, что по-испански не говорят, по-испански кричат (Лонеи), то становится понятным легкое неудовольствие остальных обитателей отеля. Кстати, самих испанцев такое отношение просто возмутило: не дают людям спокойно пообщаться. Впрочем, что еще можно ожидать от этих «эстранхерос», которые в чудную летнюю ночь почему-то надумали спать!

Поведение в очереди тоже может радикально различаться: от строгой «линии», в которой «очередники» стоят минимум в полуметре друг от друга (у англичан или шведов) до полного хаоса и «сумбура вместо музыки» (у тех же испанцев, например; а итальянца, по свидетельству М. Солли, при одной мысли, что надо становится в очередь, разбирает смех). Не говоря уже о том, что во многих странах существуют специальные аппараты, выдающие номерок, который позволяет вообще не стоять, а спокойно дожидаться своей очереди, сидя где-нибудь неподалеку. Эта система прекрасно работает в Германии или, например, Швеции, поскольку полностью отвечает представлению об идеальном порядке. У итальянцев же это подчас превращается в подобие игры: надо приехать в кассу (!) загодя, скупить все билеты, а потом по баснословной цене перепродать их тем, кто не успел до закрытия кассы (М. Солли).

Несколько примеров стереотипов поведения «из русской жизни», зафиксированных в современных российских источниках.

Завтра группа распадется. Или они все перессорятся, или Света выйдет замуж и муж запретит ей выступать, или Бен, тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить бы, получит тяжелую травму и не сможет больше танцевать. [...] Причин может быть множество. [А. Маринина. Когда боги смеются]

Отправляясь в аптеку, три раза плюньте через левое плечо, постучите по дереву и сделайте пальцы крестиком. Ну, ни пуха... [МК, 16.03.2001]

И последнее. Этнические стереотипы являются объектом анализа и серье изучаются в этнопсихологии. Эта научная дисциплина рассматривает ряд в нейших свойств этнических стереотипов, такие, как, например: их эмоциош но-оценочный характер, устойчивость и ригидность к новой информации, гласованность единства представлений среди всех членов «стереотипизирующей группы». Основными параметрами стереотипов, по которым они анализируются, являются их содержание, направленность, степень благоприятности, степень их истинности.

Вопросы для самопроверки

1 Как описывается «культурный стереотип» в лингвистике и МКК?

2. Приведите примеры анекдотов, отражающих стереотипы представления о разных народах.

3. Приведите примеры фразеологизмов, отражающих стереотипные образы.

4. Какие национальные стереотипы отражены в данных ниже анекдотах?

а) *На мосту через реку идет джентльмен и видит, что под мостом барахтается другой, в шляпе, в смокинге, перчатках и т.д. Джентльмен сходит на берег, раздевается, заходит в воду, подплывает к барахтающемуся субъекту, некоторое время плавает около него, наконец, задает вопрос:*

- *Сэр, извините мою навязчивость, что я, не будучи представленным Вам, позволяю себе нескромный вопрос: почему Вы купаетесь в одежде?*

- *Простите, сэр, дело в том, что я не купаюсь – я тону.*

б) *По лесной дороге медленно тащится телега. В ней – эстонская семья: отец и два сына. Вдалеке дорогу перебегают какой-то небольшой зверек. Проходит полчаса. Один из сыновей произносит:*

- *Это, наверное, лиса.*

Проходит еще час. Второй сын произносит:

- *Нет, это, наверное, собака.*

Проходит еще час. Отец произносит:

- *Перестаньте ссориться, горячие эстонские парни.*

ЛЕКЦИЯ №10.

ЛИЧНОСТЬ КАК ПРОДУКТ И НОСИТЕЛЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

План лекции:

- 1 Понятие языковой личности. Концепция трехуровневой структуры языковой личности. Содержание языковой личности.
- 2 Инкультурация и социализация. Национально-культурная специфика внешних и внутренних качеств языковой личности – представителя лингвокультурной общности. Культурное самоопределение личности.
3. Мужчина и женщина в обществе, культуре и языке

Рекомендуемая литература

Основная литература

Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – 208 с

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 216 с.

Дополнительная литература

Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании// Филологические науки- 2001 - №1. – С. 64-72

Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация/ С.Г. Тер-Минасова. - М.: Слово, 2000. - с. 84-90
 Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Крас-ных.– М.: Гнозис, 2002.– 283 с.

1. Понятие языковой личности. Концепция трехуровневой структуры языковой личности. Содержание языковой личности.

Как известно, творит культуру и живет в ней человек, личность. Именно в личности на передний план выходит социальная природа человека, а сам человек выступает как субъект социокультурной жизни. Есть и иные концепции личности. Так, известный американский психолог А. Маслоу видит человека как бытие внутренней природы, которая почти независима от внешнего мира и которая есть исходная предпосылка всякой психологии, а жизнь в согласии с внутренней природой рассматривается как причина психического здоровья. Становление личности, с точки зрения А. Маслоу, – это движение к идеалу, в качестве которого выступает личность, всесторонне реализовавшая себя. Он пишет: «Человеческому существу, чтобы жить... необходимы система координат, философия жизни, религия (или заменитель религии), причем они нужны ему почти в той же мере, что и солнечный свет, кальций или любовь». Личность должна рассматриваться в перспективе культурной традиции народа, этноса (Пископсель, 1997), ибо для рождения человека в человеке необходим культурно-антропологический прототип, который формируется в рамках культуры. Категории культуры – это пространство, время, судьба, право, богатство, труд, совесть, смерть и т.д. Они отражают специфику существующей системы ценностей и задают образцы социального поведения и восприятия мира. Это своеобразная система координат, которая формирует языковую личность.

Первое обращение к языковой личности связано с именем немецкого ученого И. Вейсгербера. В русской лингвистике первые шаги в этой области сделал В. В. Виноградов, который выработал два пути изучения языковой личности – личность автора и личность персонажа. О говорящей личности писал А. А. Леонтьев. Само понятие языковой личности начал разрабатывать Г. И. Богин, он создал модель языковой личности, в которой человек рассматривается с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи».

Ввел же это понятие в широкий научный обиход Ю. Н. Караулов, который считает, что языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: «а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью». Ю. Н. Караулов разработал уровневую модель языковой личности с опорой на художественный текст [Караулов, 1987].

Языковая личность, по его мнению, имеет три структурных уровня. Первый уровень – вербально-семантический (семантико-строевой, инвариантный), отражающий степень владения обыденным языком. Второй уровень – когнитивный, на котором происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму (языковой личности) и создающих коллективное и (или) индивидуальное когнитивное пространство. Этот уровень предполагает отражение языковой модели мира личности, ее тезауруса, культуры.

И третий – высший уровень – прагматический. Он включает в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности.

Концепция трехуровневого устройства языковой личности определенным образом коррелирует с тремя типами коммуникативных потребностей – контактоустанавливающей, информационной и воздействующей, а также с тремя сторонами процесса общения – коммуникативной, интерактивной и перцептивной. Уровневая модель языковой личности отражает обобщенный тип личности. Конкретных же языковых личностей в данной культуре может быть множество, они отличаются вариациями значимости каждого уровня в составе личности. Таким образом, языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей. При этом речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения, в деятельности. Именно на уровне речевой личности проявляются как национально-культурная специфика языковой личности, так и национально-культурная специфика самого общения.

В содержание языковой личности обычно включаются такие компоненты: 1) ценностный, мировоззренческий, компонент содержания воспитания, т.е. система ценностей, или жизненных смыслов. Язык обеспечивает первоначальный и глубинный взгляд на мир, образует тот языковой образ мира и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе языкового диалогового общения; 2) культурологический компонент, т.е. уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Привлечение фактов культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого и неречевого поведения, способствует формированию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации; 3) личностный компонент, т.е. то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке.

На сегодняшний день известны различные подходы к изучению языковой личности, определяющие статус ее существования в лингвистике: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В. П. Нерознак), этносемантическая личность (С. Г. Воркачев), элитарная языковая личность (О. Б. Сиротинина, Т. В. Кочеткова), семиологическая личность (А. Г. Баранов), русская языковая личность (Ю. Н. Караулов), языковая и речевая личность (Ю. Е. Прохоров, Л. П. Клобукова), языковая личность западной и восточной культур (Т. Н. Снитко), словарная языковая личность (В. И. Карасик), эмоциональная языковая личность (В. И. Шаховский) и т.д.

Есть и другие концепции языковой личности. Так, В. В. Красных выделяет в ней следующие компоненты: 1) человек говорящий – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность; 2) собственно языковая личность – личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая совокупностью знаний и представлений; 3) речевая личность – это личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, репертуар средств; 4) коммуникативная личность – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации.

Вслед за Масловой, мы будем оперировать лишь двумя составляющими языковой личности – собственно языковой и коммуникативной. Итак, языковая личность – социальное явление, но в ней есть и индивидуальный аспект. Индивидуальное в языковой личности формируется через внутреннее отношение к языку, через становление личностных языковых смыслов; но при этом не следует забывать, что языковая личность оказывает влияние на становление языковых традиций. Каждая языковая личность формируется на основе присвоения конкретным человеком всего языкового богатства, созданного предшественниками. Язык конкретной личности состоит в большей степени из общего языка и в меньшей – из индивидуальных языковых особенностей.

Основным средством превращения индивида в языковую личность выступает его социализация, предполагающая три аспекта: а) процесс включения человека в определенные социальные отношения, в результате которого языковая личность оказывается своего рода реализацией культурно-исторического знания всего общества; б) активная речемыслительная деятельность по нормам и эталонам, заданным той или иной этноязыковой культурой и в) процесс усвоения законов социальной психологии народа. Для становления языковой личности особая роль принадлежит второму и третьему аспектам, поскольку процесс присвоения той или иной национальной культуры и формирование социальной психологии возможны только посредством языка, являющегося для культуры, по выражению С.Лема, тем же, что центральная нервная система для жизнедеятельности человека. Лингвокультурная личность – закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности.

2. Инкультурация и социализация. Национально-культурная специфика внешних и внутренних качеств языковой личности – представителя лингвокультурной общности. Культурное самоопределение личности.

В процессе межкультурного общения, когда человек сталкивается с представителями иных культур, он начинает сознавать своеобразие собственной культуры, ее отличительные признаки от другой культуры. Идентификация выступает результатом социального взаимодействия, когда в процессе общения с другими людьми человек сравнивает себя с ними и как бы начинает видеть себя со стороны. Идентификация со «своими» общностями одновременно предполагает определенное отделение от «других», выбор соответствующих моделей и норм поведения. Как

полагает Э. Фромм, потребность в идентичности входит в число важнейших универсальных человеческих потребностей. В этом случае, вводится понятие «социокультурная идентичность».

Социокультурная идентичность – осознание человеком своей принадлежности к определенной социальной общности как носительнице конкретной культуры. Суть культурной идентичности состоит в «осознанном принятии человеком соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимании своего «я», с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этого «общества». Социокультурная идентичность является результатом процесса идентификации.

Социокультурная идентификация – механизм усвоения и приобретения представлений, идеалов, норм, ценностных установок, социальных ролей, присущих той культуре, к которой принадлежит данный человек.

В современном многонациональном обществе многие люди сталкиваются с проблемой этнической идентификации. Этническая идентичность – осознание человеком или социальной группой своей этнической принадлежности, т.е. родства с определенной этнической общностью (народом)

Социализация – процесс усвоения индивидом определенной системы знаний, норм, ценностей, установок, образцов поведения, которые входят в понятие культуры, присущей социальной группе и обществу в целом позволяют функционировать индивиду в качестве активного субъекта общественных отношений.

Социализация – осуществляющийся на протяжении жизни личности процесс освоения социальных ролей, обретения социокультурного опыта. Процесс социализации проходит стадии, которые называют основными жизненными циклами (детство, юность, зрелость, старость).

Инкультурация – приобщение человека к традициям, ценностям, моделям мышления и нормам поведения, свойственным для данной культуры. Это происходит в процессе отношений взаимообмена между человеком и культурой, в ходе которых, с одной стороны, культура определяет основные черты личности человека, а с другой – человек оказывает влияние на культуру.

Важный результат инкультурации – эмоциональное и поведенческое сходство человека с другими представителями данной культуры и его отличия от представителей других культур.

При коммуникации люди воспринимают друг друга по принципу групповой принадлежности. Находясь в определенных территориальных рамках, каждый человек является одновременно представителем различных групп (этническая, социальная, гендерная, территориальная, языковая, политическая, религиозная и т.п.). Самоопределяясь в конкретном типе культуры, каждый человек делает свой выбор в пользу одного из вариантов деятельности. Одновременно по определенным признакам, характерным только для данной конкретной культуры, человек будет восприниматься другими в качестве ее представителя. Культурное самоопределение – это определенные черты групповых образований, проявляющие себя в конкретной ситуации и тем самым причисляющие индивида к числу их представителей, а также осознание личностью своего места в спектре культур и деятельность, направленную на причисление индивидом себя к конкретной социальной или культурной группе.

Формирование культурного самоопределения личности средствами ИЯ возможно исключительно в рамках социокультурного подхода. Социокультурный подход позволяет обратить внимание на весь спектр культур, существующих на территории страны ИЯ, акцентируя не только различия, но и сходства между родной и изучаемой культурами. Рассмотрение типов и видов культур стран как родного, так и ИЯ позволяет обучающимся увидеть культурное разнообразие современных поликультурных сообществ. Это в свою очередь будет способствовать осознанию обучающимися себя в качестве поликультурных субъектов в родной среде и поможет значительно расширить свое социокультурное пространство.

Самоопределение в культуре – выбор определенного варианта деятельности – возможно только через культурную осведомленность – знания существующих вариантов. Поэтому культурная осведомленность является неотъемлемой частью общего процесса культурного самоопределения средствами родного и изучаемого языков. Культурная осведомленность как определенный уровень социокультурной компетенции включает знания вариативности стилей жизни изучаемых сообществ, а также формирование таких качеств, как толерантность, эмпатия и терпимость к представителям других культур. Культурное самоопределение обозначает переход от знаний и понимания к активной деятельности.

3. *Мужчина и женщина в обществе, культуре и языке*

Человек предстает в двух ипостасях – мужчина и женщина. Оппозиция «мужской–женский» – фундаментальная для человеческой культуры. Этому есть многочисленные доказательства. Одно из них коренится в древних представлениях о мире: Слово, дух – отец всего сущего, а материя – мать. Результат их слияния – Вселенная и все, что в ней есть. В антропоморфной модели Вселенной женщина приравнивалась к Бездне, которая, по представлениям язычников, тем не менее считалась первоисточником всего живого в Мироздании. Женщина – олицетворение судьбы, и в языках сохранилось это представление – древнерусское «кобь» – судьба (ср. польское *kobieta* – женщина). С другой стороны, женщина – символ нижнего мира, греховности, зла, всего земного, пленного. В архаических обществах, где условия выживания и труда были предельно сложными, особых тендерных (половых) различий историки не фиксируют. Когда женщины доверили мужчинам пасти скот, те превратились в кормильцев. Последующее «половое» разделение труда позволило мужчине утвердиться в истории в качестве абсолютного субъекта. Именно мужская деятельность покорила природу и женщину. Женщина была признана мужчиной хотя и половиной, но второй, как бы дополнительной, его «другим Я». Следовательно, тендерное неравенство вошло в культуру вместе с социальным прогрессом. В классической культуре и философии женщина также противопоставлялась мужчине: женщина – хранительница генофонда, она обладает самым ценным в природе качеством – способностью воспроизводить жизнь, продолжать род, т.е. воспроизводит традиционные ценности, обеспечивая функции сохранения жизни сообщества. Несмотря на это, она ассоциируется в обществе с иррациональностью (Аристотель), аморальностью (Шопенгауэр), чувственностью (Кант), существом с массой недостатков (Фрейд) и т.д. Итак, в нашей культуре женщина – это хаос, которому придает порядок мужчина. Пифагор считал, что существует положительный принцип, который создал порядок, свет и мужчину, и отрицательный, который создал хаос, сумерки и женщину. В Евангелии Иисус ни словом не унизил женщину, а апостол Павел в своих посланиях и проповедях низвел женщину в подчиненное положение, и эти взгляды стали основой в христианстве. Ева возникла из ребра Адама как его подруга и помощница, и в этом цель ее бытия. Утренняя молитва Ветхозаветного человека гласит: «Благословен Господь, не сотворивший меня женщиной». На этом постулате были выстроены история и философия, язык и религия и т.д. Восточнославянские языки, как и немецкий, французский и ряд других, в отличие от английского, где различается «sex» (биологический пол) и «gender» (пол как социокультурная категория), не дифференцируют эти понятия. Однако рассмотрение пола только как биологического явления обедняет и упрощает это категориальное понятие, ибо маскулинность (мужественность) и фемининность (женственность) – это, с одной стороны, филогенетически обусловленные свойства психики, а с другой – социокультурные образования, складывающиеся в онтогенезе. Современные социологи и философы рассматривают понятия «пол» и «гендер» как противоположные. Гендер – это социокультурная категория, не предполагающая традиционного рассмотрения половых ролей. Первоначально маскулинность и фемининность были зафиксированы в мифологии как основная бинарная дихотомия, посредством которой интерпретировался весь мир – и славянские представления о Земле-матери и Небе-отце, и древнекитайская концепция Инь и Янь, и древнегреческий миф об андрогинах тому подтверждение. Научный интерес к данным феноменам был отмечен еще в конце XVIII в., когда бурное развитие естественных наук заставило посмотреть на маскулинность и фемининность с точки зрения законов природы. Так, Ч. Дарвин утверждал, что мужская агрессивность и интеллектуальность имеют физиологический субстрат, т.е. являются доминирующими, или мужскими, признаками. Его современные последователи рассматривают маскулинность – фемининность как генетически предопределенные формы поведения – «биограммы». «Женский вопрос» – это вопрос об участии женщин в политике, он возник в 1791 г. во время Французской революции. Французская писательница Олимпия де Гуж воскликнула: «Если женщина имеет право взойти на эшафот, она должна иметь право подняться и на трибуну». Последователи де Гуж, ратовавшие за то, что *femme* (женщина) – тоже человек, получили название феминисток. Родоначальницей современного феминизма стала французская писательница и философ Симона де Бовуар, которая в своей классической работе «Второй пол» показала, что мужчина – творец истории, а женщина – лишь объект его власти. XIX век стал для женщины веком попытки установить социальное и политическое равенство. Но если достичь социальное равенство было проще, то политическое равенство достигалось с трудом. Впервые в мире – в Дании в 1915 г., в России в 1917 г., в Германии в 1919 г., во Франции в 1944 г. – женщины получили право избираться и быть избранными. Первые декреты советской власти дали

российской женщине и социальные, и политические права. С конца XIX в. феномен маскулинности – фемининности начинает рассматриваться как явление социального порядка, когда социальная дифференциация общества представляется как результат естественного разделения функций в обществе по признаку пола. Если в начале XX в. фемининность была представлена двумя противопоставленными полюсами – роль добропорядочной женщины и роль проститутки, то в начале XXI в. роли сменились (роль домохозяйки и роль женщины, стремящейся к продвижению в карьере). Другие женские роли – женщина-вамп, страж сексуальной морали, мать, жертва, хозяйка в доме и т.д. Если раньше женщине навязывалась роль домашней хозяйки и роль матери, то теперь вмещается совмещение семейных и производственных ролей при полном исключении ее из процесса принятия решений, т.е. вместо эмансипации постсоветская женщина получила двойную и непосильную нагрузку. В общей социологии выделяется социальная феминология, или просто феминология, – наука о положении и функциональных ролях женщины в обществе. Термин же «феминистка» негативно оценивается современным социумом, в народном сознании – это нечто среднее между «лесбиянкой» и «нимфоманкой»; доказательством тому является и следующая дистрибуция (окружение) термина: оголтелые, взбесившиеся феминистки, а все феминистские теории называются не иначе как специфическая теория, женская теория и т.д. Рождение мальчиков в семье всегда было более предпочтительным. Причина тому – патриархальность семейных отношений, где глава семьи и ее кормилец – мужчина. Здесь уместно привести следующую притчу. Веет крестьянин рожь и приговаривает: «Одну часть на ветер брошу (= уплачу налоги), другую в воду брошу (= отдам дочери, которая утонула в другой семье), третью съем сам, четвертой долги отдам (=дам родителям), а пятую в долг дам (= дам сыну, который будет кормить в старости)».

Культурой навязываются такие социально-половые роли и формы поведения, складываются такие ролевые ожидания, которые усугубляют дифференциацию полов. Поляризация полов стала рассматриваться как проявление «естественных» качеств мужчины и женщины. Следовательно, дихотомия полов смоделирована обществом и культурой, и абсолютно права Симон де Бовуар, утверждение которой стало крылатым: «Женщиной не рождаются, женщиной становятся». Немецкая исследовательница Карин Хаузен также объясняет образование стереотипов половых ролей разделением семейной жизни и трудовой деятельности. Действительно, «предписанных природой» социальных ролей не существует, а быть на вторых ролях женщин вынуждает общество. Гендер – это большой комплекс социальных и психологических процессов, а также культурных установок, порожденных обществом и воздействующих на поведение национальной языковой личности. Таким образом, в гендере происходит сложнейшее переплетение культурных, психологических и социальных аспектов. Поэтому он представляет интерес не только для философов и социологов, но и для представителей целого ряда наук, в том числе лингвистов. Так, существует гендерная психология, формируются гендерная лингвистика, гендерная поэтика. В нашей работе категория гендера рассматривается как явление культуры и языка, т.е. в аспекте лингвокультурологии. Наша задача – увидеть невидимое в обыденном языке и языке поэзии. Попытаемся показать, как в языке преломляется эта категория. Вся традиционная западная (и не только) культура является гетеросексуальной и маскулиноцентричной. И это сказывается в первую очередь на языке: у целого ряда народов само понятие «человек» ассоциируется только с мужчиной, немецкое *das Man*, английское *a man*, французское – *un homme* – мужчина и человек. Даже само слово женщина имеет негативное происхождение: все слова, кончающиеся на -щина в русском языке имеют негативную коннотацию (презрение или пренебрежение) – деревенщина, казенщина, групповщина, чертовщина. Слово женщина вышло из славянского *жено* и несло на себе коннотацию пренебрежения. По мере развития цивилизации словом был утрачен этот ореол. Мужская культура учит акцентировать внимание на действии, а не на состоянии, на результате, а не на его процессе. Даже различные сентенции структурированы с маскулинных позиций: «Пришел, увидел, победил!», «Пан или пропал» и т.д. Вместе с тем с фемининных позиций утверждение конструируется через вопрос, «усомнение». В середине 60-х годов наблюдался всплеск интереса к гендерной теме в лингвистике, вылившийся в три основных направления исследований: 1) социальная природа мужских и женских языков; 2) особенности речевого поведения; 3) когнитивный аспект различий. Наибольший интерес для нас представляет второе и третье направления исследований. Одной из первых работ, касающихся гендерной лингвистики, была работа О. Есперсена «The Language». В ней есть глава «The Woman» (женщина), а глава «The Man» отсутствует, ибо женский язык считается маркированным, а мужской – соответствующим литературной норме. В английских словарях слова о женщинах в основном негативно-оценочные.

Так, в словаре Роже в рубрике «untidy» (неопрятный) все слова относятся к женщине: slut, frump, bitch и др. В рубрике же образованность – все слова о мужчинах, кроме двух, выражающих претензию на образованность: pedantess, bluestocking. Немецкий исследователь Трёмль-Плётц в 1987 г. опубликовала книгу «Язык женщин», в которой утверждает, что дискриминация женщин по языку выражается не только в речевом поведении, где мужчина – всегда ведущий партнер диалога, но и в употреблении слов мужского рода для обозначения женщин (автор, пассажир, врач), употреблении местоимений мужского рода в обобщенном значении (всякий, каждый) и т.д. Поскольку речевое поведение тендеров строится на базе исторически сложившихся стереотипов, зафиксированных в языке, то можно сказать, что тендерные стереотипы – это система представлений о том, как должны вести себя мужчина и женщина. Было установлено, что у мужчин и женщин различны и стратегии поведения, и стратегии речевой коммуникации. Еще Ф. Ницше заметил, что счастье мужчины зовется «Я хочу!», а счастье женщины – «Он хочет!» Как бы под этим девизом строятся речевые стратегии мужчин и женщин. Под речевым поведением мы, вслед за А. Е. Супруном (1996), понимаем весь комплекс отношений, включенных в коммуникативный акт, т.е. вербальную и невербальную информацию, паралингвистические факторы, а также место и время речевого акта, обстановку, в которой этот факт происходит и т.д. Следовательно, речевое поведение – это речевые поступки индивидуумов в типовых ситуациях коммуникации, отражающих специфику языкового сознания данного социума. Поскольку мужчина и женщина принадлежат к различным социальным группам и выполняют различные социальные роли, то общество ждет от них определенных моделей речевого поведения. И действительно, существует гендерная дихотомия в речевом поведении. Мужской тип коммуникации – это менее гибкая, но более динамичная и менее ориентированная на собеседника коммуникация. Наиболее распространенный жанр коммуникации у мужчин – беседа-информация, а у женщин – частная беседа. Женщины чаще используют обратную связь, поддерживая ее словом «да», которое еще не означает согласие. Как раз это «да» сбивает мужчин, которые часто жалуются, что женщина в процессе беседы все время соглашалась и вдруг в конце заявила противоположное. Женский тип коммуникации более ориентирован на собеседника, на диалог, на подчиненную роль в общении, где мужчина выбирает и меняет тему разговора. С одной стороны, общество выработало такие стереотипы поведения, согласно которым женщина играет подчиненную роль при мужчине, она должна быть хорошей хозяйкой, способной выполнять любую работу, должна быть доброй, терпеливой, послушной, нежной, верной, красивой, всегда желанной. Отсутствие мужа в этой модели рассматривается как отход от нормы, а уход от мужа – как бунт. Норма же – семья с женщиной во главе и с разделением ролей. С другой стороны, женщина при этом всегда негативно оценивается мужским обществом, свидетельством чему являются философские, исторические, литературные дискурсы, политические события. Для исследования гендерного речевого поведения мы провели ассоциативный эксперимент, где в качестве слов-стимулов были выбраны слова женственность, мужественность, красота, сила, слабость, нежность, надежность, измена, блуд. Было взято 400 испытуемых – 200 девушек и 200 юношей в возрасте от 16 и до 20 лет (учащиеся X–XI классов школ г. Витебска и студенты I и II курсов ВГУ). В качестве рабочей гипотезы была выдвинута мысль о том, что язык, выполняя кумулятивную функцию, фиксирует в ассоциациях определенные тендерные стереотипы. Цель эксперимента – выявление специфики образов языкового сознания мужчин и женщин – носителей русского языка. В результате эксперимента нами было установлено, что в русском языковом сознании лиц обоего пола женственность ассоциируется прежде всего с красотой, нежностью, обаянием, изяществом, грацией. Женщины, оценивая себя, делают акцент на внутренних, личностных качествах (уточненность, шарм, ум, изысканность, мягкость, мудрость, уравновешенность, неповторимость, вежливость, тактичность и т.п.), в то время как мужчины в большинстве своем оценивают женщин по внешним данным (красота, волосы, ноги, любовь, кровать, секс, глаза, модель, фигура, вуаль). Женщины более критичны к мужчинам, чем сами они. Мужественность для них не только сила, храбрость, отвага, надежность, бесстрашие, благородство, но и жестокость, война, ложь. Подобные резкие оценки мужественности не характерны для представлений мужчин, в ответах которых не было ни одного слова с негативной окраской, а только такие, как сила, достоинство, выносливость, решительность, уверенность и подобные. Визуальные образы сознания более разнообразны и оригинальны у женщин. Красота тоже по-разному оценивается мужчиной и женщиной. Если в оценках женщин (привлекательность, женщина, природа, молодость, девушка, женственность и др.) затронут сравнительно широкий спектр объектов, оцениваемых с этой точки зрения, то мужчина чаще всего

оценивает конкретную женщину (женщина, девушка, волосы, лицо, тело, формы, индивидуальность). Силу мужчины оценивают более подробно и тщательно, чем женщины: у них 92 варианта ответов, а у женщин всего 61, большая часть из которых синонимы силы: мощь, мощность, стойкость, здоровье и др. Разное отношение у мужчин и женщин к измене и блуду, если для женщины это прежде всего предательство, ложь, подлость, обман, обида, месть (все слова, кроме одного позитивного – любовь и двух нейтральных – брак и загадка, обладают ярко выраженной негативной коннотацией), то у мужчин позитивных и нейтральных слов значительно больше: любовь, Родина, верность, дом, семья, друг и т.п. Таким образом, в эксперименте выявлены значительные различия образов языкового сознания мужчин и женщин.

В русской культуре многие, даже нравственные, понятия ориентированы на пол. Так, понятие стыда больше ассоциируется со слабым полом: девичий стыд; потерять стыд (чаще говорят о женщине). Порядочность – также в основном имеет отношение к женщине, ибо женская порядочность для русского человека – это покорность мужу, скромность, верность. Наши наблюдения позволяют констатировать, что не только женский язык считается маркированным, но и в самой паре противопоставленных слов «мужчина–женщина» слово «женщина» – маркировано. В аналогичных парах при кажущемся равноправии один член всегда воспринимается как более значимый, а второй как производный и маркированный: свет–тьма, день–ночь, мужчина–женщина. Немаркированный член всегда возглавляет пару: жених и невеста, дед и баба. Конечно же, лингвистическая маркированность не может быть признана единственным и решающим аргументом в вопросе отражения тендерных отношений в языке, но мы не можем не видеть в этом культурную традицию, нашедшую отражение в языке. То, что фактор пола находит отражение в языке, подтверждают и следующие наблюдения: в семьях с мальчиками чаще говорят на диалекте, а с девочками – на литературном языке; у женщин и мужчин разное отношение к юмору: у первых смех и шутки направлены на интеграцию в группе, у вторых – на индивидуальную конфронтацию (Дж. Лакофф). Нас интересуют также сравнения, которые есть самый древний вид интеллектуальной деятельности, предшествующий счету. На основе сравнения и других интеллектуальных приемов у каждого народа вырабатываются свои стереотипы и символы. Так, у русских женщина сравнивается с березой, цветком, рябиной; у белорусов – с калиной; литовцы не могут сравнивать женщину с березой, ибо род существительного влияет на формирование символа, а у литовцев береза – мужского рода. Ч. Айтматов сравнивает женщину с кобылицей. Язык зафиксировал патриархальную установку: в нем прочно закрепились стереотипы, согласно которым женщине присущи многие пороки, поэтому сравнение с ней мужчины – всегда несет негативную окраску: болтлив, любопытен, кокетлив, самовлюблен, капризен, истеричен как женщина, женская логика; женщину же сравнение с мужчиной только украшает: мужской ум, мужская хватка, мужской характер. Женщине приписывается неумение дружить и хранить тайны, глупость, алогичность: бабе дорога от печи до порога, бабы умы разоряют дома; дзе баба панам, там чорт камкарам. В многочисленных пословицах и поговорках о женщинах сквозит пренебрежение и покровительственный тон: мое дело сторона, а муж мой прав; мужчина грех за порогом остается, а жена все домой несет; женщина льстит – лихое норовит. Женщина даже в роли жены и матери несет негативные коннотации: показать кузькину мать; вино пей, жену бей, ничего не бойся! ажатуся, як за хмару закащуся; женишься раз, а плачешь весь век. Все хорошее в женщине – от мужчины, таков стереотип русского человека, поэтому мужской ум (об умной женщине), мужская хватка (об удачливой женщине), мужской характер (о женщине с твердым характером) и т.д. Некрасовское Коня на скаку остановит, В горящую избу войдет – это не просто мужское поведение, фраза усиливается архетипом – причастностью к огню, мужской стихии. Это языковые и народные стереотипы. Каково же речевое поведение женщины? Исследующая речевые стратегии Дебора Таннен в своей книге «Это не то, что я имела в виду! Как стили общения создают или разрушают хорошие отношения» показала, что мужчина и женщина используют язык в различных целях: женщина относится к разговору как к важной части межличностных отношений; мужчина же, напротив, использует разговор, чтобы показать, что он контролирует ситуацию, разговор помогает ему сохранить независимость и обогатить свой статус. Причины этого, по мнению автора, лежат в коммуникативных стилях. Она выделяет две важнейшие их характеристики – вовлеченность и независимость. Мужчины независимы, а женщины вовлечены в коммуникацию, вторичны в ней. Наши наблюдения и наблюдения других исследователей позволяют установить, что мужчины восприимчивее к новому в языке, в их речи больше неологизмов, терминов. Речь женщины более нейтральна, статична, в ее лексике чаще встречаются устаревшие слова и обороты. Женская речь гораздо более эмоциональна, что

выражается в более частом употреблении междометий, метафор, сравнений, эпитетов, образных слов. В ее лексиконе больше слов, описывающих чувства, эмоции, психофизиологические состояния. Женщины склонны к употреблению эвфемизмов. Они стараются избегать элементов панибратства, кличек, прозвищ, инвективной лексики. В ходе изучения частоты употребления отдельных частей речи было установлено, что в речи женщины больше сложных прилагательных, наречий и союзов. Женщина в своей речи чаще используют конкретные существительные, а мужчины – абстрактные; мужчины чаще пользуются глаголами активного залога, женщины – пассивного. Это объясняется более активной жизненной позицией мужчин. При этом было установлено, что с повышением уровня образования различия в речи стираются. Гендерные различия отражаются и в художественной литературе, где гендер представлен в двух аспектах: 1) женская тема; 2) женская литература. Так, к концу XIX в. в интимной лирике резко увеличивается частота обращений от женского лица: женская поэзия удаляется от проблем социального характера. Примером здесь могут служить творчество Марины Цветаевой и ее предшественницы Мирры (Марии) Лохвицкой (1869–1905), которую в начале века называли «русской Сафо», позже этого титула удостоилась и М. Цветаева. Основные их темы – воспевание любви, но не абстрактной, романтической, а роковой, страстной, плотской, чувственной: Я жажду знойных наслаждений, Нездешних ласк, бессмертных слов, Неопикуемых видений, Неповторяемых часов. Она поет о раскрепощенной любви, о любви-страдании: И если на тебе избрания печать, Но суждено тебе влачить ярмо рабыни, Неси свой крест с величием богини, – Умей страдать! Поэзия такого типа – это своего рода протест против традиционных взглядов на круг тем женской поэзии (тема христианской и романтической любви, семейного счастья, материнства). И если поэзия для М. Цветаевой «растет» из жизни, то жизнь М. Лохвицкой резко отличается от жизни ее лирических героинь: это здравомыслящая хозяйка дома и мать троих детей. В Брюсов заметил, что «поэт влечется к греху, но не как к должной цели, а именно как к нарушению правды, и этим создается поэзия истинного демонизма» (Брюсов, 1912). В поэтической картине мира образ женщины представлен чрезвычайно разнообразно; женщина – это цветок: Мне вспомнилась она, Подснежник увлечений И. Северянин Дж. Лакофф обнаружила несходства цветообозначений мужчин и женщин: у мужчин их значительно меньше. Наши наблюдения позволили дополнить эту мысль следующим: у женщины не только шире цветовой спектр, но употребляется больше обозначений экзотических названий цвета: «муар», «лазорь». Цветообозначения у женщин-поэтов гораздо чаще, чем у мужчин, превращаются в символы. Мужские цветообозначения конкретнее, заземленнее: цвет давленной клубники (Герцен «Записки одного молодого человека»; глаза, дерзкие и пестрые, цвета пчелы; шея цвета мумии; юбка цвета куропатки (Бунин); фрак на Собакевиче был совершенно медвежьего цвета (Гоголь). Думается, что все цветообозначения типа пепельный, медовый, изумрудный, сиреневый, вишневый, молочный, фисташковый, кофе с молоком, слоновой кости и т. п. придуманы мужчинами. А вошедшие в начале XIX в. в салонную речь названия типа цвет змеиной кожи, шляпка цвета потупленных глаз, чепчик цвета верных побед, косынка цвета новопривывших особ – типично женские обозначения. Конечно же, и у мужчин-писателей встречаются весьма разнообразные цветообозначения, но в большинстве своем они все же заземлены: «Продаются мужские костюмы. Фасон один... А цвета какие? О, огромный выбор цветов! Черный, черно-серый, серо-черный, черновато-серый, серовато-черный, грифельный, аспидный, наждачный, цвет передельного чугуна, коксовый цвет, торфяной, земляной, мусорный, цвет жмыха и тот цвет, который в старину называли "сон разбойника"» (Ильф и Петров); «Он был в несколько эстрадном пиджаке цвета кофе о-лэ, и брюках цвета шоколада о-лэ, и в ботинках цвета крем-брюле при винно-крас-ных носках» (В. Катаев. Святой колодец). А вот как использует цвет М. Цветаева. Ярко-желтый цвет в народе назывался лазоревым цветом. В поэме «Переулочки» лазорь символизирует райский, небесный соблазн: Лазорь, лазорь, Крутая гора! Лазорь, лазорь, Вторая земля! Зорь-Лазоревна, Синь-Ладановна, Лазорь-лазорь, Прохлада моя! Лазорь! М. Цветаева как бы играет лазорью, поворачивая слово разными своими гранями, не боясь, экспериментирует с цветом, превращая его то в символ крутой горы, то в символ земли, то в символ прохлады. В подражание фольклору возникают сложные названия типа Зорь-Лазоревна, Синь-Ладановна. В речевом поведении женщина ориентируется на «открытый социальный престиж», т.е. на общепризнанные нормы социального и речевого поведения, в то время как мужчина тяготеет к так называемому скрытому престижу – к отклонению от установленных норм и правил общения. Поэтому в целом речь женщины является более мягкой, бесконфликтной. Женщины менее категоричны в выражении и отстаивании мнений. Это делает их более подходящими для выполнения целого ряда функций в обществе. Осознание

этого факта обществом ведет к тому, что начинается переоценка явно заниженного социального статуса женщины. Женщина становится наконец полноправным партнером во всех делах, в жизни общества. Некоторые современные исследователи развитие государства ставят в зависимость от того, насколько было сохранено равновесие в нем мужского и женского начал. Влечение мужского и женского начал друг к другу – закон жизни Космоса. Неслучайно в апокрифах Климента Александрийского, ученика апостола Иоанна, на вопрос о том, когда придет Царствие небесное, Иисус отвечает: «Когда два будут одно и мужское будет женским и не будет ни мужского, ни женского» (Мережковский Д. Тайна трех). Поэтому вопрос о взаимоотношении полов должен стать важнейшим в культуре, его оборотная сторона – это падение нравов, с которого начинается гибель народов и цивилизаций (Содом и Гоморра).

Вопросы и задания:

1. Что такое языковая личность?
2. Какова структура языковой личности
3. Каковы компоненты входят в содержания языковой личности?
4. Что такое гендер в лингвокультурологии?
5. Познакомьтесь с текстами (см. приложение № 1) Проанализируйте тексты на предмет выявления особенностей индивидуальной картины мира, отраженных в них.

ЛЕКЦИЯ №11.

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В МИФЕ, В ФОЛЬКЛОРЕ, ФРАЗЕОЛОГИИ

План лекции:

1. Образ человека в мифе
2. Образ человека в фольклоре
3. Образ человека во фразеологии

Рекомендуемая литература

Основная литература

Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений/ В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – с. 5-12

Дополнительная литература:

. Кун, Н.Л. Легенды и мифы Древней Греции / Н.Л. Кун. - М.: Калининград: Янтарный сказ, 2006. - 544 с.

. Малые жанры русского фольклора: пословицы, поговорки, загадки / ред. В.Н. Морохин. - М.: Высшая школа, 1986. - 399 с.

1. Образ человека в мифе

Как известно, миф для первобытного человека являлся мир, существующий независимо от человека и его сознания. Таким же, как для нас факт, о том, что в сутках 24 часа. Человеку, и в голову, не приходило, является ли этот факт – правдой. Такие знания кажутся нам само собой разумеющимися. Одним из критериев мифа является анонимность произведения, для первобытного человека он вообще не являлся произведением. Миф – это истина. Массовая истинна. Миф – это состояние сознание, которого не испытывали по одиночке. Миф имел коллективный, массовый характер. Поодиночке, человек мог исказить массовое представление о мифе. Он мог создавать свои мифы, а не общепринятые, уходя от власти коллективного сознания. Уходить в места, отдаленные от человеческой жизни. Рассуждая о мифах, мы рассуждаем о бытие древнего человека, о его жизни, о его культуре. Мифы передавались из поколения в поколения, как и многие иные произведения. Переходя из поколения в поколение, миф видоизменялся,

каждое поколение вносило свои коррективы. Миф подвергался многим изменениям, что-то добавляли, что-то наоборот - убирали. Всё зависело от времени и места. Миф зарождался вместе с народом, вместе с его языком и традициями. Он как губка, впитывал все, что мог дать народ. Свой быт, язык, традиции, восприятие тех или иных вещей. Например, мудрость, любовь, красота.

Обратимся к словарю Ушакова, мы отметим, что слово «МИФ» греческого происхождения. МИФ, (греч. *mythos*) – это древнее народное сказание о богах или героях, о явлениях природы, а также является составной частью религиозного исповедания. Благодаря «мифам» мы можем изучать ментальность народов и их культуру. Понять, как был устроен быт нации, и как эта нация познавала мир вокруг себя.

Миф в данной работе подразумевает под собой рассказ о Богах и божественных «тварях», в которые народ верил и возможно, что до сих пор верит.

Разновидности мифов:

-Космогонические и антропогонические мифы.

-Эсхатологические и календарные мифы.

-Героические мифы.

-Мифы о животных.

-Культовые мифы.

-Астральные мифы.

Частью космогонических мифов являются мифы антропогонические — о происхождении человека, первых людей, или племенных предков (племя в мифах часто отождествляется с «настоящими людьми», с человечеством).

К первому мифическому поколению людей относят человекоподобные существа огромных размеров – великанов.

-Титаны, гиганты, циклопы в античной мифологии

- Нефилим (исполины) — библейские персонажи.

- Фоморы в кельтской мифологии

-Богатыри в славянской мифологии

-Яркие представители человека со сверхвозможностями – герои в первую очередь греческой и римской мифологии.

Геракл, Кастор и Полидевк.

Сюжеты с вышеперечисленными мифологическими образами пользуются колоссальной популярностью в литературе, музыке, архитектуре, в изобразительном искусстве.

Для более понятного восприятия, возьмем для примера подвиги Персея. Персей – это античный герой древнегреческой мифологии. Так кто же такой Персей, часть сказки или миф?

Вопрос изначально, заставляет выставить такую цепочку. Персей был сыном Зевса, а значит, он был одним из божественных существ. Следовательно, древние люди, которые верили в существование Богов Олимпа, также считали Персея божеством и поклонялись ему. Из этого выходит, что подвиги Персея – это не волшебные сказки, а реальный миф.

Разобрав вопрос, «что такое миф», мы не можем не упомянуть о функциях мифа.

Социальная функция, которой придерживался Платон, была идеальным способом внушения массам способом воспитания личности, должна учить основам поведения в обществе. Платон, считал, что только философы могут разумно познавать общество, массам же необходимы мифы. Особенные мифы, которые побуждали бы людей к добру. Эта функция выполняет такие задачи как закрепление культурных ценностей общества, а также обеспечивает единство народной массы. Одной из важнейшей функцией мифа является – коммуникативная. Коммуникативная функция мифа выполняет «транзакцию» между старшим поколением и новым поколением, передавая свои традиции с помощью мифа. Эта функция – одна из важных, потому что она связывает поколения, дабы передать очень важную информацию.

Мифологическая картина мира непостижима и противоречива по своей природе. Основания для доверия, заключается в эмоциональности этой картины мира.

Идентификационная функция создает особую связь между мифом и человеком. Человек отождествляет себя с персонажами из мифологии, с их героическими подвигами и характеристиками.

Миф представляет собой необычное, многогранное культурное наследие народа. Но при анализе составляющих мифа, возник вопрос о возникновении мифа. Обычно миф создавался стихийно, на основе накопленного опыта поколений народа. Теорию создания мифа предложил однажды немецкий филолог Макс Мюллер. Он предполагал, что миф возник на основе древнего языка,

языковых особенностях. Теория Мюллера подразумевает, что миф является некой «заразой», для человека и его языка. Она появляется из-за разрыва связей между предметами и явлениями. У этой гипотезы появились как сторонники, так и противники, такие как А. Потебня. Противники данной гипотезы считали, что язык и миф — это единое целое. Миф заключает в себе множество выразительных средств.

Рассмотрев одну из теорий возникновения мифа, перейдем к исследованию образа человека в мифологии. Из выше проанализированного материалы, мы выяснили, что в мифе антропоцентризм играет главную роль. Образ человека в мифах проявляется как образ героя или же самого Бога. Но в каждом мифе есть антигерой, с которым борется мифологический персонаж. В древнегреческой мифологии это может быть Медуза Горгона, в древнеиранской мифологии — это Ахриман, глава злых сил и смерти и прочие.

Также стоит отметить, что большинство мифов имеет одну и ту же форму. Есть главный персонаж и антигерой. Все испытания для человека посылаются Богами. Чаще всего в мифах древней Греции можно отметить, что человек — это родоначальник, и он существует только в обществе.

Исходя из данного исследование, миф — это является одним из элементов культурного наследия страны. Миф вместил в себя быт, природу и всю душу нации. Благодаря помощи мифологии, традиции различных народов еще остаются живы и передаются от старшего поколения к младшему.

2. Образ человека в народном творчестве

Слово «фольклор» - научный термин английского происхождения, дословный перевод которого обозначает «народная мудрость». Впервые был употреблен английским ученым Вильямом Томсом в 1846 году и довольно быстро приобрел популярность в других странах, а чуть позже приобрел межнациональный характер.

Термин «фольклор» обозначает материал, будь то былины или частушки, а термин «фольклористика», используется для обозначения науки в целом, которая изучает этот материал.

Особенности фольклора

1. Традиционность.

Как уже ранее говорилось, фольклор — это массовое народное творчество. Одна из главных особенностей фольклора — это его анонимность. Многочисленные частушки, сказки, былины не имели автора. Их автором были люди, народ. Произведения создавались по уже известным и заезженным образцам. Например, в народных сказках, можно отметить одно и то же начало или окончание произведения: «Жили-были...», или «пир на весь мир». Следует отметить многочисленное употребление метафор, символов имеющих в любом сюжете произведения. А также образы персонажей, характерные качества как добро и зло, уважение и хамство, повторялись из истории в историю. Задача заключалась в том, чтобы это «наследие» учило добро, правилам поведения, уважению.

Одной из главных ролей в фольклоре играет единство. К сожалению, всё созданное не всегда сохранялось в устном бытовании. Многократные повторения былин, песен, пословиц переходили из уст в уста. Рассказчик, будучи сказочником (человек рассказывающий сказки) или песельником (исполнитель песен), стремились передать в таком виде, следующему поколению свои традиции. Развитие фольклора это поколение должно не просто копировать труды в различных его видах, но и добавлять что-то новое, чтобы обогатить культуру народа.

Примечательным еще был тот факт, что народное творчество было особенным. Фольклор центральной России явно отличался от народного искусства Сибири, но их не возможно было разлучить. Здесь, в устном народном творчестве воплощена ментальность людей, их склад души. Между народами возникала особая фольклорная связь, которое пополняло национальное достояние страны. Русский фольклор взаимодействует с Кавказским, с Прибалтийским или Поволжским и другими фольклорами.

2. Синкретизм.

Следующей особенностью фольклора является «синкретизм». Синкретизм (от греч. соединение) т.е. это особая связь между народным творчеством и элементами других художественных компонентов. Фольклор тесно связан с актерским мастерством (телодвижения, мимика, выражение эмоций) в исполнении всех видов фольклора (например, рассказывание былин, осуществление свадебных обрядов, хороводных или других играх и т.д.).

Из чего следует, что и фольклористика соприкасается и взаимодействует с такими видами искусств как хореография, театральным мастерством или музыкой.

3. Вариативность.

Некоторые ученые пытаются обосновать теорию о фольклоре тем, что фольклорные произведения не имеют устойчивого текста, так как устная форма передачи делала их более гибкими для изменений, а также они имели вариативную форму сказания. Следовательно, при многократном воспроизведении фольклорного творчества, любой последующий вариант сказаний отличался от других, рассказанных или спетых. Большая часть народов, все равно стремилась сохранить свое истинное «слово».

Народное фольклорное творчество имело общенациональный характер, но каждый народ, ввиду своего склада души и ментальности, имел свою «изюминку», которая бы выделялась среди других.

4. Импровизация.

Вариативность естественно, играет большую роль, но не стоит упускать из виду, что в любом исполнении песни или былины всегда присутствует импровизация. Какой бы памятью не обладал рассказчик, при повторном исполнении произведения, он привносил бы что-то новое. Расширит или наоборот сократит текст, что-то добавит, что-то уберет. Много зависит от самого рассказчика и его настроение, а также предпочтения слушателей и их состав. Устное творчество имело свои жанровые правила. Жанр контролировал то или иное изменение текста, и устанавливал особые ограничения. Импровизация в разных жанрах проявлялась по-своему.

Разновидности:

- Былины
- Былички
- Бывальщины
- Небылицы
- Сказки
- Пословицы и поговорки
- Песни
- Частушки

Русская народная песня - основной вид музыкального творчества русского народа. Тесно связанная с жизнью и бытом, передаваемая устно от поколения к поколению, она шлифуется в процессе исполнения.

Вся жизнь человека связана с трудом. Эта тема нашла широкое отражение в русских народных песнях, которые отражали трудолюбие, силу, упорство человека.

*Тянем с лесом судно, иль железо куем,
Иль в Сибири руду добываем,
С мукой, с болью в груди одну песню поем,
Про дубину мы в ней вспоминаем.
(«Дубинушка»)*

Лирические песни составляют самую большую группу народных песен. Они отличаются богатством и разнообразием музыкального языка, раскрывают душевное состояние человека, его переживания, чувства, настроения. («Лучинушка», «Ой, да ты, калинушка», «Уж вы, мои ветры», « Не одна во поле дороженька пролегла»)

В русских народных сказках добро всегда побеждает зло. Положительным героем в русской сказке может быть, как и простой крестьянин, так и царевич.

Богатырь – один из наиболее распространенных положительных героев русских народных сказок. Богатыря отличают такие положительные качества, как стойкость, мужество, добродушие, недюжинная физическая сила. Пожалуй, самым запоминающимся образом русского богатыря, можно назвать образ Ильи Муромца, так же пришедший в сказки из былин. Илья Муромец, как правило, не только объединяет в себе все известные положительные качества, но и выступает народным защитником. В образе Алеши Поповича отражена вся широта и многогранность души русского человека: этот богатырь описывается не только как носитель всех положительных морально-этических качеств, но и как человек, обладающий недюжинной смекалкой, хитростью и блестящим умом.

Иван-царевич – один из самых популярных сказочных персонажей, олицетворяющий собой благородство и добрые душевные качества.

Еще одним любимым образом сказочных героев является Иванушка - дурачок.

Важно заметить, что дурак – не характеристика его умственных способностей, а происхождение: в старину так назывался младший сын в семье. Образ Иванушки раскрывает такие положительные качества, как ум, смекалка, оптимизм, храбрость.

Русские сказки богаты и положительными женскими образами, так называемым типом Чудесной невесты. Эти героини наделены особой женской мудростью и хитростью и обладают волшебными умениями. Этому образу соответствует Василиса Прекрасная и Царевна-Лягушка.

Пословица несёт в себе некий нравственный закон, безусловный для любого человека. Её действие распространяется не на определенное событие, а на весь срок человеческого существования.

Обращает на себя внимание огромное количество пословиц и поговорок, которые посвящены правде и справедливости:

«Все пройдет, только правда останется»

«На правду цены нет»

«Правда дороже золота»

«Правда светлее солнца»

«Хлеб – соль ешь, а правду режь»

«Правда в огне не горит и в воде не тонет»

Достаточно много пословиц посвященных терпению:

«Терпение и труд все перетрут»

«Вода камень точит»

«Где уменье, а где терпенье»

«На хотенье есть терпенье»

Следующие пословицы отражают гостеприимство:

«Хоть не богат, а гостям рад»

«Для дорогого гостя и ворота настежь»

«Гость на порог—счастье в дом»

«Гость на гость — хозяину радость»

«Что есть в печи, все на стол мечи»

«Милости просим к нашему хлебу и соли»

«Чем богаты, тем и рады»

«Красному гостю — красное место»

Есть также пословицы и поговорки, характеризующие человека с отрицательной стороны:

«Один пахнет, семеро руками не машут»

«Работа не волк, в лес не убежит»

Сюда же можно отнести присказку

«Сидеть на печке, плевать в потолок».

3. Образ человека во фразеологизмах

Помимо отдельных слов с самостоятельными значениями, из которых состоит наша речь, в русском языке существуют более сложные языковые единицы. Такими являются фразеологизмы, выражающие наши мысли более образно и эмоционально, при этом имеющий неповторимый след национального колорита. Уместно употребленные фразеологизма оживляют и украшают как устную речь, так и литературные произведения.

По М. И. Фоминой, «Фразеологизм - основная единица современной фразеологической системы, единица сложная, многоаспектная, трудно выделяемая из общего числа слов, а тем более словосочетаний, и поэтому трудноопределимая». Многоаспектность и сложность в определении - вот основные черты фразеологической единицы, на которые нам указывает М. И. Фомина.

Фразеологизмы, – ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа, в них, как на фотографиях запечатлена своя история, свои мифы, легенды и обычаи.

Говоря о фразеологизмах, как о языковых единицах, их история началась много веков назад. Из поколения в поколение, так называемые «крылатые фразы» употреблялись в речи по всему миру. Довольно широко на Руси использовались фразеологизмы и другие реликтовые выражения со словом перст (часть руки): указующий перст, перст судьбы, ни единым перстом не прикоснуться. И хотя слово «перст» находится на периферии человеческой коммуникации, в сознании носителей языка за ним закрепляются устойчивые ассоциации, которые поддерживаются культурно-значимыми текстами: религиозными, поэтическими, философскими.

Ноги у язычников-славян считались принадлежностью демонов: сам черт ногу сломит (о захлавленном месте), как левая нога хочет (неизвестно как, как попало), встать с левой ноги (иметь плохое настроение), здесь лексема «левый» имеет отношение к дьяволу; земля горит под ногами (об опасном месте), почва колеблется под ногами (о неуверенном, угрожающем положении), отрясти прах со своих ног (забыть) и др. Почти все русские и белорусские фразеологизмы с компонентом «нога» имеют негативную окраску.

Все черты и демоны в представлении русских были хромыми; в русских сказках они были беспятными; у лешего в облике медведя нога липовая; плохие ноги также у всех мифологических персонажей, которые рождены землей.

Фразеологизмы брать ноги в руки (быстро убежать), в ногах валяться (униженно просить о чем-либо), унести ноги (уйти от опасности), ноги не будет (угроза не приходиться); поговорка в ногах правды нет (приглашение сесть) и другие выражения тоже имеют негативную коннотацию, что связано с архетипом «ноги = принадлежность дьявола». С этим архетипом связаны многочисленные выражения, в которых нога прямо не называется, а употребляются слова, ассоциативно или функционально с нею связанные: след, ступать, путь, дорога. Так, человек, преступивший закон, как бы сошедший с правильного пути, — это не только преступник, но и непутевый, беспутный, заблуждающийся. Фразеологизм перейти кому-то дорогу означает «повредить кому-то, загородить путь к достижению цели».

Несмотря на малочисленность фразеологизмов с компонентом спина, они важны для русского менталитета, ибо с ними связано, во-первых, понятие тяжелого, непосильного труда - гнуть спину, ломать спину (хребет, горб), а во-вторых, спина — это надежная защита, отсюда - за широкой спиной.

С такой частью человеческого тела, как пуп, известно немного фразеологизмов, важнейший из которых пуп земли. Но в мифологии пупу отводится особая роль, вероятно, потому что через пуповину ребенок связан с матерью, питается через нее, т.е. это важнейший для маленького человека орган. Существенна также и другая причина: пуп - центр живота, а понятие центра во всех мифологиях и религиях - главное понятие.

С частями человеческого тела связано понятие одежды, многие слова, обозначающие одежду, явились главным компонентом при образовании таких фразеологизмов, как родиться в рубашке, сорочке (о счастливом человеке), остаться без рубашки (об обедневшем человеке). По мнению А. А. Потемни, в основе их семантики лежит миф: чепец и сорочка - обереги у славян. Кроме того, родиться в сорочке означает необычное рождение, а, согласно исследованиям

В. Проппа, мотив чудесного рождения есть признак героя. Фразеологизмы ломать шапку (унижаться), тришкин кафтан (неподходящая одежда) своей семантикой также связаны с иной функцией одежды, мешающей свободному движению тела, что сформировало негативное значение у большинства фразеологизмов, одним из компонентов которых было наименование одежды.

Итак, мы видим, что фразеологизмы-семитизмы в большинстве своем (кроме головы) несут в себе негативные коннотации, употребляются с неодобрением, пренебрежением, презрением. Вероятно, потому что все части тела человека в мифологии были принадлежностью демонов, дьявола, нечистой силы.

Вопросы и задания:

1. Назовите несколько фразеологизмов с компонентом «голова» и столько же с компонентом «ноги». Чем объясняется резко противоположная оценка (позитивная инегативная) этих ФЕ?
2. Какие мифологемы лежат в основе фразеологизмов с компонентами «душа» и «сердце»? Приведите примеры

ЛЕКЦИЯ №12.

КУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ КАК ФЕНОМЕН ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

План лекции:

- 1 Концепты как опорные элементы лингвокультуры. Различие между «концептом» и «понятием», «концептом» и «значением», «концептом» и «словом».
2. Методика концептуального анализа .
3. Безэквивалентная лексика и лакуны как обозначение специфических явлений культуры.
4. Концепт в методике преподавания русского языка как иностранного.

Рекомендуемая литература

Основная литература

- Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие Флинта, Наука; Москва; 2010
- Зиновьева Е. И. Лингвокультурология: от теории к практике. - Учебник. — СПб. СПбГУ; Нестор-История, 2016. — 182с.
- Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие. М.: Академия, 2001.

Дополнительная литература:

- .Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность: Антология / Под общ. ред. проф. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
- .Алефиренко, Н. Ф. Проблемы вербализации концепта / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 95 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.
- Цервадзе М.Г. О некоторых приемах работы с концептом на занятиях РКИ / Нгучный журнал «Вестник магистратуры» (ISSN 2223-4047), № 11, 2020г. Йошкар-Ола С. 50- 36

1. Концепты как опорные элементы лингвокультуры. Различие между «концептом» и «понятием», «концептом» и «значением», «концептом» и «словом».

Понятие «концепт», введенное в лингвистику Д.С. Лихачевым, обозначает «сгусток культуры в сознании человека», «пучок представлений», знаний, ассоциаций, переживаний, сопровождающих слово.

Концепт в понимании воронежской научной школы проф. З.Д. Поповой и И.А. Стернина – это глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант знания. Концепты, как основные ячейки культуры в ментальном мире человека, могут быть использованы как опорные элементы для сопоставления менталитетов, а также культурных и ценностных доминант, которые в силу своей неуловимости, подвижности и расплывчатости с трудом поддаются анализу.

Концепты идеальны и кодируются в сознании единицами универсального предметного кода, в основе которых лежат идеальные чувственные образы, формирующиеся на базе личного чувственного опыта человека. Образы конкретны, однако они могут абстрагироваться и из чувственного превращаться в образ мыслительный. Многие концепты сохраняют свою чувственную природу, например, концепты – кислый, сладкий, гладкий, окуроч, яма, ложка, стол, стул и под. У концепта, в отличие от понятия, нет четкой структуры, жесткой последовательности и взаиморасположения слоев.

Концептосфера – это чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, обобщающих разнообразие признаки внешнего мира для носителей этноса.

Необходимо различать понятия концептосфера и семантическое пространство языка.

Семантическое пространство языка – это та часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков. Вся совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка, образует семантическое пространство данного языка.

По содержанию концепты подразделяются следующим образом: 1) представление (мыслительная картинка) – яблоко, груша, холод, красный, шершавый, жара и др.; 2) схема – концепт, представленный некоторой обобщенной пространственно-географической или контурной схемой: схематический образ человека, дерева и т.п.; 3) понятие – концепт, который состоит из наиболее общих, существенных признаков предмета или явления, результат из рационального отражения и осмысления: квадрат – прямоугольник с равными сторонами; 4) фрейм – мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность: магазин, стадион, больница и др.; 5) сценарий – последовательность эпизодов во времени: посещение ресторана, поездка в другой город, драка, экскурсия; 6) гештальт – комплексная, целостная функциональная структура, упорядочивающая многообразие отдельных явлений в сознании: школа, любовь и др.

Концепт и слово. Концептуальные признаки выявляются через семантику языка. Значения слов, фразеосочетаний, схем предложений, текстов служат источником знаний о содержании тех или иных концептов. Концепты репрезентируются словами, однако вся совокупность речевых средств не дает полной картины концепта. Слово представляет лишь часть концепта, отсюда необходимость синонимии слова, потребность в текстах, совокупно раскрывающих содержимое концепта. «Муки слова», черновики, редактирование – следствие ограниченности языковых средств для вербализации концепта.

Концепты обладают национальной спецификой. Национальная концептосфера – это совокупность категоризованных, обработанных, стандартизованных концептов в сознании народа. Ряд концептов присущ одному этносу, а потому возможна безэквивалентная лексика (например, смекалка, быт, очередник, земляк и др.). Однако значительная часть концептосфер различных этносов совпадает, чем объясняется возможность перевода с одного языка на другой.

Когда концепт получает языковое выражение, то те языковые средства, которые использованы для этого, выступают как средства вербализации, концепта. Концепты реализуются с помощью лексем. В итоге возникает языковая картина мира. Концептуальная и языковая картины мира соотносятся и являются этнически специфичными. Национальное своеобразие представлено в наличии/отсутствии тех или иных концептов, их ценностной иерархии, системе связей.

Произнесенное или написанное слово является средством доступа к концептуальному знанию, и, получив через слово этот доступ, мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, данным словом непосредственно не названные. Слово, как и любая номинация – это ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности. Таким образом, языковые средства необходимы не для существования, а для сообщения концепта.

Концепт и значение. Концепт – это единица концептосферы, информационной базы человека; значение – единица семантического пространства языка. Значение своими системными семемами (компонентами значения) передает определенные признаки, образующие концепт, но это всегда лишь часть информационного содержания концепта. Для полной экспликации концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит – многие значения.

Способность концептов разрастаться и обогащаться за счет индивидуального эмоционального и культурного опыта носителей языка обуславливает их эластичность, неустойчивость и подвижность. Динамический характер концептов создает возможности для поиска компромиссов между носителями разных лингвокультур.

Средства вербализации концептов

Концепт как единица концептосферы может иметь словесное выражение, но может и не иметь его. Возникает, таким образом, проблема вербализации концептов. Современные экспериментальные исследования показывают, что механизмы мышления и механизмы вербализации – разные механизмы и осуществляются на разной нейролингвистической основе [Попова, Стернин 2002:14]

Когда концепт получает языковое выражение, то те языковые средства, которые для этого использованы, выступают как средства вербализации, объективации в языке, языковой репрезентации, языкового представления концепта.

Концепт объективируется в языке:

1) готовыми лексемами и фразеосочетаниями из состава лексикофразеологической системы языка, имеющими «подходящие к случаю» семемы или отдельные семы разного ранга (архисемы, дифференциальные семы, периферийные семы (потенциальные, скрытые);

- 2) свободными словосочетаниями;
- 3) структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции (синтаксические концепты);
- 4) текстами и совокупностями текстов (при необходимости экспликации или обсуждении содержания сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов).

Языковой знак представляет концепт в языке, в общении. Слово представляет концепт не полностью – оно своим значением передает несколько основных концептуальных признаков, релевантных для сообщения. Слово является средством доступа к концептуальному знанию, и, получив через слово этот доступ, носитель языка может подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, данным словом непосредственно не названные (существующие в значении как периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы). Слово, таким образом, как и любая номинация – это ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу ментального поля и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности. Языковой знак можно также уподобить «включительно» - он включает концепт в нашем сознании, активизируя его в целом и «запуская» его в процесс мышления.

Таким образом, применительно к выраженности концептов языковыми единицами, можно говорить о двух случаях:

- 1) номинированы концепты – имеющие стандартное общеизвестное языковое выражение (словом или фразеосочетанием);
- 2) неноминированные концепты – не имеющие стандартного общеизвестного языкового выражения.

Анализ репрезентации одного и того же концепта в разных языках позволяет выявить национальную специфику языковых систем, проявляющуюся в разных способах репрезентации одной и той же мыслительной единицы, в степени подробности или обобщенности репрезентации концепта в разных языках, в количестве и наборе лексем, фразеосочетаний, репрезентирующих концепт, в уровне абстракции, на котором концепт представлен в том или ином языке.

Итак, языковые средства необходимы не для существования, а для сообщения концепта. Слова, другие готовые языковые единицы в системе языка есть для тех концептов, которые обладают коммуникативной релевантностью, т.е. необходимы для общения, часто используются в информационном обмене. Очень многие концепты не имеют системных языковых средств выражения, так как обслуживают сферу индивидуального мышления и не предназначены для обслуживания [Попова, Стернин 2002:16].

2. Методика концептуального анализа

Когнитивная лингвистика как самостоятельная область современной лингвистической науки, выделилась из когнитивной науки. При этом отличие когнитивной лингвистике от других когнитивных наук заключается именно в ее материале - она исследует сознание на материале языка (другие когнитивные науки исследуют сознание на своем материале), а также в ее методах – она исследует концепты и когнитивные процессы, делает выводы о типах и содержании концептов в сознании человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования.

Лингвистические методы, используемые для описания лексической и грамматической семантики языковых единиц, становятся методами лингвокогнитивного исследования. Когнитивная лингвистика исследует семантику единиц, репрезентирующих в языке тот или иной концепт.

В настоящий момент не существует четко разработанной методики исследования структуры и содержания концептов. Исследователи предлагают различные приемы изучения концептов. На современном этапе когнитивная лингвистика использует два основных подхода в методике лингвокогнитивного анализа. Первый подход – логический «от смысла к языку» - предполагает, что исследование начинается с некоторого выбранного концепта, подбираются все возможные языковые средства его выражения, которые затем анализируются. Второй подход – семантико-когнитивный «от языка к смыслу» - предполагает. Что исследование начинается с некоего ключевого слова, к которому подбираются разнообразные контексты его употребления.

Оба подхода имеют свою ценность и дополняют друг друга. Во многих исследованиях используются два подхода одновременно.

При анализе всей совокупности языковых средств выражения концепта, а также текстов, в которых раскрывается содержание концепта, исследователь может получить представление о содержании концепта в сознании носителей языка. Данное представление нельзя считать полным, это всегда будет лишь часть этого концепта, так как никакой концепт не выражается в речи полностью.

При анализе структуры концепта исследованию подлежит как ядро, так и периферия концепта. Ядро концепта – это кодирующий образ УПК и базовый слой (совокупность когнитивных слоев и когнитивных сегментов в совокупности образующих их когнитивных признаков). Периферию концепта составляет его интерпретационное поле. В процессе описания структуры концепта важно дифференцировать его компоненты, поскольку их статус и роль в структуре сознания и в процессах мышления различны [Попова, Стернин 2001].

Перечислим основные методы и приемы, используемые в лингвоконцептологии.

1. Этимологический анализ лексемы.

Обращение к этимологическим справкам, раскрывающими процесс развития и становления семантемы исследуемой лексемы, дает понять последовательность становления семантических признаков лексемы, особенно в тех случаях, когда в ходе исторических изменений в семантике какие-то звенья развития семантемы выпали и в современном ее употреблении не фиксируются.

В этом же аспекте полезно рассмотрение социальных причин появления новых семем, несущих новые семантические признаки лексемы, репрезентирующей в языке развивающийся концепт.

Важным моментом является определение статуса той или иной семемы в составе семантемы, выявление компонентов семемы (сем) и их иерархии.

2. Анализ словарных дефиниций.

Анализ словарных дефиниций позволяет построить и затем проанализировать семантемы лексем. Данный метод представляет собой анализ современных словарных толкований ключевого слова по возможно большему числу словарей. Из толкований делается выборка всех возможных характеристик содержания исследуемого слова [Гончарова 1999; Ипполитов 2000 и др.].

Для построения семантемы исследуемого слова необходимо выявить все семемы, которые несет данная лексема.

3. Анализ художественных и публицистических текстов.

Анализ текстов позволяет выявить такие признаки, которые приобрели в составе концепта символическое значение.

Интерпретационным полем концептов служат и произведения тех писателей, поэтов, публицистов, которые в силу своего таланта сумели с наибольшей полнотой и выразительностью охарактеризовать те или иные национальные концепты, отразив их общенародные когнитивные признаки, привнесенные в концепт автором текста.

Таким образом, существующие в сознании носителей языка мыслительное содержание, связанное с определенным звуковым комплексом, может испытывать глубокое воздействие творческих личностей, что, в свою очередь, дает импульс для эволюции этого содержания в сознании народа. Если эти изменения принимаются, перерабатываются, усваиваются коллективным сознанием, возникает почва для формирования нового (в данном случае символического) значения слова, а изменения в значении ведут к модификации соответствующего концепта как единицы национальной концептосферы.

4. Метод построения лексико – семантического поля.

Значительно обогащает состав когнитивных признаков концепта построение лексико – семантического поля его ключевого слова. Этот метод предполагает подбор синонимов, антонимов ключевого слова, определение его гиперонимов и согипонимов. Из этих элементов образуется, как известно, ядро поля. К ядру примыкает обширная периферия поля, в которой могут различаться ближняя, дальняя и крайняя периферия.

Ядро поля составляют лексемы с высокой частотностью, наиболее общие по значению, используемые в прямом значении, стилистически нейтральные, без эмоционально – экспрессивных и темпоральных ограничений и в минимальной степени зависящие от контекста. В ядре выделяется центр. Частотность лексем, входящих в центр ядра, намного превышает частотность других единиц.

Основными признаками лексем, относящихся к ближней периферии, являются меньшая по сравнению с ядром частотность, стилистическая нейтральность, отсутствие ограничений в употреблении, минимальная зависимость от контекста.

Дальняя периферия включает в себя языковые единицы с невысокой частотностью, как однозначные, так и многозначные. В эту группу слов, в отличие от предыдущих групп, входят преимущественно лексемы со стилистическими и эмоционально – экспрессивными ограничениями.

Единицы крайней периферии характеризуются низкой частотностью. Большинство слов имеют яркие стилистические и эмоционально – экспрессивные семы. К крайней периферии относятся устаревшие слова, поскольку они малоупотребительны или же употребляются не в основном значении. К данной группе слов относятся также лексемы, которые в основном значении входят в другую лексико – семантическую группировку, а данное значение является периферийным в их смысловой структуре.

5. Методика компонентного анализа.

Используется для выделения сем в значениях слов в лингвистике. Прием заключается в выделении дифференциальных и интегральных сем в значениях слов путем их попарного сопоставления внутри группы близких по значению слов.

Компонентный анализ может проводиться в двух формах – минимальной и полной.

При минимальном компонентном анализе ставится цель разграничить значения небольшой группы семантически близких слов. Проводится минимальный компонентный анализ обычно без обращения к словарям, путем интуитивного анализа значений, хотя использование словарей, конечно, не исключается.

Цель минимального компонентного анализа – разграничить сравниваемые слова по значению.

Полный компонентный анализ значения имеет целью выявить все компоненты значений сравниваемых слов. Он используется преимущественно при анализе большой группы слов.

Все перечисленные методы и приемы позволяют выявить содержание исследуемых лексем.

Завершающим этапом лингвокогнитивного исследования является когнитивная интерпретация полученных лингвистических результатов, которая предполагает моделирование структуры концепта по результатам описания средств его языковой объективации.

Результатами когнитивной интерпретации являются описание структуры концепта, т.е. когнитивных слоев, вычлениющихся в них когнитивных секторов и образующих их когнитивных признаков; ядерно-периферийное упорядочение слоев концепта; описание интерпретационного поля как совокупности концептуальных (ментальных и оценочных) стереотипов, утверждений, вытекающих из понимания и интерпретации концепта сознанием народа.

2. Методика исследования структуры концепта. /по Стернину/

В современной лингвистике существуют различные точки зрения на структуру концепта. З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают, что «структуризация концепта, его неоднородность стали очевидны исследователям с самого начала когнитивных исследований» [Попова, Стернин, 2007: 74].

Авторы считают, что концепты внутренне организованы по полювому принципу и предлагают следующую модель концепта: **ядром концепта** является чувственный **базовый образ**, выступающий как кодифицирующий образ универсального предметного кода. Этот образ принадлежит бытийному слою сознания и, как показывают некоторые наблюдения, имеет операционный или предметный характер, базируясь на биодинамической и чувственной ткани сознания. Базовый образ окружен конкретно-чувственным по своему происхождению когнитивным слоем, отражающим чувственно-воспринимаемые свойства, признаки предмета. Этот слой вместе с базовым относится к бытийному слою сознания. Далее в структуре концепта (хотя и не у всех концептов) выделяются более абстрактные слои, отражающие некий этап осмысления бытийных признаков и относящиеся к рефлексивному слою сознания. **Энциклопедическое поле** концепта включает в себя когнитивные признаки, приобретенные носителями языка в ходе получения индивидуального жизненного опыта, категориальные и дифференциальные. В нем различают несколько зон: *описательную*, *мифологическую* и др. И, наконец, **интерпретационное поле** концепта, включающее оценку содержания концепта (*оценочная зона*), интерпретирующее отдельные когнитивные признаки и формирующие для национального сознания вытекающие из содержания концепта рекомендации по поведению и осмыслению действительности (*утилитарная* и *регулятивная* зоны), может быть связано с духовным уровнем сознания, который предполагает в широком смысле оценку концепта с точки зрения его ценности для нации. В отдельных концептах выделяется также *символическая зона*.

Кроме того, в структуре концепта (в **ассоциативном поле**, построенном по данным психолингвистического эксперимента) выделяются **когнитивные слои**: исторический, современный, вероятностный и др. [Попова, Стернин, 2001: 8-15].

Итак, **лингвистическая концептология** использует понятие концепта как «обозначение моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, единицы моделирования и описания национальной концептосферы. [Попова, Стернин, 2007: 7].

Понятие концептосферы как совокупности концептов национального языка, или группы людей, семьи или отдельной личности было введено Д.С. Лихачевым [Лихачев, 1997, стр. 282].

В.А. Маслова ключевыми концептами культуры называет обусловленные ею ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом. К ключевым концептам культуры относятся такие абстрактные имена, как *совесть, судьба, воля, доля, грех, закон, свобода, интеллигенция, родина* и т.п. [Маслова, 2001:51].

В настоящее время разработано несколько методик описания концептов.

Наиболее распространенной является методика концептуального анализа, представленная в работах Воронежской научной школы и описанная в работах З.Д. Поповой и И.А. Стернина. Метод исследования концепта в лингвистической концептологии заключается в анализе языковых средств, репрезентирующих исследуемый концепт в языке (т.н. **номинативное поле концепта**), к которым относятся как прямые номинации, так и косвенные: производные, синонимические, фразеологические, метафорические, паремийные и т.п., включая различные тексты – специальные, публицистические, художественные, и когнитивной интерпретации результатов семантического исследования. Результатом лингвокогнитивного описания является моделирование содержания исследуемого концепта в национальной (социальной, возрастной, гендерной, профессиональной т.д.) концептосфере [Попова, Стернин, 2007, стр.8]. Исследователи считают, что «семантико-когнитивный подход в лингвокогнитивных исследованиях свидетельствует, что путь исследования «от языка к концепту» наиболее надежен и что анализ языковых средств позволяет наиболее простым и эффективным способом выявить признаки концептов и моделировать концепт» [Попова, Стернин, 2007:7].

При анализе структуры концепта исследованию подлежит выявить как ядро, так и периферию концепта.

Ядро концепта – это кодирующий **образ** универсального предметного кода (перцептивный и когнитивный, метафорический) и базовый слой (совокупность когнитивных слоев и когнитивных сегментов в совокупности образующих их когнитивных признаков). Это т.н. **информационное содержание концепта**.

Периферию концепта составляет его **интерпретационное поле**. В него включаются когнитивные признаки, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное информационное содержание концепта, вытекают из него либо оценивают его. В нем выделяется несколько **зон** (таких участков интерпретационного поля, которые обладают определенным внутренним содержательным единством и объединяют близкие по содержанию когнитивные признаки): **энциклопедическая зона** (денотативные признаки), **оценочная зона** (эмоционально-оценочные признаки), **утилитарная зона** (прагматическая), **регулятивная зона** (признаки «необходимости»), **социально-культурная** (национально-культурные признаки, обусловленные традициями и обычаями культуры народа), паремиологическая зона (совокупность когнитивных признаков, объективируемых пословицами, поговорками, афоризмами).

В процессе описания структуры концепта важно дифференцировать его компоненты, поскольку их статус и роль в структуре сознания и процессах мышления различны [Попова, Стернин, 2001, стр.56].

Образ и информационное содержание концепта представляют его информационный каркас, который имеет относительно структурированный характер.

Интерпретационное поле – это наименее структурированная часть концепта, она может быть описана как перечисление признаков.

В методике описания концепта важно разграничивать понятия **содержание концепта** и **структура концепта**.

Содержание концепта образовано когнитивными признаками, внутренне упорядочено по полемому принципу (ядро, периферия) и описывается как совокупность этих признаков.

Структура концепта включает образующие концепта базовые структурные компоненты: чувственный образ, информационное содержание, интерпретационное поле и описывается как

совокупность когнитивных признаков, принадлежащих каждому из указанных компонентов структуры концепта.

Исследователь в описании концепта может ограничиться только содержанием концепта или только структурой, или описать то и другое, но важно не смешивать эти понятия, т.к. они требуют разных приемов описания.

В своей работе мы будем опираться на представленную выше методику анализа концепта (З.Д. Поповой и И.А. Стернина), а именно:

- 1) построение **номинативного поля исследуемого концепта** – т.е. установление и описание совокупности языковых средств, номинирующих концепт и его отдельные признаки;
 - а) анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле;
 - б) Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу;
 - в) Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков;
 - г) Моделирование концепта;
 - д) Общие выводы об особенностях исследуемого концепта;
- 2) определение **информационного содержания** концепта, т.е. анализ словарных дефиниций и компонентный анализ семантики слов – репрезентантов концепта;
- 3) определение **интерпретационного поля**, т.е. выявление дополнительных компонентов содержания концепта с помощью анализа парадигматических, синтагматических и деривационных связей; анализа фразеологических единиц и паремий; контекстуального анализа художественных текстов;
- 4) общие выводы.

3. Безэквивалентная лексика и лакуны как обозначение специфических явлений культуры

При сопоставлении лексического состава языка часто используется термин «безэквивалентная лексика» и «лакуна». Лакуны – это термин, используемый для того, что есть в одной культуре и чего нет в другой. Например, в английском языке нет соответствий русскому слову «погорелец», в русском языке – английскому слову “glimpse”. Безэквивалентная лексика также рассматривается как лакуны.

Языковые лакуны принято называть абсолютными и относительными. Лакуны считаются *абсолютными*, если их эквиваленты в другом языке не могут быть переданы при помощи одного слова, а лишь посредством словосочетания. Другими словами, под абсолютными лакунами следует понимать «то, что в одних языках и культурах обозначается как «отдельности», а в других не сигнализируется, то есть не находит общественно закрепленного выражения».

Приведем пример англо-русской абсолютной лакуны. В американском варианте английского языка существует компактное лексическое выражение понятия «индейцы, принадлежащие к определенному племени, или индейцы – члены определенного племени»: the Cherokees, the Blackfeet. В русском языке такой «отдельности» нет, поэтому ‘the Creeks’ передается на русский язык как «индейцы племени Ручья». Смысл, национального понятия, выраженного компактно, передается в другом языке описательно.

Если слово или словоформа, существующие в национальном языке, употребляются очень редко по сравнению с другим языком, лакуну следует считать *относительной*. Так, в русском и английском языках имеются словарные эквиваленты «обувь» и “footwear”. Однако русское «обувь» употребляется чаще, чем “footwear” в английском языке, где в аналогичных ситуациях предпочтение отдается словам “shoes” и “boots”.

Относительные лакуны можно обнаружить не только в сфере лексики, но и при сопоставлении грамматического строя языков. В английском языке, например, значительно чаще, чем в русском, употребляется страдательный залог. Это связано не только с грамматическими особенностями сравниваемых языков, но и с характерными для каждого языка требованиями стиля. Передача английского страдательного залога действительным залогом в русском языке – прием, нередко используемый переводчиками, – результат существования относительной лакуны: грамматическая форма в одном языке употребляется реже, чем в другом.

Представляется целесообразным и методологически оправданным использовать понятие «лакуна» не только при сопоставлении языков, но и при сопоставлении некоторых других

аспектов культуры. Таким образом, целесообразно различать лингвистические и культурологические лакуны. Одно из разновидностей культурологических лакун – этнографические лакуны, существование которых обусловлено отсутствием реалий, характерных для одной культуры, в другой локальной культуре. Кроме того, именно из-за отсутствия фоновых знаний об исходной локальной культуре у носителей языка перевода переводчики нередко отказываются от вполне возможной дословной передачи некоторых фрагментов художественного текста, чтобы не задерживать внимание читателя примечанием, нетрадиционным сравнением и т.д. в тех случаях, когда такая ретардация не предусмотрена автором. К примеру, нетрадиционное для русского языка английское сравнение “wide as a bed slat” в тексте перевода заменяется русским «широкая как лопата». Дословный перевод в таком случае был бы непонятным для русскоязычного реципиента, т.к. он не знает, какие бывают планки-перекладины у кроватей, на которых спят в южных штатах Америки.

Иногда вариантом этнографических лакун являются ассоциативные лакуны. Причиной ассоциативных лакун являются отсутствие характерных для носителей другой культуры лингво-этнографических ассоциаций, вызываемых различными социально-культурными факторами.

Нередко ассоциативными лакунами оказываются собственные имена. Адекватный перевод на русский язык фрагментов текста, созданного в американской культуре, представляет определенную трудность для понимания носителем ИЯ:

«Но я думаю, что великий Ди Маджио мог бы сегодня мною гордиться»; «Интересно, понравилось бы великому Ди Маджио, как я ударил акулу прямо в мозг?»; «Святой Петр тоже был рыбаком, так же как и отец великого Ди Маджио» (Э. Хемингуэй). Собственное имя Di Maggio, включенное автором в контекст произведения, указывает на весьма обширное ассоциативно-коннотативное пространство носителей культуры оригинала. Во-первых, это ассоциация с определенным периодом жизни страны – вторая половина 40-х годов, когда был популярен Ди Маджио. Во-вторых, упоминание об одном из кумиров американцев, известном всей стране бейсболисте, является знаком, указывающим на типичную черту американского национального характера – любовь к спорту, в особенности к бейсболу, который считается американским национальным видом спорта. В-третьих, имя Ди Маджио ассоциируется с именем другого кумира американской публики – звезды Голливуда Мэрилин Монро, мужем которой он был. В-четвертых, Ди Маджио и Мэрилин Монро олицетворяли собой осуществление принципа «равных возможностей»: оба вышли из «низов» и стали известны всей Америке. У русского читателя имя Ди Маджио не может вызвать тех же ассоциаций, ибо оно не входит в состав его культурного фонда. Следствием этого является глубокая ассоциативно-коннотативная лакуна в тексте перевода.

К *интеркультурным* лакунам можно отнести случаи несовпадения цветовой символики разных народов и других видов культурной символики: для японцев листья папоротника – знак-пожелание удачи в наступающем году; в русском узусе папоротник ассоциируется со смертью, кладбищем.

К *культурологическим* лакунам следует отнести также большую группу кинесических лакун. Например, жесты, позы, мимические знаки, эмоциональные состояния, используемые представителями различных локальных групп. Непонимание данного рода лакун может привести к неадекватному поведению в межкультурном общении.

Таким образом, лакуны можно понимать как сигналы не только специфических реалий, но и специфических процессов и состояний, противоречащих узуальному опыту носителя того или иного языка. Узуальный опыт носителя некоторой культуры изменяется в процессе своего развития. Следовательно, узуальный опыт носителей одной и той же локальной культуры в разные эпохи может не совпадать. Лакуны, возникающие в таких случаях, можно считать *интракультурными*.

Итак, лакуны могут быть языковыми (лексическими, грамматическими, стилистическими) и культурологическими (этнографическими, психологическими, поведенческими, кинесическими и др.). Лакуны могут быть не только интеркультурными или интерязыковыми (возникающими в процессе межкультурного общения), но и интракультурными (интраязыковыми).

Вопросы и задания:

1. Дайте определение концепта.

2. В чем различие между «концептом» и «понятием», «концептом» и «значением», «концептом» и «словом»?
3. Почему надо различать концептосферу и семантическое пространство языка?
4. В чем специфика лингвокультурного концепта по сравнению с другими ментальными единицами?
5. Подготовьте доклад с презентацией на тему: «Один из ключевых лингвокультурных концептов (по выбору студента)»

ЛЕКЦИЯ №13.

КУЛЬТУРНАЯ КОННОТАЦИЯ КАК ЭКСПОНЕНТ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКОВОМ ЗНАКЕ.

План лекции

- 1/ Способы представления культурной информации в номинативных единицах языка.
2. Содержание культурно-национальной коннотации в соотнесенности с определенным культурным кодом. **Механизм возникновения коннотаций.**

Рекомендуемая литература

Основная литература

Маслова В.А. Лингвокультурология — М., 2001 г Источник:
<https://www.textologia.ru/yazikoznanie/lingvokulturologia/osnovnie-ponyatie/kulturnaya-konnotaciya-kak-eksponent-kulturi-v-yazikovom-znake/1912/?q=641&n=1912>

Хроленко А.Т.. Основы лингвокультурологии, : Учеб., пособие . - М. : Флинта : Наука , 2009 . - 184 с .

Дополнительная литература

- Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. М., 2001.
Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурном аспекте. М., 2002.
.Гаспаров М.Л. Метр и смысл: Об одном из механизмов культурной памяти. М., 1999.
.Николаева Т.Н. «Скрытая память» языка: Попытки постановки проблемы // ВЯ. 2002. № 4. С. 25—41

Речь обладает способностью аккумуляции. Таким образом, слово является аккумулятором образов, значений. В свое время это отмечали многие исследователи языка. Например, Ф.И.Буслаев демонстрировал процесс аккумуляции следующим образом: один и тот же герой на протяжении столетий действует в разных событиях и таким образом определяет свой национальный характер. Таковы бессмертные герои фольклора – Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич у русских, Амирани у грузин, Фэт-Фрумос у румын и т.д.

Поэт прекрасно показал аккумулятивность слова, но слова-образы представлены у него в связи с его собственным мироощущением (слово «треуголка» сейчас скорее ассоциируется с именем Наполеона и событий войны 1812 года, слово «боскет» позабыто, а потому «маркиза» связывается только с древним титулом и т.п.).

Так каков же механизм накопления и сохранения информации в том или ином слове?

Считается, что слова содержат культурную информацию и существуют два уровня проявления ее в лексике.

Первый уровень достаточно хорошо изучен и продолжает изучаться в диалектике своего существования; он отражает «материальную» специфику слов. Так, например, в глаголе

«насолить» - повредить, причинить неприятность, закреплена память о колдовском приеме разбрасывания соли с целью наведения порчи, болезни. А отвести порчу можно антиколдовскими приемами, - отсюда фразеологизм «насыпать» соли на хвост ведьме. Или «плюнуть через левое плечо» - это выражение связано с бытовавшим мнением, что у каждого человека за правым плечом стоит ангел-хранитель, а за левым – черт, демон, а потому при случае следует поплевать в сторону последнего.

Наиболее малоисследованным и загадочным является второй уровень – воздействие на язык мировоззренческого фактора.

Слово – материально. Им можно воздействовать на человека, его здоровье, быт и даже жизнь. Древние философы говорили: «Сначала было слово». Другие заявили, что первичным было дело. Культурологи, как и филологи, считают, что слово служит не только средством передачи информации, - это еще основной инструмент мысли. А мысль – это Бог, вернее «Мысль изреченная есть Бог».

Кроме того, слово имеет свою «культурную память». Прекрасный пример такой памяти – синонимы. Например, берем глаголы «ведать» и «знать». «Ведать» - это что-то почти сверхъестественное, потому что основано исключительно на чувствах и ощущениях. Отсюда существительные «ведун», «ведьма» - с отрицательным значением. «Знать» - это основываться на каких-либо реальных фактах. «Знахарь» - положительное значение.

Культурная информация может быть представлена в номинативных единицах языка четырьмя способами: через культурные семы, культурный фон, культурные концепты и культурные коннотации.

Связь языка с культурой реализуется через **культурные коннотации**. Рассмотрим **культурные коннотации**. В самом общем виде это – интерпретация денотативного илообразно мотивированного аспектов значения в категориях культуры

Культурно-маркированная коннотация возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания ФЕ или метафоры посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами. Компоненты с символическим прочтением также во многом обуславливают содержание культурной коннотации. Например, кровь как символ жизненных сил во ФЕ – пить кровь, до последней капли крови; кровь как символ родства – родная кровь, кровь от крови; кровь как символ жертвоприношения – пролить чью-то кровь; кровь как символ здоровья – кровь с молоком; как символ сильных эмоций – кровь бросилась в голову, кровь стынет

Коннотация — это несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, воплощающие принятую в обществе оценку соответствующего предмета или факта, отражающие связанные со словом культурные представления и традиции. Не входя непосредственно в лексическое значение и не являясь следствиями из него, эти признаки объективно обнаруживают себя в языке, получая закрепление в переносных значениях, привычных метафорах и сравнениях, фраземах, полусвободных сочетаниях, производных словах (формулировка Ю.Д. Апресян а цит. по: [Кобозева 1995:102—103]).

Понятие о коннотации впервые возникло в английской лексикографии в середине XIX в. К числу объективных проявлений коннотаций относят те, которые обычно не фиксируются словарями, но регулярно воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данной лексемой или ее производной [Кобозева 1995:103].

Различают шесть типов коннотации, или созначений: 1) изобразительное (представление); 2) эмоционально-чувственное; 3) культурно-цивилизационное; 4) тематическое (семантическое поле); 5) информативное (уровень знания); 6) мировоззренческое [Комлев 1992]. Полагают, что «своя побочная чувственная окраска» присутствует у большинства слов и у большинства элементов сознания. По крайней мере, к основным разрядам коннотированной лексики относят термины родства, зоонимы, соматизмы, названия природных объектов и явлений, физических действий, цветообозначения — все, что можно воспринять пятью органами чувств.

С одной стороны, коннотациями называют добавочные (модальные, оценочные и эмоционально-экспрессивные) элементы лексических значений, включаемые непосредственно в толкование слова; **с другой стороны, о коннотациях говорят тогда,** когда имеют в виду узаконенную в данной среде оценку вещи или иного объекта действительности, обозначаемого данным словом, невходящую непосредственно в лексическое значение слова [Апресян 1992: 46—47].

Языковым проявлением коннотации считают переносные значения (свинья, ворона, пасынок), метафоры и сравнения (напиться как свинья), производные слова (свинушник, холостяцкий), фразеологические единицы, поговорки, пословицы (подложить свинью), синтаксические конструкции типа «X есть X» (женщина есть женщина).

У одного и того же концепта в разных культурах и языках могут быть разные коннотации: «крыса» — англ. Rat 'предатель; доносчик, шпион'; фр. rat 'скупой человек, скряга'; нем. Ratte 'с увлечением работающий человек'; рус. крыса 'ничтожный, принижённый службой человек' [Комлев 1992:52]. Отмечены специфические коннотации цветообозначений в разных этнических культурах. Например, белый в США — «чистота», во Франции — «нейтральность», в Египте — «радость», в Индии — «смерть», в Китае — «смерть; чистота».

Коннотация может быть положительной и отрицательной.

Слово **варяг** в переносном значении 'работник со стороны' сохранило отрицательную коннотацию. У слов **идол** и **кумир** равные исходные позиции, но разные культурно обусловленные коннотации их существенно разводят: идол- 'о ком-нибудь бестолковом и бесчувственном', кумир- 'нейтральная и положительная окраска' [Черепанова 1995:145]. «Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе» (С.Я. Маршак) — поэтически точное определение отрицательной коннотации слова, выступающего в функции общественно-политического термина.

Проявляется положительный или отрицательный знак коннотации прежде всего в связях слов. В выражении *с немецкой аккуратностью* слово немецкий окрашено положительно. Есть определения, которые стали универсальными характеристиками высокого качества предмета или явления: швейцарский банк, немецкая машина, русский писатель.

Достаточно соединить слова **крайне** и **хороший**, как почувствуем, что в слове **крайне** наличествует отрицательная оценка.

У слова **рок** отрицательная коннотация, поэтому можно сказать **злой рок**, но нельзя — **'добрый рок**.

Коннотация может менять свой знак на противоположный без каких-либо явных причин. Так, менялась коннотация слова **благодушие**. В начале XX в. это слово не носило того уничижительного оттенка попустительства и самоуспокоенности, который появился в конце 30-х годов в связи с противопоставлением «благодушия» и «**большевистской революционной бдительности**». В словаре Дале: «милосердие, расположение к общему делу, добру; доброта, мужество, самоотвержение» [Николюкин 2001:50—51].

Коннотация непредсказуема. У содержательно равноценных слов оценка может быть различной. Ср.: осел — ишак, тельце — теща, отчим — мачеха, свинья — боров, коза — козел, собачьи глаза — собака на сене и т.д.

В конце XX в. в русский речевой обиход вошло слово **ваучер** 'контрольный талон, дающий право его обладателю на получение чего-то, например, образовательный ваучер'. Слово «**ваучер**» произошло от фамилии Джона Ваучера, британского мошенника, жившего в XV в. и повешенного за свои деяния. Слово **ваучер** в России 1992 г. стало употребительным, но в связи с несправедливостью массовой приватизации государственной собственности приобрело отрицательную коннотацию.

Коннотация зависит от звукового облика слова. Фонетически мотивированные слова («слова, звучание которых соответствует их значению») обладают ярко выраженным коннотативным значением по сравнению со словами, звучание которых не соответствует их значению [Левицкий 1994:30].

Помимо коннотации языковой, которую в той или иной степени чувствуют носители того или иного языка, есть и коннотация индивидуальная, личная. Её чувствовал один из персонажей романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: «Он, например, чрезвычайно любил своё положение «гонимого» и, так сказать, «ссылного». В этих обоих словечках есть своего рода классический блеск, соблазнивший его раз навсегда, возвышая его потом постепенно в собственном мнении...» [Достоевский 1982:5—6]. Вот свидетельство писателя Ю.М. Нагибина: «Недаром же слово 'кричи и плачь' с детства пробуждало во мне ощущение опрятности, образ белых одежд, кленовых свежих лаптей, много мёда и лебедей в синем небе» [Нагибин 1996:168].

За некоторыми словами может быть закреплёно то или иное коннотативное значение — универсальная характеристика чего-либо. Например, «русская душа» (загадочная), «армянское радио» (анекдот), «швейцарский банк» (надёжный) и т.д.

. Истоки коннотации, очевидно, вытекают из исторического и культурного наследия того или иного народа. Замечательный пример тому – прилагательные «нагой» и «голый». Эти синонимы воспринимаются абсолютно по-разному. Вспомним трагикомичные попытки «отца» европейского модернизма А.Мане, безуспешно пытавшего доказать свою «академичность», но своей практикой опрокинувшего все старые нормы. Мане решил воспроизвести, сделать «римейк» картин старых мастеров Рембрандта, Рубенса, Джорджоне и некоторых других классиков и создал свои картины по их образцам. В итоге его «Олимпия», «Завтрак на траве» произвели эффект разорвавшейся бомбы: были выставлены на публику картины голых людей, а не обнаженные натуры, как «виделось» Мане.

Надо сказать, что у прилагательных «голый» и «нагой» практически во всех европейских языках имеются разные значения. Известный английский искусствовед С.Голлербах утверждает, что в основе противопоставления этих двух прилагательных лежат две традиции западноевропейской цивилизации: традиция античного мира и традиция иудео-христианская.

Первая превозносила телесную красоту, а вторая воспевала красоту души, но не тела.

Христианство противопоставляет дух и красоту плоти, подчеркивая греховность и бренность последней. Поэтому нагота обладает эстетической броней, защищающей ее от насмешки и делающей ее неуязвимой. Голые же такой «брони» не имеют, а потому заслуживают осмеяния или жалости [1, 188]. Надо сказать, что нудисты также опираются на подобное разграничение, подчеркивая, что их действия носят «высший» смысл. Особенное значение играет нагота в романе М.Булгакова «Мастер и Маргарита». Быть голым у Булгакова – быть свободным, но при этом невидимым для «простых» людей, непонимающих смысла такой наготы.

Человек рождается нагим и таким же предстает перед Господом своим... Аккумулятивность слов выливается в аккумулятивность лингвистики в целом: она суммирует в концентрированном виде достижения человеческой культуры, языкознания в целом.

Коннотации, таким образом, представляют собой форму ценностного освоения мира, фактор внутренней детерминации поведения. В коннотации реализуются потенциальные ресурсы номинативной системы языка, ибо коннотативное слово обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, находящийся в сложных отношениях с семантикой слова, закреплять его в языке, создавая тем самым культурно-национальную языковую картину.

Проблема аккумулятивности слова связана со многими вопросами лингвистики, культурологи, философии, когнитологии. В наши дни решение этой проблемы стало все более необходимым. «Для решения наиболее фундаментальных проблем человеческой культуры знание языковых механизмов и понимания языка, несомненно, становятся тем более важными, чем более изощренными становятся наши исследования в области социального поведения человека. Именно поэтому мы можем считать язык символическим руководством к пониманию культуры» [3, 262].

Аккумулятивность слова связана и с проблемами экологии языка, потому что язык все больше и больше теряет свою национальную традицию и культуру (чрезмерная толерантность в языке может дорого обойтись нашим потомкам). Врач по профессии, немец по фамилии, филолог по натуре и русский человек по своей сути Владимир Иванович Даль смотрел на мир сквозь призму родного русского языка и других старался научить этому.

Вопросы и задания :

1 Как выражается культура в языке?

2. Дайте определение культурной коннотации

3. Подготовить презентации по следующим проблемам.

Способы представления культурной информации в номинативных единицах языка. Содержание культурно-национальной коннотации в соотнесенности с определенным культурным кодом. Механизм возникновения коннотаций.

**ЛЕКЦИЯ № 14-15.
СЛОВО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

План лекции :

- 1 Язык и национальная принадлежность художественного произведения.
- 2 Проблемы билингвизма, автоперевода и перевода.
- 3 Шедевры мировой литературы.

Рекомендуемая литература

Основная литература

Хроленко А.Т..Основы лингвокультурологии,: Учеб, пособие . - М. : Флинта : Наука , 2009 . - 184 с .

Дополнительная литература

- . Алефиренко Н.Ф.Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры. М., 2002.
- . Оболенская Ю.Л.Диалог культур и диалектика перевода: Судьбы произведений русских писателей XIX века в Испании и Латинской Америке. М., 1998.
- . Подюков И Л Народная фразеология в зеркале народной культуры: Учебное пособие. Пермь, 1990.
- 9. Социокультурные проблемы перевода: Сб. научных трудов / ВГУ. Воронеж, 1999. Вып. 3.
- 10. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
- 11. Хотинцев В.Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000.

1.Язык и национальная принадлежность художественного произведения

Язык как первоэлемент литературы определяет национальную принадлежность произведения, созданного на нём. В.К. Кюхельбекер в своей парижской лекции заметил: «Творения нашей литературы не могут быть правильно оценены без предварительного ознакомления с духом русского языка» [Кюхельбекер 1954: 374].

Скульптура, изваянная из итальянского мрамора руками русского мастера, вне всякого сомнения, принадлежит русской культуре, а по отношению к стихам, написанным итальянцем на русском языке, утверждение, что они факт итальянской культуры, весьма проблематично. Утверждают, что русские повести Т.Г. Шевченко, обогатившие и духовную культуру украинского народа, - достояние, прежде всего, русской культуры [Русановский 1982: 316]. Равно как и его дневники, которые создатель украинского литературного языка вёл на русском языке.

Известный культуролог Ю.М. Лотман утверждал, что структура языка - результат интеллектуальной деятельности человека, а потому сам по себе материал словесного искусства уже включает итоги деятельности человеческого сознания, что и придает ему совершенно особый характер в ряду других материалов искусства [Лотман 1994: 68]. Справедливо полагают, что язык - естественный субстрат культуры, пронизывающий все ее стороны. Он служит инструментом упорядочения мира, средством закрепления этнического мировоззрения.

Язык - основной критерий отнесения произведения к той или иной национальной культуре. Лауреат Нобелевской премии мексиканский поэт Октавио Пас, говоря о романе «Человек без свойств», заметил, что тот «написан по-немецки, и уже по этой причине не может принадлежать англосаксонской литературной традиции» [Известия. 1990. 8 дек.:7]. Инициаторы создания «Русской энциклопедии» на вопрос, кого отнести к русской культуре, отвечают, что её достойными представителями являются еврей О. Манделштам, И. Левитан, киргиз Ч. Айтматов, а также русские по крови, но работавшие за рубежом В. Набоков, А.И. Солженицын и др. «Куда бы я ни поехал, все останется во мне, так же, как и я - частица истории русской культуры и истории еврейства», - свидетельствует современный российский философ [Померанц 1998: 192]. Другой наш соотечественник, в одном из своих интервью заметил: «...Каждый человек, который выучил русский язык или владеет им, является частью русской культуры» [Книжное обозрение. 1997. № 11. С. 8].

Полное овладение родным языком - это не только приобретение средства общения, это ещё и почти одновременное приобщение к художественному творчеству. Л.Н. Толстой в письме Н.Н. Стрехову (25. 03. 1872) высказал глубокую мысль о том, что язык «есть лучший поэтический регулятор». «Язык - сам по себе поэт» - не только красивая метафора, но и неоспоримая истина.

М. Пришвин заметил как-то, что в России легко стать поэтом, вслушиваясь в народную речь и с томиком стихов Пушкина в руках. «В слове есть скрытая энергия, как в воде скрытая теплота, как в спящей почке дерева содержится возможность при благоприятных условиях сделаться самой деревом» [Пришвин 1990: 413]. Мысль о слове как зерне художественного произведения, впервые отчётливо сформулированная А.А. Потебней, многократно подтверждалась теми, кто хорошо чувствовал Слово. Пастернак писал: «Первенство получает не человек и состояние его души, которому он ищет выражение, а язык, которым он хочет его выразить.

Язык - родина и вместилище красоты и смысла, сам начинает думать и говорить за человека» (Пастернак Б. Доктор Живаго). Октавио Пас подтверждает: «...Поэт - невольник языка» [Известия. 1990. 8 дек.]. Налицо великий круговорот: язык -> художественное творчество -> язык. «Литература - это бессмертие языка» (Август Шлегель).

Строго говоря, учёные тоже невольники своего национального характера, в том числе и языка. Это заметил К. Маркс: «Французы наделили английский материализм остроумием, плотью и кровью, красноречием.

Они придали ему недостававшие ещё темперамент и грацию.

Они цивилизовали его» [Маркс: 2: 144]. Русский философ В. Соловьёв, ссылаясь на другого русского мыслителя Н.Я. Данилевского, говорил о том, что у таких знаменитых английских учёных, как Адам Смит и Чарльз Дарвин, национальный характер заметно отразился на их научной деятельности. Изменись этот характер (и язык!), «Адам Смит увидел бы в экономической жизни другой интерес, кроме произведения богатства, а Дарвин открыл бы в жизни другой смысл, кроме борьбы за существование» [Соловьёв 1989: 298].

2. Проблемы художественного билингвизма, автоперевода и перевода

Теоретически интересна проблема билингвизма в художественной литературе, явления нередкого. Известны французские произведения Пушкина, Лермонтова, Гейне, Суинберна, Уайлда, русские стихи болгарина И. Вазова, Рильке, Б. Лесьмяна, Ю. Балтрушайтиса, немецкие А.К. Толстого, М. Цветаевой. В XVIII в. в России писали так называемые русско-французские поэты — А.П. Шувалов, А.М. Белосельский-Белозерский, С.П. Румянцев. Индус Р. Тагор писал и по-бенгальски, и по-английски.

Духовное взаимоотяготение культур способствует появлению художественного билингвизма. На территории бывшего СССР немало писателей, писавших на двух — родном и русском — языках (Ч. Айтматов, И. Друце, В. Быков, Ю. Шесталов) или на одном русском (Ф. Искандер, О. Сулейменов, Рустам и Максуд - Ибрагимбековы, Ю. Рытхэу). К какой культуре в этом случае их можно отнести? Мнение Ч. Айтматова однозначно: национальный писатель, пишущий по-русски, остаётся писателем прежде

всего национальным. «Думаю, когда опубликовал по-русски свою повесть «Прощай, Гюльсары», ни у кого не оставалось сомнения, что это произведение киргизской прозы. Ведь существует не только стихия национального языка, но и национального мышления» [Литературная газета. 1989. № 45: 3]. Тот же вывод Айтматовым делается и по отношению молдаванина И. Друце, который пишет по-русски: «Но кто усомнится в том, что он не просто молдаванин, а средоточие национального духа молдаван?»

И в то же время, рассуждая о творчестве Анатолия Кима, корейца по национальности, Ч. Айтматов приходит к противоположному выводу: «...Настолько совершенно владеет стихией русского языка... что о нём невозможно судить иначе, как о писателе русском».

Можно думать, что отнесение писателя и поэта к той или иной культуре зависит только от степени совершенства владения языком, понимая под последним освоение той стороны языка, которая лежит за пределами собственно понятийного ядра слов, — прежде всего национально-культурной коннотации используемых слов. Впрочем, это требуется и от литератора, творящего на родном языке.

Неповторимость каждого языка особенно остро чувствуют писатели, пишущие на двух языках. Азербайджанец Чингиз Гусейнов написал по-русски исторический роман о выдающемся просветителе М.Ф. Ахундове «Фатальный Фатали». Затем роман был воссоздан автором на азербайджанском языке. Читателей удивила разница в объёме в принципе одного и того же произведения: азербайджанский вариант оказался в полтора раза объёмнее. Автор объясняет это диктатом языка. Различие языков означает и внутреннюю нетождественность вариантов романа. «Язык, на котором ты пишешь, подспудно вовлекает в сферу осмысления и изображения реалии

жизни, быта, истории, культуры и т.д., связанные именно с данным языком или объёмом представлений данной языковой стихии» [Гусейнов 1987: 5].

Примеров автоперевода в мировой практике немало, и все они свидетельствуют о чрезвычайных трудностях, встающих перед автором. Когда выходец из Франции, американский писатель Дж. Грин попытался самостоятельно перевести одну из своих книг с французского языка на английский, у него вместо перевода получилась новая книга: «У меня было такое ощущение, что когда я писал по-английски, я как будто становился другим человеком» (Цит.: [Вопросы языкознания. 1990. № 6:121]).

А вот свидетельство Ф. Искандера, абхазца, пишущего на русском: «Особенности абхазского языка состоят в том, что это действие, выраженное по-русски четырьмя словами, по-абхазски передаётся одним словом и потому выразительность его в переводе несколько тускнеет» [Искандер 1991:262].

По мнению пишущих на двух языках, путь автоперевода художественно не очень перспективен. Выход — в создании варианта на другом языке, и этот новый оригинал на другом языке может существенно отличаться от первого варианта. В. Набоков свидетельствует, что книга «Conclusive Evidence» «писалась долго (1946—1950), с особенно мучительным трудом, ибо память была настроена на один лад — музыкально недоговоренный русский, — а навязывался ей другой лад, английский и обстоятельный.

В получившейся книге некоторые мелкие части механизма были сомнительной прочности, но мне казалось, что целое работает довольно исправно — покуда я не взялся за безумное дело перевода «Conclusive Evidence» на прежний, основной мой язык. Недостатки объявились такие, так отвратительно тарасилась иная фраза так много было и пробелов и лишних пояснений, что точный перевод на русский язык был бы карикатурой Мнемозины. Удержав общий узор, я изменил и дополнил многое. Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву» [Набоков 1990: 134]. Следует заметить, что американцы считают В. Набокова своим писателем: мало найдется людей, которые бы так воплотили чужую культуру, но как бы хорошо ни писал он на английском, всё равно остался русским.

Художественный билингвизм любого писателя благотворно сказывается на его творчестве. Как заметил Д.С. Лихачёв, французский язык Пушкина способствовал превосходному чувству русского языка, точности и правильности речи. Двужычие помогает видеть словесный мир «в цвете». Ч. Айтматов убежден: для него работать на двух языках — значит расширить возможности и киргизской литературы, и общее русло всей современной литературы. [Литературная газета. 1989. № 4 5 :3].

Многим кажется, что на чужом языке легче писать научные работы (терминология вообще предпочтительнее иноязычная: в ней нет коннотации), поэтому долгое время языком философии, теологии и вообще науки в Европе была латынь, а на Востоке —

арабский язык. Художественное же творчество требует языка родного. Вот почему создатели национальных литератур — одновременно и создатели национальных литературных языков. Однако и учёные заметили существенные различия в научных стилях разных языков. Известный этнолог К. Леви-Стросс, пишущий на французском и английском языках, признаётся, что он был поражён тем, насколько различны стиль и порядок изложения в статьях на том или другом языке. Это затруднение учёный, по его словам, попытался преодолеть с помощью очень свободного перевода, резюмируя одни абзацы и развивая другие.

Существует большая литература, посвященная проблемам перевода. В ней постоянно обсуждается несколько фундаментальных вопросов: возможен ли адекватный перевод; как свести до минимума потери при переводе; как относиться к переводам не вполне адекватным и т.д.

Значительная, если не большая, часть теоретиков и практиков художественного перевода считает, что адекватный перевод в принципе невозможен. Это мнение впервые сформулировал великий Данте: «Пусть каждый знает, что ни одно произведение... не может быть переложено со своего языка на другой без нарушения всей его сладости и гармонии» (Данте. Пир). Марина

Цветаева в статье «Два “Лесных царя”» (1933) сравнивает «Лесного царя» Гете и его русский перевод, сделанный Жуковским, и показывает, что стихотворения получились разными.

В любом переводимом художественном тексте есть то, что хуже всего поддается переводу, — это наименее банальное, а потому более всего заслуживающее внимания [Из послесловия переводчика С.Н. Зенкина к книге Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» (М.: СПб., 1998)]. И. Гете как раз и советовал добираться до того, что непереводаемо, и уважать это, ибо в этом скрыта ценность и своеобразие языка оригинала.

Существуют различные мнения по поводу того, как свести до минимума неизбежные потери при переводе. Русский поэт и переводчик А. К. Толстой считал, что следует переводить не слова или даже не смысл, а впечатление оригинала. Филолог П. Флоренский полагал, что и в переводах перспективен принцип дополнительности: «...Несколько переводов поэтического произведения на другой язык или на другие языки не только не мешают друг другу, но и восполняют друг друга, хотя ни один не заменяет

всёцело подлинника...» [Флоренский 1922:7]. Для И. Бродского, который переводил с русского на английский свои стихи, перевод — это поиски эквивалента, а не суррогата, и это требует стилистической, если не психологической конгениальности [Бродский 1999:103].

Отсюда вывод о «бикультурности» текста перевода, поскольку требование «перевод должен читаться как оригинал» в полном объеме едва ли выполнимо (по крайней мере, применительно к художественному переводу), так как оно подразумевает полную адаптацию текста к нормам другой культуры [Швейцер 1994:183]. Из-за «социально-культурного барьера», обусловленного различиями между культурой отправителя текста и культурой воспринимающей среды, решение переводчика, как правило, носит компромиссный характер. Из опыта писателя и переводчика О. Дыбенко: «...Книги, написанные мною по-русски, я на греческий не перевожу, а пересказываю. При пересказе они становятся более отточенными, часто после этого нравится и русский вариант» [Книжное обозрение. 2002. № 27—28. С. 18]. Ещё один совет опытного переводчика: думай не над смыслом слова, думай, что заставило человека сказать именно это слово. Собственно от этого зависит, удачен перевод или нет [Книжное обозрение. 2000. № 9. С. 3].

«Бикультурность» перевода таит в себе опасность того, что из столкновения двух культурных традиций победителем выйдет культура воспринимающей среды. Специалисты припоминают опыт М.Л. Михайлова, который в 1856 г. перевел тесть стихотворений Р. Бернса и привнес в них элементы русификации. Подобный лингвокультурный перенос дал основание К. Чуковскому иронизировать насчёт некоторых своих незадачливых коллег по переводу: «Получается впечатление, как будто мистер Сквирс, и сэр Мельбери Гок и лорд Верикрофт — все живут в Пятисобачьем переулке, в Коломне. И только притворяются британцами, а на самом деле такие же Иваны Трофимычи, как персонажи Щедрина или Островского» [Чуковский 1936: 78]. Однако несмотря на все мыслимые и немыслимые теоретические и практические трудности перевода, последний остаётся чрезвычайно важным элементом сотрудничества культур и развития каждой из них. В. Г. Белинский был прав, когда утверждал, что через Жуковского россияне научились понимать и любить Шиллера как бы своего национального поэта, говорящего русскими звуками, русской речью. Французская писательница и теоретик литературы Ж. де Сталь (1766—1817) в статье «О духе переводов» (1816) утверждала, что даже тот, кто понимает чужой язык, получает от превосходного перевода на язык своего народа удовольствие более глубокое и искреннее. Чужестранные красоты, — считала мастер слова, — сообщают отечественному слогу

новые обороты и оригинальные выражения. Переводы иностранных поэтов надёжнее любого другого средства предохраняют литературу любой страны от банальных речений — недвусмысленного свидетельства упадка [Сталь 1989].

Перевод — это часто новая литература. «...Переводной любовный роман, становясь русским текстом тоже, превращается в жанр современной русской литературы и тем самым оказывает влияние на русскую ментальность и менталитет» [Белякин 1995:20].]

Перевод художественной литературы — дело трудное и деликатное, по праву получившее статус искусства, однако перевод фольклорных текстов, в которых аккумуляция культурно-этнических смыслов достигает максимума, а сами слова крепко соединены в различные эпические и иные формулы, ещё сложнее, и двух мнений на этот счет нет.

Г.И. Цибашвили, размышляя над книгой переводов на русский язык грузинских сказок, замечает, что перевод фольклорного материала сопряжен с такими трудностями, которые почти не встречаются в произведениях индивидуальных авторов. Имеется в виду перевод не столько имен, топонимов, непереводаемой лексики, зачинов и концовок сказок, фразеологических единиц, игры слов, сколько сохранение в переводе духа и тона повествования, без чего фольклорное

произведение перестаёт быть художественным и нисходит до серого перевода какой-то нехитрой истории, которая может встретиться у любого народа [Цибашвили 1983].

Замечено, что чем меньше объём фольклорного поэтического текста, тем труднее переводить его. Переводчик латышских дайн Ю. Абызов замечает: «Что делает дайны непереводаемыми (на данной ступени)? Несоответствие содержащейся в них информации и малой их площади. Я бы даже сказал, что объём этой информации обратно пропорционален площади. Причем информации не фоновой, которой можно в какой-то мере или пропорции пренебречь, а составляющей самую суть» [Абызов 1982:106].

Каждая опорная лексема песенного текста — это конденсатор огромной семантической энергии, в большей или меньшей степени обнаруживающейся в тексте фольклорного произведения. И пусть совпадают первичные значения внешне эквивалентных слов фольклора двух народов, никогда не совпадут их приращенные объёмы, что и ставит под сомнение саму возможность их перевода.

Ю. Абызов, сравнивая русскую и латышскую народную лирику, приводит убедительные примеры тому, как различны денотативно эквивалентные лексемы в фольклоре двух народов. Скажем, *balelini* — это не только «братья» или «братцы». Это и члены одного рода, и воины-дружинники, и домочадцы, и родные братья, и соотечественники. В латышских дайнах активно используется фитоним *smilga*. Обозначает он растение с тонким длинным стеблем, с пушистой метелочкой, шелковистой на ощупь, играющей на солнце, если она усеяна росинками (по-русски полевика, метлица). Для латышей это ёмкий символ — олицетворение девической стройности, легкости, грациозности. Красоту растения-символа легко передать в переводе прозы, но в поэтическом переводе это, как считает Ю. Абызов, невозможно: «*smildzina* в дайне просто называется, однако это название апеллирует к воображению читателя-слушателя, вековая конвенция выработала чуть ли не генетически передаваемую эстетическую реакцию» [Абызов 1984:285]. Часто это латышское слово переводят (по словарю) как «былинка», однако ассоциативный ореол у слов *smildzina* быллинкарзный. Для латышей это нечто светлое, а для русских — грустное, одинокое, беззащитное.

Сокол в дайнах — хищник, в русских песнях он имеет знак оценки прямо противоположный. Кукушка в русской лирике олицетворение горести, в дайнах — символ звонкого песенного начала. Ковыль-трава, полынь-трава, куст ракитовый, калина-малина, лебеда, травушка-муравушка, без которых мы не представляем русскую народную лирику, в латышской не имеет никаких соответствий. Как не имеет эквивалента в русском фольклоре латышское имя существительное *виллайне* — наплечная женская шаль, часть национального костюма — символ молодости, надежд, забот, красоты, благосостояния, совершенства. И уж если имена природных, конкретных явлений в своём семантическом объёме не совпадают, то что говорить об именах свойств, не обладающих предметностью растительных реалий.

Практики фольклорного перевода склоняются к оптимистическому выводу о возможности такового при условии, что переводчик будет учитывать и фольклорную картину мира («инвентарный свод предметов, явлений и действий, которые имеют право быть опозитивизированными в соответствии с кодексом дайны») [Абызов 1982:96], и ассоциативный ореол каждого опорного слова текста. Образно это называют «переводить букетом», в котором «цветы подобраны так, чтобы они дополняли друг друга, объясняли своим соседством, поддерживали, перекликались. То есть переводить, все время имея в виду систему поэтических знаков» [Абызов 1984:293]. Иначе придется согласиться с мнением известного фольклориста В. Я. Проппа о том, что народные песни по существу непереводаемы.

Трудности художественного перевода убедительно показал польский поэт и переводчик Юлиан Тувим в статье «Четверостишие на верстаке» на примере перевода на польский язык первых четырёх строк поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила»: У лукоморья дуб зелёный, /Златая цепь на дубе том: /И днём и ночью кот учёный /Всё ходит по цепи кругом. По мнению Тувима, опорное слово четверостишия — лукоморье. Слово, независимо от значения (‘морской залив’), — сказочное, фантастическое, редкое, наделённое за счёт редкости особой аурой сказочности. Русское лукоморье аналога в польском языке не имеет. Возможное новое слово лукомор переводчика не удовлетворяет из-за ассоциаций со словом мухомор, и потому он смиряется со словом затока (‘за-ли в’), которое поначалу его смущало своим разговорным характером и несоответствием пушкинскому выбору. На место исчезнувшего маркированного пушкинского слова лукоморье переводчик маркированным делает слово, обозначающее дерево, — явор и заменяющее пушкинский дуб. Явор — дерево таинственное, в звучании которого есть яр

зарослей, ров-овраг, мурава. Лесное, яркое, дохнувшее чащобой слово! В слове явор слышится пасторально-романтическая традиция и польские фольклорные образы [Тувим 1987].

Проблема перевода остро встаёт уже на самом нервном этапе сопоставления языков — в ходе создания двуязычных словарей.

Современные лексикографы начинают придерживаться новой концепции двуязычного словаря как «краткой этнографически культурной энциклопедии» — не только переводить, но и пони-мать слова. Об этом красноречиво говорит опыт Хельги Харальдссона, автора «русско-исландского словаря», который столкнулся с многими трудностями в поисках языковых эквивалентов. Так, по его мнению, непереводаемо русское добро(и з добро и зло), по-скольку в исландском языке нет слова, соответствующего русскому добро в основном и наиболее общем значении. Русским существительным скалаи холм в исландском соответствует десяток синонимов, что характеризует скорее не особенности исландского языка, а природу Исландии и жизнь человека в природе.

Больше проблем возникло в связи со словами с более сложной семантической структурой — многозначными и широкозначными [Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1999. № 4. С. 148—153].

Аналогичная ситуация и в других языках.

Переводчик с японского Дм. Коваленин отличает, как много в японском языке слов, которые означают ‘щетные уси лия’, ‘бесплодные уси лия’, потому что вся Япония на тридцати процентах своих островов (остальное — скалы) веками пыталась что-то вырастить, выстроить, бороться с тайфунами, землетрясениями и цунами [Книжное обозрение. 2000. № 9. с. 3].

3. Язык и шедевры литературы

Особый теоретический интерес представляет опыт творчества на неродном языке. Примеры такового достаточно многочисленны.

Француз Адальберт Шамиссо (1781—1838), эмигрировавший в Германию, в 15 лет начал изучать люмецкий язык, стал ученым-естествоиспытателем и немецким писателем, автором повести Поляк Юзеф Теодор Конрад Коженёвский (1857—1924) известен как английский писатель Джозеф Конрад, автор романа Лорд Джим» и др. Другой этнический поляк Гийом Альберт Владимир Александр Аполлинерий Костровицкий (1880—1918) стал французским поэтом по имени Гийом Аполлинер.

Московский армянин Лев Тарасов (1911—1993), сын купца, был увезен из России в 1918 г. Во Франции стал писателем, известным под псевдонимом Анри Труайя. В 1938 г. получил Гонкуровскую премию, с 1959 г. член Французской академии. Перу этого писателя принадлежат 70 книг, половина из которых — о культуре России. Известна его серия биографий русских писателей.

В серии «Амурская библиотека поэзии» вышла книга стихов уникального «русского поэта китайского гражданства» Ли Янлена. Это единственный сегодня и второй в истории Китая поэт, пишущий стихи на русском языке. В 1994 г. в Благовещенске вышел сборник его стихов «Я люблю Россию» [Книжное обозрение. 1996. № 36. С. 4].

Французский поэт Анри Абриль (1947) недавно издал сборник на русском языке без перевода под названием «Русские стихи». Поэт перевел на французский язык Пушкина, Блока, Мандельштама, Тарковского, Цветаеву, Пастернака. Абриль — поэт, для которого оба языка, русский и французский, стали родными [Известия. 1996. 19 июня. С. 7].

Требуется глубокого и непредвзятого анализа опыт русскоязычного поэта Иосифа Бродского, во вторую половину своей творческой жизни и перешедшего на английский язык, завоевавшего почетное звание лучшего поэта Америки, переведившего свои русские стихи на английский язык. Он признавался, что писать по-русски для него более естественно, по-английски — элемент «кроссворда»; весь вопрос в эстетической ценности этого «кроссворда». Именно Бродский припомнил английскую поговорку о языке: «Покинешь меня — погибнешь» [Книжное обозрение. 1996. № 6. С. 2].

Логичен вопрос, может ли шедевр, великое художественное произведение быть написано не на родном языке. Двуязычный Пушкин, получивший в лицее прозвище Пушкин-француз и в дворянском быту по обыкновению того времени пользовавшийся французским языком, писал только на русском языке. И.С. Тургенев, большую часть зрелой жизни и проживший за рубежом, был уверен, что творить можно единственно на родном языке: «Как это возможно писать на

чужом языке — когда и на своем-то, на родном, едва можешь сладить с образами, мыслями и т.д.» [Тургенев 1966: 86]. Письма Тургенева на французском, немецком и английском языках были, по признанию носителей этих языков, стилистически совершенны. Ему принадлежат стихотворения,

тексты оперетт, критические эподы, детские сказки и куплеты по- французски и по-немецки, но всё это лежало на периферии его творчества, а шедевры писались только по-русски.

Выводы учёных, исследовавших их иноязычные произведения великих и известных поэтов и писателей, практически совпадают: созданное на неродном языке заметно уступает тому, что сложилось на родном. Это обстоятельство пытаются объяснить тем, что

человеку по-настоящему дано знать только один язык. Б. Шоу считал: «Не существует человека, который, хорошо зная свой родной язык, был бы способен овладеть другим» (Цит.: [Алексеев 1984:9]). Мнение Б. Шоу совпадает с выводом-советом великого русского писателя И. Бунина: «...Пишите на том языке, с которым родились и выросли. Двух языков человек знать не может. Понимаете, знать, чувствовать всякую мельчайшую мелочь, всякий оттенок... Что, можете вы, например, подмигнуть читателю по-французски?» (Цит.: [Адамович 1988:183—184]).

Столь же категоричен и современный поэт А. Вознесенский: «Стихи — это то, что нельзя написать на чужом языке. Это — не-подконтрольное. Это — высшее, где уже не материя, а дух языка кричит, не прикрытый коронным “приемом” автора, что иноязычно не выразить ни Пушкину, ни Цветаевой, ни Рильке — не сумели этого, — в стихах прорывается непере译имое, голое чувство, тоска, судьба, а не литература, вопит слово “выть” — такое редкое для хрустального интеллектуализма художника <...> Каждый, кто пробует писать стихи на неродном языке, расплывается банальностью за кощунство. Для меня, например, это — святотатство, я никогда не писал стихов по-английски, если не считать пары шуточных» [Вознесенский 1989: 97].

Муки писателя, в зрелом возрасте меняющего язык творчества, описал В. Набоков, который в эмиграции перешёл на английский: «Совершенно владея с младенчества и английским и французским, я бы перешёл для нужд сочинительства с русского на иностранный язык без труда, будь я, скажем, Джозеф Конрад, который до того, как начал писать по-английски, никакого следа в родной (польской) литературе не оставил, а на избранном языке (английском) искусно пользовался готовыми формулами. Когда, в 1940 году, я решил перейти на английский язык, беда моя заключалась в том, что перед тем, в течение пятнадцати с лишним лет, я писал по-русски и за эти годы наложил собственный

отпечаток на своё орудие, на своего посредника. Переходя на другой язык, я отказывался не от языка Аввакума, Пушкина, Толстого — или Иванова, няни, русской публицистики — словом, не от общего языка, а от индивидуального, кровного наречия. Долголетняя привычка выражаться по-своему не позволяла довольствоваться на новоизбранном языке трафаретами, — и чудовищные трудности предстоявшего перевоплощения, и ужас расставания с живым, ручным существом ввергли меня сначала в состояние, о котором нет надобности распространяться; скажу только, что ни один стоящий на определенном уровне писатель его не испытывал до меня» [Набоков 1990:133]. Оценки англоязычного творчества самого В. Набокова противоречивы. А. Вознесенский считает английские стихи Набокова неудачными [Вознесенский 1989:97], а другой поэт Евг. Витковский назвал чуть ли не лучшим стихами XX в. поэму, которой начинается английский роман В. Набокова «Бледное пламя».

Психолог Б.Г. Ананьев объясняет этот феномен законом психической асимметрии: ведущим языком билингва является тот, в котором проявляется наибольшее соответствие между мышлением и языковыми средствами. Остальные языки функционально слабее, и им отводится подсобная роль [Ананьев 1966]. Установлено, что в освоении материнского языка участвуют оба полушария, а в освоении любого следующего — в основном, левое. «Только на родном языке можно петь, писать стихи, признаваться в любви... На чужом языке, даже при отличном его знании, можно лишь преподавать язык, разговаривать о политике и заказывать котлету. Один язык у человека — два языка не покажешь» (А. Битов. Уроки Армении).

Существует, однако, и прямо противоположное мнение. Например, русская писательница Н. Берберова рассуждает так: «Набоков — единственный из русских авторов (как в России, так и в эмиграции), принадлежащий всему западному миру (или — миру вообще), не России только. Принадлежность к одной определенной национальности или к одному определенному языку для

таких, как он, в сущности, не играет большой роли: уже 70 лет тому назад началось совершенно новое положение в культурном мире — Стриндберг (в “Исповеди”), Уайльд (в “Саломее”), Конрад и Сантаяна иногда, или всегда, писали не на своём языке. Язык для Кафки, Джойса, Ионеско, Блакета, Хорхе Борхеса и Набокова перестал быть тем, чем был в узконациональном смысле 80 и 100 лет тому назад. И языковые эффекты, и национальная психология в наше время, как для автора, так и для читателя, не поддержанные ничем другим, перестали быть необходимостью. За последние 20—30 лет в западной литературе, вернее — на верхах её, нет больше “французских”, “английских” или “американских” романов. То, что выходит в свет лучшего, становится интернациональным. Оно не только тотчас же переводится на другие языки, оно часто издаётся сразу на двух языках, и -- больше того — оно нередко пишется не на том языке, на котором оно как будто должно было писаться. В конце концов становится бесспорным, что в мире существует по меньшей мере пять языков, на которых можно в наше время высказать то, что хочешь, и быть услышанным. И на каком из них это будет сделано — не столь уж существенно» [Берберова 1990:546—547]. Правда, десятью страницами ниже Н. Берберова с горечью пишет о «безвоздушном пространстве» (отсутствии страны, языка, традиций). Писать на чужом языке можно, но можно ли создать на нём великое произведение — вопрос остаётся открытым. Убедительного примера пока еще нет. Думается, что поистине великое художественное произведение — это энциклопедия духовной жизни этноса, народа, общества, колоссальный массив культурных смыслов, рассредоточенных в каждом отдельном слове и в каждой идиоме.

Вопросы и задания:

Выполните лингвокультурологический комментарий одного из предложенных текстов (Приложение 1), т.е. проанализируйте текст с точки зрения представленности в нем лингвокультурологических единиц, характеризующих русскую национальную языковую картину мира (ментальные факты) и отметьте элементы индивидуально-авторской картины мира (индивидуальные метафоры, эпитеты, сравнения, символы, образы и др. литературно-художественные приёмы, создающие неповторимый авторский стиль).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1

Тексты для лингвокультурологического анализа

Задание: выполните лингвокультурологический комментарий одного из предложенных ниже текстов, т.е. проанализируйте текст с точки зрения представленности в нем лингвокультурологических единиц, характеризующих русскую национальную языковую картину мира (ментальные факты) и отметьте элементы индивидуально-авторской картины мира (индивидуальные метафоры, эпитеты, сравнения, символы, образы и др. литературно-художественные приёмы, создающие неповторимый авторский стиль).

Константин Паустовский. Последний чёрт (отрывок)

Дед ходил за дикой малиной на Глухое озеро и вернулся с перекошенным от страха лицом. Он долго кричал по деревне, что на озере завелись черти. В [доказательство дед показывал](#) порванные штаны: черт якобы клюнул деда в ногу, порвал рядом и набил на колене большую ссадину.

Деду никто не верил. Даже сердитые старухи шамкали, что у чертей отродясь не было клювов, что черти на озерах не водятся и, наконец, что после революции чертей вообще нет и быть не может – большевики извели их до последнего корня.

Но все же бабы перестали ходить к Глухому озеру за ягодами. Им стыдно было признаться, что на двадцатом году революции они боятся чертей, и потому в ответ на упреки бабы отвечали нараспев, пряча глаза:

– И-и-и, милай, ягод нынче нетути даже на Глухом озере. Отродясь такого пустого лета не случилось.

Сам посудит: зачем нам зря ходить, лапти уродовать?

Деду не верили еще и потому, что он был чужак и неудачник. Звали деда «Десять процентов». Кличка эта была для нас непонятна.

– За то меня так кличут, милоч, – объяснил однажды дед, – что во мне всего десять процентов прежней силы осталось. Свинья меня задрала. Ну и была ж свинья – прямо лев! Как выйдет на улицу, хрюкнет – кругом пусто! Бабы хватают ребят, кидают в избу. Мужики выходят во двор не иначе как с вилами, а которые робкие, те и вовсе не выходят. Прямо турецкая война! Крепко дралась та свинья.

Ну слухай, что дальше было. Залезла та свинья ко мне в избу, сопит, зыркает на меня злым глазом. Я ее, конечно, тяпнул костылем. «Иди, мол, милая, к лешему, ну тебя!» Тут оно и поднялось! Тут она на меня и кинулась! Сшибла меня с ног; лежу я, кричу в голос, а она меня рветь, она меня терзает! Васька Жуков кричит: «Давай пожарную машину, будем ее водой отгонять, потому ныне убивать свиней запрещено!» Народ толчется, голосит, а она меня рветь, она меня терзает! Насилу мужики меня цепями от нее отбили. В больнице я лежал. Доктор прямо удивился. «От тебя, говорит, Митрий, по медицинской видимости, осталось не более как десять процентов». Теперь так и перебиваюсь на эти проценты. Вот она какая жизнь наша, милоч! А свинью ту убили разрывной пулей: иная ее не брала.

Вечером мы позвали деда к себе – расспросить о черте. Пыль и запах парного молока висели над деревенскими улицами – с лесных полян пригнали коров. Бабы кричали у калиток, заунывно и ласково, скликая телят:

– Тялуш, тялуш, тялуш!..

Дед рассказал, что черта он встретил на протоке у самого озера. там он кинулся на деда и так долбанул клювом, что дед упал в кусты малины, завизжал не своим голосом, а потом вскочил и бежал до самого Горелого болота.

– Чуть сердце не хряснуло. Вот какая получилась завертка!

– А какой из себя этот черт?

Дед заскреб затылок.

– Ну, вроде птица, – сказал он нерешительно. – Голос вредный, сильный, будто с простуды. Птица не птица, пес его разберет.

Николай Гоголь. Мертвые души (отрывок)

Но в это время, казалось, как будто сама судьба решила над ним сжалиться. Издали послышался собачий лай. Обрадованный Чичиков дал приказание погонять лошадей. Русский возница имеет доброе чутье вместо глаз; от этого случается, что он, зажмуря глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает. Селифан, не видя ни зги, направил лошадей так прямо на деревню, что остановился только тогда, когда бричка ударила оглоблями в забор и когда решительно уже некуда было ехать. Чичиков только заметил сквозь густое покрывало лившего дождя что-то похожее на крышу. Он послал Селифана отыскивать ворота, что, без сомнения, продолжалось бы долго, если бы на Руси не было вместо швейцаров лихих собак, которые доложили о нем так звонко, что он поднес пальцы к ушам своим. Свет мелькнул в одном окошке и достиг туманною струею до забора, указавши нашим дорожным ворота. <...>

Ворота отперлись. Огонек мелькнул и в другом окне. Бричка, въехавши во двор, остановилась перед небольшим домиком, который за темнотою трудно было рассмотреть. Только одна половина его была озарена светом, исходящим из окон; видна была еще лужа перед домом, на которую прямо ударял тот же свет. Дождь стучал звучно по деревянной крыше и журчащими ручьями стекал в подставленную бочку. Между тем псы заливались всеми возможными голосами: один, забросивши вверх голову, выводил так протяжно и с таким старанием, как будто за это получал бог знает какое жалованье; другой отхватывал наскоро, как пономарь; промеж них звенел, как почтовый звонок, неутомимый дискант, вероятно молодого щенка, и все это, наконец, поворачивал бас, может быть, старик, наделенный дюжею собачьей натурой, потому что хрипел, как хрипит певческий контрабас, когда концерт в полном разлив: тенора поднимаются на цыпочки от сильного желания вывести высокую ноту, и все, что ни есть, порывается кверху, закидывая голову, а он один, засунувши небритый подбородок в галстук, присев и опустившись почти до земли, пропускает отсюда свою ноту, от которой трясутся и дребезжат стекла. Уже по одному собачьему лаю, составленному из таких музыкантов, можно было предположить, что деревушка была порядочная; но промокший и озябший герой наш ни о чем не думал, как только о постели.

Николай Гоголь. Мертвые души (отрывок)

Лошадки расшевелились и понесли, как пух, легонькую бричку. Селифан только помахивал да покрикивал, плавно подсакивая на козлах, по мере того как тройка то взлетала на пригорок, то неслась духом с пригорка, которыми была усеяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть заметным накатом вниз. Чичиков только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушке, ибо любил быструю езду. И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «черт побери все!» – его ли душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое? Кажись, неведомая сила подхватила бы тебя на крыло к себе, и сам летишь, и все летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мельканье, где не успевает означиться пропадающий предмет, – и только небо над головою, да легкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижны. Эх, тройка! Птица тройка, кто тебя выдумал? Знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затянул песню – кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход – и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженным божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение? И что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони!

Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства.

Константин Паустовский. Золотая роза. Язык и природа (отрывок)

... Я, конечно, знал, что есть дожди морозящие, слепые, обложные, грибные, спорые, дожди, идущие полосами, – полосовые, косые, сильные окатные дожди и, наконец, ливни (проливни). Но одно дело – знать умозрительно, а другое дело – испытать эти дожди на себе и понять, что в каждом из них заключена своя поэзия, свои признаки, отличные от признаков других дождей. Тогда все эти слова, определяющие дожди, оживают, крепнут, наполняются выразительной силой. Тогда за каждым таким словом видишь и чувствуешь то, о чем говоришь, а не произносишь его машинально, по одной привычке.

С дождями связано много примет. Солнце садится в тучи, дым припадает к земле, ласточки летают низко, без времени голосят по дворам петухи, облака вытягиваются по небу длинными туманными прядями – все это приметы дождя. А незадолго перед дождем, хотя еще и не натянуло тучи, слышится нежное дыхание влаги. Его, должно быть, приносит оттуда, где дожди уже пролились. Но вот начинают капать первые капли. Народное слово «крапать» хорошо передает возникновение дождя, когда еще редкие капли оставляют темные крапинки на пыльных дорогах и крышах.

Потом дождь расходится. Тогда-то возникает чудесный прохладный запах земли, впервые смоченной дождем. Он держится недолго. Его вытесняет запах мокрой травы, особенно крапивы. Характерно, что независимо от того, какой будет дождь, его, как только он начинается, всегда называют очень ласково – дождиком. «Дождик собрался», «дождик припустил», «дождиком траву обмывает»...

Слово «спорый» означает – быстрый, скорый. Спорый дождь льется отвесно, сильно. Он всегда приближается с набегавшим шумом.

Особенно хорош спорый дождь на реке. Каждая его капля выбивает в воде круглое углубление, маленькую водяную чашу, подскакивает, снова падает и несколько мгновений, прежде чем исчезнуть, еще видна на дне этой водяной чаши. Капля блестит и похожа на жемчуг.

При этом по всей реке стоит стеклянный звон. По высоте этого звона догадываешься, набирает ли дождь силу или стихает.

А мелкий грибной дождь сонно сыплется из низких туч. Лужи от этого дождя всегда теплые. Он не звенит, а шепчет что-то свое, усыпительное, и чуть заметно возится в кустах, будто трогает мягкой лапкой то один лист, то другой. Лесной перегной и мох впитывают этот дождь не торопясь, основательно. Поэтому после него начинают буйно лезть грибы – липкие маслята, желтые лисички, боровики, румяные рыжики, опенки и бесчисленные поганки. Во время грибных дождей в [воздухе попахивает дымком и хорошо](#) берет хитрая и осторожная рыба – плотва.

О слепом дожде, идущем при солнце, в народе говорят: «Царевна плачет». Сверкающие на солнце капли этого дождя похожи на крупные слезы. А кому же и плакать такими сияющими слезами горя или радости, как не сказочной красавице царевне!

Сергей Козлов. Ёжик в тумане (сказка)

По вечерам Ёжик ходил к Медвежонку в гости. Они усаживались на бревнышке и, прихлебывая чай, смотрели на звездное небо. Оно висело над крышей – прямо за печной трубой. Справа от трубы были звезды Медвежонка, а слева – Ёжика...

Ёжик сначала шел по полю, потом вошел в лес, а когда вышел оттуда – за ним уже крался Филин. Но Ёжик и не подозревал об этом. Он шел, задрав мордочку к небу, заложив лапки с узелком за спину, и вдруг так остановился, что Филин чуть не налетел на него.

«Звезда!.. – подумал Ёжик о звезде в небе. И поглядел на звезду так, как будто впервые ее увидел. – И в луже...»

Ёжик послушал, спрыгнул на землю и снова, словно бросил камушек, гакнул:

– У-гу!

А на покосившийся колодезный сруб уже взгромоздился Филин. – Угу! – закричал он.

И тут заухали, прислушиваясь друг к другу, Филин и старый колодец. А Ёжик со своим узелком уже шагал дальше, сам про себя как бы беседа с Медвежонком.

– ... А он мне скажет... а он мне скажет: «Вот и самовар простыл. Надо бы веточек подбросить этих ... ну, как их ... можжевельных!» А я ему скажу ... а я ему скажу... а я ему скажу... И вдруг застыл: прямо перед ним из [тумана выплыла белая Лошадь](#). «А интересно, – подумал Ёжик, – если Лошадь ляжет спать, она захлебнется в тумане?» И он стал медленно спускаться с горки, чтобы попасть в туман и посмотреть, как там, внутри. «Вот. Ничего не видно. И даже лапы не видно».

– Лошадь! – позвал он. Но лошадь ничего не сказала.

И тут на Ёжика, шурша и осыпаясь, обрушилась тишина. Это был всего лишь сухой лист, но Ёжик так перепугался, что обеими лапами закрыл глаза. А когда выглянул – из-под листа, таинственно покачивая своим домиком, медленно уплыла в туман Улитка... Ёжик осторожно приподнял сухой лист...

«А-ха, а-ха!» – вздымая боками и раздуваясь до неба, задышал Слон. Или это был не Слон? Потому что через секунду уже никого не было... Ёжик аккуратно положил лист на место и, пятясь, на цыпочках, ушел в туман...

. И сразу же из тумана выглянула большая добрая голова Лошади. Голова вкусно, по лошадиному, пофыркивала и хрустела травой. «Фр-р-р!» – вздохнула лошадиная голова, и сухой лист, как живой, взметнулся и ополз в сторону.

«Вз-з-з!» – зазвенело где-то вдали.

«Вз-з-з!» – зазвенело у Ёжика над головой.

Это, криво свернув, метнулась и проплыла летучая мышь. Ёжик даже не успел перепугаться, как зазвенели тихие колокольчики, и над ним, как тополиные листочки под ветром, засеребрилась стайка ночных бабочек.

– Хе-хе-хе-хе-хе! – обрадовался Ёжик и даже представил себя ночной бабочкой и немного поплясал в воздухе, – как вдруг из тумана, как из форточки, снова выскочил Филин.

– Угу! У-гу-гу-гу-гу-гу!.. – закричал он. «Псих», – подумал Ёжик, поднял сухую палку и, взяв ее наперевес, двинулся сквозь туман. Палка, как слепая, блуждала в тумане, пока не уперлась во что-то твердое. «Тук-тук-тук!» – постучал Ёжик. Положил узелок и, перебирая по палке лапами, увидел перед собой дерево с огромным дуплом.

– А-га! – как бы пробуя голос, осторожно выдохнул Ёжик.

– «А-а-а!» – загудело дерево.

Ёжик попятился и вдруг вспомнил про узелок. Он метнулся назад, вернулся, бросился вперед, крутнулся на месте. Узелка не было... Ёжик сорвал травинку, на которой сидел Светлячок и, высоко подняв ее над головой, как со свечой, наклоняясь и вглядываясь себе под ноги, побрел в тумане. Деревья, как мачты, тонули во мгле. Светлячок – маленький зеленый маяк – еле-еле теплясь, покачивался в тумане, освещая дорогу. Но и он упал в траву и погас. И вдруг:

– Ё-ёж-и-и-к!.. – будто с края земли донесся родной крик Медвежонка. Ёжик побежал на голос, но тут все закружилось у него в голове: Слон, Улитка, Летучая мышь, бабочки, Лошадь, лист, Слон. Ёжик упал в траву и закрыл глаза. И тут из тумана появилась Собака. Она поставила перед Ёжином узелок, зевнула во всю свою собачью пасть и пропала в тумане.

– Ё-ёжи-и-ик! – снова донесся издалека крик Медвежонка.

– О-го-го-го-го! – рванулся на крик Ёжик, но – бул-тых! – упал в воду. «Я – в реке», – сообразил Ёжик и похолодел от страха. «Пусть река сама несет меня», – немного погодя решил он. И его понесло вниз по течению. Где-то в деревне тоненько играла балалайка... «Я совсем промок. Я скоро утону», – думал Ёжик. Вдруг кто-то дотронулся до его задней лапы.

– Извините... – беззвучно спросил кто-то. – Кто вы и как сюда попали?

– Я – Ёжик, – тоже беззвучно ответил Ёжик. – Я упал в реку.

– Тогда садитесь ко мне на спину, – беззвучно проговорил кто-то. – Я отвезу вас на берег. Ёжик сел на чью-то узкую скользкую спину и через минуту оказался на берегу.

– Спасибо! – вслух сказал он.

– Не за что! – беззвучно выговорил кто-то, кого Ёжик даже не видел, и пропал в волнах...

... Ёжик с узелком сидел на бревнышке и смотрел прямо перед собой остановившимися глазами.

– Где же ты был? – плюхнулся рядом запыхавшийся Медвежонок. – Я звал, звал, а ты – не откликнулся!..

Ёжик ничего не сказал. Он только чуть скосил глаза в сторону Медвежонка...

– ... А я и самовар раздул, и веточек... этих... как их?..
– Можжевельных, – подсказал Ёжик.
– ... Чтобы дымок пах! И креслице придвинул! Ведь кто же, кроме тебя, звезды-то считать будет?! Вот, думаю, сейчас придешь, сядем... Медвежонок говорил, говорил, а Ёжик думал: «Все-таки хорошо, что мы снова вместе».
И еще Ёжик думал о Лошади. Как она там, в тумане...

Александр Пушкин. Капитанская дочка (отрывок)

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими саями. Вдруг ямщик стал поглядывать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал:

– Барин, не прикажешь ли воротиться?
– Это зачем?
– Время ненадежно: ветер слегка подымается; – вишь, как он сметает порошу.
– Что ж за беда!
– А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)
– Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.
– А вон – вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдаленный холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

Я слышал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно со мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силен; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал; но все поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облежала небо. Пошел мелкий снег – и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин, – закричал ямщик, – беда: буран!»...

Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом – и скоро стали. «Что же ты не едешь?» – спросил я ямщика с нетерпением. «Да что ехать? – отвечал он, слезая с облучка, – невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом». Я стал было его бранить. Савельич за него заступился ... и был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел я что-то черное. <...>

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою степи на необозримой. Лошади были запряжены.

Александр Пушкин. «Евгений Онегин» (отрывок)

Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет: известно это,
Хоть мы признаться не хотим.
Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван

Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.
Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчицею голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит – и путник осторожный
Несется в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовет его рожок;
В избушке распевая, дева
рядет, и, зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней.
И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы розы;
На, вот возьми ее скорей!)
Опрятней модного паркета
Блестит речка, льдом одета.
Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед;
На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед,
Скользит и падает; веселый
Мелькает вьется первый снег,
Звездами падает на брег.

Марина Цветаева. «Монолог»

Уж сколько их упало в эту бездну, разверстую вдали,
Настанет день, когда и я исчезну с поверхности земли,
– Застынет всё, что пело и боролось, сияло и рвалось,
И зелень глаз моих, и нежный голос, и золото волос.
И будет жизнь – с её насущным хлебом, забывчивостью дня,
И будет всё – как будто бы под небом и не было меня
– Изменчивой, как дети в каждой mine, и так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине становятся золой,
Виолончель и кавалькады в чаще, и колокол в селе –
Меня такой живой и настоящей на ласковой земле.
К вам всем, что мне – ни в чём не знавшей меры – чужие и свои,
Я обращаюсь с требованьем веры и с просьбой о любви!
За то, что мне прямая неизбежность – прощение обид,
За всю мою безудержную нежность и слишком гордый вид,
За быстроту стремительных событий, за правду, за игру,
Послушайте, ещё меня любите за то, что я умру.
К вам всем, что мне – ни в чём не знавшей меры – чужие и свои,
Я обращаюсь с требованьем веры и с просьбой о любви!

I ВАРИАНТ

- 1.....анализ реконструируемых слов и их соотнесение с денотатами (объектами внеязыковой действительности, которые имеет в виду говорящий, произнося данный речевой отрезок) позволяют установить культурно-экологические и историко-географические характеристики этих денотатов.
- А) Синтаксический
 Б) Морфологический
 В) Компонентный
 Г) Семантический
2. безэквивалентные языковые единицы (по Е.М.Верещагину и В.Г.Костомарову) - обозначения специфических для данной культуры явлений.
- А) реалии
 Б) образы
 В) концепты
 Г) обряды
3. важная языковая сущность, в которой содержится основная информация о связи слова с культурой
- А) Ритуал
 Б) Цивилизация
 В) Образ
 Г) Обряд
- 4..... изучает язык как феномен культуры
- А) История
 Б) Психология
 В) Лингвокультурология
 Г) Лингвистика
5. исследования лингвокультурологии являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания -архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и поговорках и т.д.
- А) Предметом
 Б) Методом
 В) Объектом
 Г) Приемом
- 6.....несколько десятков лет тому назад писал: «Свойства языка настолько своеобразны, что можно, по существу, говорить о наличии у языка не одной, а нескольких структур, каждая из которых могла бы послужить основанием для возникновения целостной лингвистики»
- А) Л.Витгенштейн
 Б) Б.Уорф
 В) Э.Бенвенист
 Г) Э.Сепир
- 7..... одна из первых наук о человеке и его культуре, которая исследовала поведение человека, становление норм, запретов, табу, связанных с включенностью человека в систему социокультурных отношений, влияние культуры на половой диморфизм, любовь как культурный феномен, мифологию как культурное явление и другие проблемы
- А) Лингвокультурология
 Б) Антропология
 В) Биология
 Г) История
- 8..... определяет цивилизацию как культурную общность высшего ранга, высший уровень культурной идентичности людей
- А) Ю.С.Степанов

Б) Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров

В) В.А.

Маслова

Г) СХантингтон

9.....осознание членами этноса своего группового единства и отличия от других аналогичных формирований

А) Культурный фон

Б) Этническое самосознание

В) Культурное своеобразие

Г) Этническая культура

10парадигма была первой научной парадигмой в лингвистике, поскольку сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка

А) Сопоставительная

Б) Антропоцентрическая

В) Сравнительно-историческая

Г) Сравнительная

11..... парадигма выводит на первое место человека, а язык считается главной конституирующей характеристикой человека, его важнейшей составляющей

А) Сравнительная

Б) Антропоцентрическая

В) сопоставительная

Г) Историческая

12.подход акцентирует внимание на употреблении символов в культуре

А) типологический

Б) информационный

В) символический

Г) диалогический

13..... полагает, что этнолингвистика и социоллингвистика -это принципиально разные науки

А) В.А.Маслова

Б) В.Н.Телия

В) Э.Сепир

Г) О.Шпенглер

14. понимается как единство двух противоположных, но одинаково хорошо обоснованных суждений в культуре

А) Ритуал

Б) Прием

В) Антиномия

Г) Обряд

15..... проявляется во всем: в том, как люди работают, отдыхают, едят, как говорят в различных обстоятельствах и т.д.

А) Фольклорная традиция

Б) Цивилизация

В) Культурный фон

Г) Этническое своеобразие

16.славянской, как и любой другой культуры в ее наиболее древнем виде, основана на взаимодействии языкознания, этнографии, фольклористики, археологии, культурологии

А) Классификация

Б) История

В) Реконструкция

Г) Модификация

17..... служит средством накопления и хранения культурно -значимой информации

А) Образ

Б) Язык

В) Ритуал

Г) Речь

18.....считает, что лингвокультурология исследует только синхронные взаимодействия языка и культуры

А) О.Шпенглер

Б) Э.Сепир

В) В.А.Маслова

Г) В.Н.Телия

19.....считает, что объектом лингвокультурологии является культурная информация не только сугубо национальная, но и общечеловеческая, например, закодированная в Библии, т.е. универсалии, присущие разным культурам.

А) В.Н.Телия

Б) Б.Уорф

В) В.А.Маслова

Г) О.Шпенглер

20..... человечества представляет собой совокупность этнических культур, которые многообразны, потому что действия разных народов, направленные на удовлетворение одних и тех же потребностей, различны.

А) Культура

Б) Цивилизация

В) Наследие

Г) Традиция

21.....языковая, традиционно-культурная общность людей, связанных общностью представлений о своем происхождении и исторической судьбе, общностью языка, особенностей культуры и психики, самосознанием группового единства

А) Речь

Б) Язык

В) Обряд

Г) Этнос

22.парадигма -это переключение интересов исследователя с объектов познания на субъекта.

А) Научная

Б) Описательная

В) Антропоцентрическая

Г) Герменевтическая

23. В 1960- е годы в России как самостоятельная наука о культуре сформировалась

А) культурология

Б) история

В) этнография

Г) лингвокультурология

24. В процессе формирования новой научной парадигмой -антропоцентрическойбыл провозглашен тезис: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей»

А) В.Н.Телия

Б) О.Шпенглер

В) Л.Вигенштейн

Г) В.А.Маслова

25. Важнейшее свойство культуры, которое делает практически невозможной выработку единого и непротиворечивого определения культуры, -это не просто ее сложность и многоаспектность, но ее

А) антиномичность

Б) полемичность

В) повсеместность

Г) универсальность

26. Вопрос о парадигме как модели постановки проблем и совокупности

- приемов их решения встал перед исследователями после выхода в свет в 1962 г. известной книги«Структура научных революций»
- А) Т.Куна
Б) Б.Уорфа
В) Л.Витгенштейна
Г) Э.Сепира
27. Идея языка -ключевая в современной лингвистике.
А) антропоцентричности
Б) образности
В) уникальности
Г) многофункциональности
28. Ключевые понятия когнитивной лингвистики -это понятие и ее обработки человеческим разумом, понятия структур знания и их репрезентации в сознании человека и языковых формах
А) методики
Б) статистики
В) связности
Г) информации
29. Крупнейший историк XX в.цивилизациями называет различные типы общества, т.е. фактически любой отдельный социокультурный мир
А) А.Тойнби
Б) С.Хантингтон
В) Э.Сепир
Г) Б.Уорф
30. Лингвистическая теория основывается на том, что культура того или иного народа формируется под влиянием языка, который используется в данном языковом континууме.
А) Сепира-Уорфа
Б) Ю.С.Степанова
В) Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова
Г) В.А.Масловой
31. Лингвострановедение и лингвокультурология разнятся тем, что лингвострановедение изучает собственно, нашедшие отражение в языке.
А) национальные реалии
Б) метафоры
В) образы
Г) факты
32. Основные направления в современной лингвистике, формирующиеся в рамках антропоцентрической парадигмы, - это когнитивная лингвистика и
А) психология
Б) лингвокультурология
В) история
Г) лингвистика
33. Первоначальное определение культуры в научной литературе принадлежит
А) В. фон Гумбольдту
Б) Б.Уорфу
В) Э.Сепиру
Г) Э.Тайлору
34. По....., цивилизация есть завершение и исход культуры
А) А.Шпету
Б) В.А.Масловой
В) Е.М.Верещагинуи В.Г.Костомарову
Г) Ю.С.Степанову
35. Понятие является базовым для лингвокультурологии

- А) обряда
Б) ритуала
В) культуры
Г) образа
36. При подходе культура понимается как свойственный человеку способ удовлетворения потребностей, как особый род деятельности.
А) духовном
Б) информационном
В) символическом
Г) деятельностном
37. При подходе культура -это совокупность норм и правил, регламентирующих жизнь людей, программа образа жизни
А) символическом
Б) нормативном
В) информационном
Г) духовном
38. При подходе относятся к культуре как ко множеству текстов
А) герменевтическом
Б) духовном
В) символическом
Г) информационном
39. Приверженцыподход а определяют культуру как духовную жизнь общества, как поток идей и других продуктов духовного творчества.
А) духовного
Б) типологического
В) символического
Г) информационного
40. Примером метакультурой, которая объединяет разные народы, может быть
А) пение
Б) образование
В) христианская культура
Г) семья
41. Школа лингвокультурологии, которая по методологии близка концепции Э.Бенвениста, имеет своей целью описание констант культуры в их диахроническом аспекте.
А) У. Сепира
Б) В.А. Масловой
В) Е.М. В ерещагина и В.Г. Костомарова
Г) Ю.С. Степанова
42. Сейчас определений культуры, по мнению П.С.Гуревича, уже четырехзначное число, что свидетельствует не столько об интересе к явлению, сколько о
А) кризисе методологии
Б) методологических трудностях современной культурологии.
В) двусмысленном положении науки
Г) распаде научного знания
43. Социально заданные и культурно-специфические правила речевого поведения людей в ситуациях общения в соответствии с их социальными и психологическими ролями, ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановках общения -это
А) речевой этикет
Б) ритуалы
В) культурный фон
Г) обряды
44. Чтобы отразить сложнейшую сущность языка,представил его в

виде нескольких образов, поскольку ни один из этих образов не способен полностью отразить все стороны языка.

- А) О. Шпенглер
- Б) Т. Кун
- В) В. фон Гумбольдт
- Г) Ю.С. Степанов

45. Школаизвестна в России и за рубежом как Московская школа лингвокультурологического анализа фразеологизмов

- А) Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова
- Б) В.А.Масловой
- В) В.Н.Телия
- Г) У.Сепир

II Вариант

1.исследует самосознание человека по отношению к природе, обществу, истории, искусству и другим сферам его социального и культурного бытия

- А) Лингвокультурология
- Б) История
- В) Психология
- Г) Культурология

2.лингвокультурологии -это совокупность аналитических приемов, операций и процедур, используемых при анализе взаимосвязи языка и культуры

- А) Предмет
- Б) Объект
- В) Методы
- Г) Субъект

3.....парадигма была первой научной парадигмой в лингвистике

- А) Сравнительная
- Б) Историческая
- В) Сравнительно-историческая
- Г) Антропологическая

4..... понимал культуру как комплекс, включающий знания, верования, искусства, законы, мораль, обычаи и другие способности и привычки, обретенные человеком как членом общества

- А)В. фон Гумбольдт
- Б) Э. Сепир
- В) Э. Тайлор
- Г) Б. Уорф

5.рассматривает мировоззрение, которое отображается и фиксируется в языке в виде ментальных моделей языковой картины мира

- А) Лингвокультурология
- Б) История
- В) Языкознание
- Г) Психология

6.система действий, совершаемых по строго установленному порядку, традиционным способом и в определенное время

- А) Образ
- Б) Ритуал
- В) Культурный фон
- Г) Обряд

7.....сущность, измеряющая свойства и качества предметов, явлений, объектов.

- А) Ритуал
- Б) Образ
- В) Культура
- Г) Эталон

8..... понимал культуру как комплекс, включающий знания, верования, искусства, законы, мораль, обычаи и другие способности и привычки, обретенные человеком как членом общества.

- А) В. фон Гумбольдт
- Б) Э. Сепир
- В) Э. Тайлор
- Г) Б. Уорф

9.....система действий, совершаемых по строго установленному порядку, традиционным способом и в определенное время.

- А) Образ
- Б) Ритуал
- В) Культурный фон
- Г) Обряд

10.....считает, что объектом лингвокультурологии является культурная информация не только сугубо национальная, но и обще человеческая, например, закодированная в Библии, т.е. универсалии, присущиеразным культурам.

- А) В.А. Маслова
- Б) В.Н. Телия
- В) Э. Сепир
- Г) О. Шпенглер

11.считал, что культура содержит в себе только вечные, непроходящие ценности, устремление к идеалу; у цивилизации же кроме положительного есть тупики, изгибы, ложные направления, она устремлена к удобному устройству жизни.

- А) О. Шпенглер
- Б) У. Сепир
- В) Б. Уорф
- Г) Д.С. Лихачев

12..... -это имена абстрактных понятий, поэтому культурная информация здесь прикрепляется к сигнификату, т.е. понятийному ядру

- А) Ритуалы
- Б) Образы
- В) Обряды
- Г) Культурные концепты

13. Антропоцентрическая парадигма выводит на первое место....., а язык считается главной конституирующей характеристикой человека, его важнейшей составляющей.

- А) язык
- Б) человека
- В) культуру
- Г) речь

14.В основе лежит представление о культуре как системе символов, специфически человеческом способе познания, организации и ментального структурирования мира.

- А) история
- Б) когнитивной антропологии
- В) лингвокультурология
- Г) этнография

15. В процессе формирования новой научной парадигмой был провозглашен тезис: «Мир есть совокупность, а не вещей»

(Л.Витгенштейн).

- А) фактов
- Б) приемов
- В) реалий
- Г) предметов

16. Весь XIX в. прошел под эгидой парадигмы.

- А) антропоцентрической
- Б) логической
- В) сопоставительной

Г) сравнительно-исторической

17. Для лингвокультурологии важным направлением в антропологии следует считать

- А) этнографию
- Б) историю
- В) когнитивную антропологию
- Г) психолингвистику

18. Как следует из этимологии слова, оно подразумевало первоначально целенаправленное воздействие человека на природу (например, обработку земли, позднее –воспитание и обучение самого человека).

- А) «умение»
- Б) «опыт»
- В) «культура»
- Г) «обычай»

19. Ключевые понятияэто понятие информации и ее обработки человеческим разумом, понятия структур знания и их репрезентации в сознании человека и языковых формах.

- А) культурологии
- Б) истории
- В) когнитивной лингвистики
- Г) лингвокультурологии

20. Лингвокультурология имеет своим предметом

- А) и язык, и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии
- Б) культуру
- В) речь
- Г) язык

21. С XVIII в. под ___ начинают понимать все, что появилось благодаря деятельности человека, его целенаправленным размышлениям.

- А) цивилизацией
- Б) наукой
- В) культурой
- Г) историей

22. С позиций антропоцентрической парадигмы,..... познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем.

- А) человек
- Б) язык
- В) речь
- Г) образ

23. С точки зрения....., культура -это то, что можно обрести только собственным духовным усилием, цивилизация же -то, чем можно воспользоваться, что можно отнять.

- А) Ю.С. Степанова
- Б) В.А. Масловой
- В) Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова
- Г) М.К. Мамардашвили

24.....она появилась на стыке философии, истории, антропологии, социологии, психологии, этнологии, этнографии, лингвистики, искусствоведения, семиотики, информатики, синтезируя данные этих наук под единым углом зрения.

- А) когнитивная психология
- Б) культурология
- В) психолингвистика
- Г) этнолингвистика

25. Определенное видение мира сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности, изучает

- А) история

- Б) лингвистика
В) культурология
Г) лингвокультурология
26. О связи языка и культуры писали, Б. Уорф, Э. Сепир и многие другие.
А) В. фон Гумбольдт
Б) Платон
В) Панини
Г) Софокл
27. Передача культурных ценностей, информации, значимой для культуры, - это
А) культурное наследование
Б) обряды
В) концепты
Г) образы
28. По мнению __, культура имеет душу; цивилизация же имеет лишь методы и орудие.
А) Н.А. Бердяева
Б) Ю.С. Степанова
В) Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова
Г) В.А. Масловой
29. При подходе культура представлена как система создания, хранения, использования и передачи информации, это- система знаков, используемых обществом, в которой зашифрована социальная информация, т.е. вложенные людьми содержание, значение, смысл
А) информационном
Б) типологическом
В) диалогическом
Г) символическом
30. При подходе культура трактуется как совокупность духовных и материальных ценностей, создаваемых людьми.
А) символическом
Б) духовном
В) деятельностном
Г) ценностном
31. При подходе перечисляются отдельные элементы и проявления культуры - обычаи, виды деятельности, ценности, идеалы и т.д.
А) символическом
Б) ценностном
В) описательном
Г) деятельностном
32. При.....подходе характеризуют культуру через функции, которые она выполняет в обществе: информационную, адаптивную, коммуникативную, регулятивную, нормативную, оценочную, интегративную, социализации и др.
А) функционалистском
Б) духовном
В) символическом
Г) информационном
33. Приподходе культура -«диалог культур» (В. Библер)
-форма общения ее субъектов (В. Библер, С.С. Аверинцев, Б.А. Успенский)
А) информационном
Б) диалогическом
В) типологическом
Г) символическом
34. Совокупность наиболее ценных элементов социального и культурного наследия -это
А) культурные традиции
Б) концепты

- В) образы
Г) обряды
35. Современный американский исследователь С.Хантингтон выделяеткрупных цивилизаций.
А) 8
Б) 6
В) 9
Г) 5
- 36.Т. Кун предлагает рассматривать как научное сообщество, которое руководствуется в своей исследовательской деятельности определенной совокупностью знаний и подходом к объекту исследования (в данном случае -языку).
А) науку
Б) группу
В) парадигму
Г) школу
- 37.Характеристика номинативных единиц (слов и фразеологизмов), обозначающих явления социальной жизни и исторические события, -это
А) культурный фон
Б) концепты
В) обряды
Г) образы
- 38.Эллины считали не воспитанность, аглавным отличием от некультурных варваров.
А) умение красиво говорить
Б) грамотность
В) умение писать
Г) культурность
39. Чтобы отразить сложнейшую сущность языка, Ю.С. Степанов представил его в виде нескольких __, поскольку ни один из них не способен полностью отразить все стороны языка.
А) тем
Б) образов
В) групп
Г) систем
- 40.Школа лингвокультурологии, созданная в Российском университете дружбы народов В.В. Воробьевым, В.М. Шаклеиным и др., развивает концепцию
А) В.А. Масловой
Б) В.Н. Телия
В) У. Сепира
Г) Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова
- 41.Школа исследует универсальные термины культуры, извлекаемые из текстов разных времен и народов.
А) Н.Д. Арутюновой
Б) У. Сепира
В) В.А. Масловой
Г) Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова
42. Типологический подход к культуре предлагают Встречаясь с представителями другого народа, люди склонны воспринимать их поведение с позиций свой культуры, т.е. как бы «мерить их на свой аршин».
А) М. Мамардашвили, С.С. Аверинцев
Б) Б. Уорф, Э. Сепир
В) В.А. Маслова, В.Н. Телия
Г) А. Тойнби, О. Шпенглер
43. Считается, что важнейшая черта русских __, поэтому их отличает чувство принадлежности к определенному обществу, теплота и эмоциональность взаимоотношений.

- А) лень
- Б) коллективизм (соборность)
- В) приветливость
- Г) радушие

44. Развивая свою концепцию культуры, немецкий философ в своей работе «Закат Европы», изданной в 1918 г. (на русский язык переведена в 1993 г.), пишет, что у каждой культуры есть своя цивилизация, которая является, по сути, смертью культуры.

- А) С. Хантингтон
- Б) Б. Уорф
- В) А. Тойнби
- В) О. Шпенглер

45. Лингвострановедение и лингвокультурология различаются тем, что лингвострановедение изучает собственно, нашедшие отражение в языке.

- А) национальные реалии
- Б) метафоры
- В) образы
- Г) факты.

Приложение №3

ГЛОССАРИЙ

Архетип - генетически фиксированные древние образы и социально-культурные идеи, которые являются достоянием «коллективного бессознательного» и лежат в основе художественного творчества. Эти первичные образы и идеи воплощаются в виде символов в мифах и верованиях, в произведениях литературы и искусства. (К. Юнг)

Безэквивалентная лексика – слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями. Обозначаемые ими понятия или предметы мысли уникальны и присущи только данному миру и, соответственно, языку; случай языковой недостаточности.

Вежливость – национально-специфическая коммуникативная категория, содержанием которой является система ритуализованных стратегий коммуникативного поведения (вербального и невербального), направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соблюдение общественно-принятых норм при интеракционной коммуникации (установлении, поддержании и завершении межличностного контакта) и определяющих выбор наиболее оптимальных коммуникативных средств.

Гипотеза лингвистической относительности – гипотеза разработана американскими лингвистами Э. Сепиром и Б. Уорфом. Основу гипотезы составляет убеждение, что структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. Для сторонников этой точки зрения реальный мир существует так, как он отражается в языке: люди, говорящие на разных языках, по-разному смотрят на мир.

Инкультурация – освоение индивидом миропонимания и поведения, присущих его культуре, в результате чего формируется его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство представителей данной культуры и отличие от представителей других культур.

Концепт - основная ячейка культуры в ментальном мире человека, основной элемент культуры данного этноса (Д.С.Лихачёв, Ю.С.Степанов и др.).

У него нет формы, потому что он сам внутренняя форма смысла, который в каждой культурной среде воспроизводит собственные содержательные формы (В.В.Колесов). Ср.: Это дискретная содержательная единица коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти в вербально обозначенном виде (П.А.Бабушкин).

Концептосфера – это чисто мыслительная сфера, состоящая из концептов, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира для носителей этноса

Роннотативный компонент лексического значения слова – это дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые

накладываются на его основное значение и служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринужденность, фамильярность.

Культура по происхождению связана с земледельческим трудом. В переводе с латинского языка «культура» - это возделывание, обработка, уход,

улучшение. Впоследствии оно получило другое значение: просвещённость, образованность, воспитанность человека. Эти два значения слова «культура» отражены в словаре В.И. Даля: это «обработка и уход, возделывание, возделка; это образование умственное и нравственное».

Культура (по Гегелю) – это созданная человеком «вторая природа». Она включает всё произведённое и накопленное человечеством материальное и духовное богатство.

Культурная (понятийная) картина мира – отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание, как коллективное, так и индивидуальное.

Культурные традиции – совокупность наиболее ценных элементов социального и культурного наследия.

Культурное пространство – форма существования культуры в сознании ее представителей. Культурное пространство соотносимо с когнитивным пространством (индивидуальным и коллективным), т.к. оно формируется совокупностью всех индивидуальных и коллективных пространств всех представителей данной культурно-национальной общности. Например, русское культурное пространство, английское культурное пространство и т.д.

Культурные семы – более мелкие и более универсальные, чем слово, семантические единицы, семантические признаки. Например, у слов «самовар», «лапти», «щи» можно выделить такие культурные семы: лапти – крестьянская обувь, плетенная из лыка; самовар – сосуд с топкой внутри, для чаепития русских; щи – кушанье из рубленой капусты, пища русских.

Культурная ценность – это содержание духовной ценности, значимой для широкого круга субъектов, как отдельных индивидов, так и различных социальных групп (сословий, корпораций, религиозных конфессий, классов, народов, наций или всего человечества).

Культурно значимый текст – вербальные и невербальные тексты, имеющие особое значение для определенной культуры, так как они создают и содержат культурные смыслы, важные для ее интерпретации, понимания.

Лакуна – явление, возникающее в результате отсутствия в одном из сопоставляемых языков, наименования того или иного понятия, имеющегося в другом языке; многочисленные концепты, не имеющие средств языкового выражения в национальной языковой системе.

Лакуны Мотивированные в языке объясняются отсутствием соответствующего предмета или явления в национальной культуре. **Лакуны Немотивированные** в языке объясняются коммуникативной нерелевантностью предмета или явления для народа.

Лакуна Лексическая – это отсутствие слова или устойчивого словосочетания, фразеологической единицы в лексико-семантической системе языка при наличии соответствующей потенциальной семемы в условиях имеющейся в языке лексической парадигмы и при наличии концепта.

Лакуна Семантическая – отсутствие слова и семемы при наличии концепта. **Лакуна Когнитивная** (концептуальная) – отсутствие слова и концепта. **Лакуны Внутриязыковые** – отсутствие слова в языке, выявляемое на фоне наличия близких по семантике слов внутри той или иной лексической парадигмы.

Лакуны Межъязыковые – отсутствие лексической единицы в одном из языков при ее наличии в другом

Лингвокультура – комплексная межкультурная единица, представляющая собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического содержания. Если сфера слова ограничена языком, то сфера лингвокультуры распространяется и на предметный мир. Лингвокультуры образуют полевые структуры (В.В. Воробьев).

Лингвокультурология – комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей).

Лингвострановедение – дидактический аналог социолингвистики, развивающий идею о необходимости слияния обучения иностранному языку

как совокупности форм выражения с изучением общественной и культурной жизни носителей языка.

Лингвокультурологическая компетенция – определённая «картина мира», исторически сложившаяся для нации и существующая в своих общих чертах и специфике у каждого индивидуума; знание идеальным говорящим-слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке.

Лингвокультурная парадигма – это совокупность языковых форм, отражающих этнически, социально, исторически, научно и т.д. детерминированные категории мировоззрения. Лингвокультурная парадигма объединяет концепты, категориальные слова, прецедентные имена культуры и т.д. Языковые формы – это основа парадигмы, которая как бы «прошита» значимыми представлениями.

Логоэпистемы (эпистема – греч. знание) – знания, хранимые в единице языка; знак, который требует осмысления на уровне языка (означающее) и на уровне культуры (означаемое). Это цитаты, пословицы, афоризмы, «говорящие» имена и крылатые слова.

Межкультурная коммуникация – обычно определяется как адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам. Этот термин здесь используется для обозначения речевых и невербальных актов, которые обеспечивают взаимопонимание и социальное взаимодействие двух или более коммуникантов, принадлежащих к различным национальным или корпоративным культурам и использующих определённые средства для передачи информации

Ментальность – это система взглядов, ценностных ориентаций, умозаключений, особенностей поведения, которая закрепились в народном сознании, в культурных стереотипах; **менталитет** – это то, что отличает одни общности от других. Любой народ вырабатывает особые принципы отношения человека к Миру, к Богу, к Человеку и делает это на своем родном языке и во многом с помощью языка.

Национальный культурный стереотип – социокультурно маркированная единица ментально-лингвального комплекса представителя определённой этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения (Ю.Е. Прохоров).

Национальный характер – совокупность специфических психологических черт нации, ставших свойственными для людей данной национальности. Национальный характер проявляется в способе поведения, в складе ума, образе мыслей, в обычаях, традициях, вкусах и т.п. Важной чертой национального характера выступает темперамент.

Невербальная коммуникация – форма общения людей посредством жестов, мимики, телодвижений и ряда других средств, т.е. без использования речи и слов.

Невербальный язык – система символов, знаков, жестов, используемых представителями данной культуры для облегчения процесса коммуникации. **Норма** – условие существования и культуры, и литературного языка (Тер-Минасова С. Г.).

Прецедентное высказывание – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу, оно неоднократно воспроизводится в речи (Д.Б. Гудков).

Прецедентный текст (ПТ) – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; полипредикативная единица; сложный знак, сумма значений которого не равна его смыслу; ПТ хорошо знаком любому среднему члену национально-лингво-культурного сообщества; обращение к ПТ может многократно возобновляться в процессе коммуникации через связанные с этим текстом прецедентные высказывания или прецедентные имена. К числу ПТ принадлежат произведения художественной литературы («Евгений Онегин», «Война и мир», «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Фауст»), музыкальные произведения («Лебединое озеро», «Кармен», «Щелкунчик»), живописные произведения («Три богатыря», «Явление Христа народу», «Грачи прилетели»), тексты песен, слоганы рекламы, анекдоты, политические публицистические лозунги и тексты.

Прецедентное имя (ПИ) – индивидуальное имя, связанное или с широко известным прецедентным текстом или прецедентной ситуацией (Онегин, Ленский, Татьяна, Печорин, Теркин, Иван Сусанин, Куликово поле, Бородино, Курская Дуга).

Реальная картина мира – объективная внечеловеческая данность, мир, окружающий человека.

Речевой этикет - это система устойчивых форм общения, принятых в соответствии с социальными ролями общающихся.

Семантическое пространство языка – это та часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков. Вся совокупность значений, передаваемых языковыми знаками данного языка, образует семантическое пространство данного языка.

Социолингвистика – раздел языкознания, изучающий обусловленность языковых явлений и языковых единиц социальными факторами: с одной стороны, условиями коммуникации (временем, местом, участниками, целями и т.п.), с другой стороны, обычаями, традициями, особенностями общественной и культурной жизни говорящего коллектива.

Страноведение – это совокупность знаний о стране. Нельзя по-русски сказать: я сегодня утром лечу во Владивосток, позвони мне вечером, потому что вечером я только долечу до Владивостока: надо знать, что страна большая. Этому надо учить иностранцев, это связано с методикой преподавания языка иностранцам. Это дидактический аналог социолингвистики, это социолингвистика, приложенная к преподаванию иностранных языков, и русского, как иностранного, в частности. Изучение языков в коммуникативном плане (язык как средство общения) невозможно без социокультурного компонента, без которого язык превращается в мёртвый, и все искусственные языки не живут, потому что у них нет этого фона (см. труды Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова).

Символ – универсальная категория, отражающая специфику образного освоения жизни искусством содержательный элемент художественного произведения, рассматриваемый в своем знаковом выражении.

Субкультура – второстепенная, подчиненная культурная система (молодежная субкультура и т.п.).

Сравнение – фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым (Ахманова).

Универсальная ценность – ценность, значимая для мирового сообщества.

Устойчивые национальные словесные образы – языковые единицы, выраженные словами и номинативными словосочетаниями, семантика которых формируется на основе ключевых фоновых и безэквивалентных слов национального литературного языка и включает в себя устойчивый объём национально-культурных коннотаций (Чинь Тхи Ким Нгок).

Фоновые знания – это обоюдное знание реалий говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения.

Цивилизация – межэтническая, культурно-историческая общность людей. Понятие *цивилизация* появилось еще в античную эпоху как определение качественного отличия античного общества от варварского окружения

Эквивалентная лексика – слова, которые выражают одно и то же понятие (т.е. содержат одинаковое количество понятийного материала, отражая один и тот же кусочек действительности) и не отличаются друг от друга эмоционально-экспрессивной, стилиевой или каким-либо другим видом константной знаменательной информации.

Этнолингвистика изучает язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов, план содержания культуры, народной психологии и мифологии (см. Труды Н.И.Толстого и его учеников).

Основное направление этнолингвистических исследований – изучение взаимодействия лингвистических, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и развитии языка. В центре внимания этой науки находятся такие вопросы, как изучение генетического родства народов, языкового контактирования, би- и мультилингвизма, влияния социокультурных факторов на развитие языка, реконструкция духовной этнической культуры на основе данных языков. Объект исследования в этнолингвистике «смещён» в сторону изучения языков племён, диалектов, языковой семьи и культурной группы, праязыка и пракультуры

Этикет представляет собой систему правил поведения в стандартных ситуациях общения, направленную на поддержание принятых в обществе статусно-ролевых предписаний и обеспечение бесконфликтного контакта участников общения. Этикет как норма представляет собой преломление культурных ценностей общества в национально-специфических правилах хорошего тона. Этикет Речевой

Языковая картина мира - отраженная в языке упорядоченная совокупность знаний о действительности, исторически сложившаяся в обыденном сознании определенного языкового коллектива.

Языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: «а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью». (Караулов, 1987).

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Основная литература

Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – 208 с.

Зиновьева, Е. И. Лингвокультурология. Теория и практика / Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков. - М.: МИРС, 2009. - 747 с.

Токарев, Г. В. Лингвокультурология: Учеб. пособие / Г. В. Токарев.– Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009.– 135 с.

Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. Учеб. пособие / В.Д. Бондалетова.— 5-е изд. - М.: Флинта: Наука, 2009. - 184 с.

2. Дополнительная литература

..Алефиренко, Н. Ф. Проблемы вербализации концепта / Н. Ф. Алефиренко.– Волгоград: Перемена, 2003.– 95 с.

Аскольдов, С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность: Антология / Под общ. ред. проф. В. П. Нерознака.– М.: Academia, 1997.– С. 267–279.

Болдырев, Н. Н. Когнитивная лингвистика [Электронный ресурс] : монография / Н. Н.

Брутян Г.А. Гипотеза Сепира-Уорфа. – Ереван, 1968. .Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая.– М.: Рус. словари, 1997. – 416 с.

Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании// Филологические науки- 2001 - №1. – С. 64-72

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 216 с.

Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик.– М.: Гнозис, 2002.– 332 с.

Кабачки, В. В. Введение в интерлингвокультурологию : учебное пособие для вузов / Краснов Ю.К. Русские: социальный портрет. – Владивосток: Изд-во

Дальневост. ун-та, 1989. – 335 с.

. Кун, Н.Л. Легенды и мифы Древней Греции / Н.Л. Кун. - М.: Калининград: Янтарный сказ, 2006. - 544 с.

Малые жанры русского фольклора: пословицы, поговорки, загадки / ред. В.Н. Морохин. - М.: Высшая школа, 1986. - 399 с.

Потебня А.А. Мысль и язык. – Харьков, 1913. – 205 с.

Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова.– М.: Изд-во МГУ, 2004.

Церквадзе М.Г. О некоторых приемах работы с концептом на занятиях РКИ / Неплучный журнал «Вестник магистратуры» (ISSN 2223-4047), № 11, 2020г. Йошкар-Ола С. 50- 36

3. Словари и энциклопедии

1. Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е. Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь. - М., 1991.

2. Даль В.И. Пословицы русского народа.- М, 2002.

3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка: Современная версия. М., 2001.

4. Мифологический словарь / Под ред. Е.М. Мелетинского. -М., 1

5. Руднев В.П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. -М, 1997.

6. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. -М., 1995.

7. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. -М., 1997

8. Шарапова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. – М., 2001.

Интернет-ресурсы

..Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка [Электронный ресурс] : учеб. пособие – Электрон. дан. – Москва : ФЛИНТА, 2016. – 288 с. – URL: <https://e.lanbook.com/book/84276.42>

Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику [Электронный ресурс] : учебное пособие / В. А. Маслова – М. : ФЛИНТА, 2007. – 295 с. –URL: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=1454 .

Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира [Электронный ресурс] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. –101 с. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=375681>

Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии [Электронный ресурс] : учеб. пособие – Электрон. дан. – Москва : ФЛИНТА, 2016. – 182 с. –URL: <https://e.lanbook.com/book/84459> ..

ЦЕРЦВАДЗЕ М.Г.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

(ДЛ Я МАГИСТРАНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ « РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА)

Учебное пособие

2020